

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 27. Выпуск 4

Санкт-Петербург

2024

Россия в глобальном мире
Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – д.э.н., профессор (Шэньчжэньского университета, г. Шэньчжэнь, Китай);

Калашишникова Н.П. – д.полит.н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва, Россия);

Ли Цзинчен – к. полит. н., (Шэньчжэньский университете, г. Шэньчжэнь, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Оспанова А.Н. – PhD (Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – д.ист.н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редакллегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ). С 2024 г. входит в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 - 84167 от 09.11.2022.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Тел. редакции: 8(812)606-62-42; e-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru; сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 27. Issue 4

Saint Petersburg
2024

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*)

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Yonghong Dai – Doctor of Economics, Professor (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Li Jingcheng – PhD in political science, (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – Doctor of History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer-reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations, Global and Regional Studies).

5.6. Historical sciences (5.6.1. National Russian History, 5.6.2. Global History).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications” No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL). Since 2024, it has been included in the list High Certification Commission, Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Editorial address: Polytekhnicheskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia

Editorial e-mail: russiaglobal@spbstu.ru; URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

<i>Лю Цинфанцзы, Ли Цзинчэн.</i> Взаимосвязь и вызовы: анализ китайско-мозамбикского партнерства на глобальном Юге	7
<i>Зарянский С.А.</i> Индо-Тихоокеанская Азия во внешней политике Японии в XXI веке	25
<i>Кожирова С.Б., Нечай А.А.</i> Предпосылки торговой войны между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой	46
<i>Шамилов А.С., Колесников Д.Е.</i> Финляндия во внешней политике Великобритании в 1918–1939 гг.	65

Общество и политика

<i>Ручкин Н.Д., Богданова Н.В.</i> Влияние решений министров партии «Зелёные» в правительстве Германии на имидж партии	89
<i>Бахтуридзе З.З., Гузей Я.С., Касаткин А.О.</i> Стратегия развития компании Huawei в период 2019–2022 гг.	104
<i>Глухов В.В., Мелентьева Н.И., Мелентьев М.Ю.</i> Об эффективности межгосударственных санкционных мер в условиях современной глобализированной экономики (на примере действий США против компании Huawei в период президентства Д. Трампа).....	122
<i>Кучумова Е.В., Гафаров М.С., Саблина М.А.</i> Специфика внешней миграции в России на современном этапе: проблемы и механизмы регулирования	137
<i>Болгов Р.В.</i> Электронное участие (e-participation) как область исследований: библиометрический анализ	164

Евразийская интеграция

<i>Калашиникова Н.П., Павлова О.К.</i> Создание свободных экономических зон в Китайской Народной Республике (историко-политологический анализ)	181
<i>Лу Фэн.</i> Геоидентичность и структура региона Центральной Азии в контексте истории бифуркаций (к постановке вопроса историографического анализа)	201

Страны, народы и культуры

<i>Бочкарева И.Б.</i> Система городского самоуправления в Семиреченской области Российской империи (конец XIX – начало XX в.)	218

Обзоры. Рецензии. Конференции

<i>Дзюба Е.В.</i> Запад и Восток: два взгляда – «два пути», или О России в очаге информационного противостояния (Рецензия на монографию: Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: коллективная монография / под ред. О. И. Калинина. М.: ООО «Флинта», 2024. 272 с.)	240

CONTENTS

International Relations

<i>Liu, Qinfangzi, Li, Jingcheng.</i> Connectivity and Challenges: Analyzing the China-Mozambique Partnership in the Global South	7
<i>Zaryansky, S.A.</i> Indo-Pacific Asia in the Foreign Policy of Japan in the XXI Century	25
<i>Kojirova, S.B., Nechai, A.A.</i> The Causes of US–China Trade War	46
<i>Shamilov, A.S., Kolesnikov, D.E.</i> Finland in British Foreign Policy (1918–1939) ..	65

Society and Politics

<i>Ruchkin, N.D., Bogdanova, N.V.</i> The Impact of the Green Ministers' Decisions in the German Government on the Party's Image	89
<i>Bakhturidze, Z.Z., Guzey, Y.S., Kasatkin, A.O.</i> Huawei's Development Strategy for 2019–2022	104
<i>Glukhov, V.V., Melenteva, N.I., Melentev, M.Yu.</i> On the Effectiveness of Interstate Sanctions Measures in the Context of a Modern Globalized Economy (Using the Example of the US Actions Against Huawei During the Presidency of D. Trump)	122
<i>Kuchumova, E.V., Gafarov, M.S., Sablina, M.A.</i> Specifics of External Migration in Russia at the Present Stage: Issues and Regulatory Mechanisms	137
<i>Bolgov, R.V.</i> E-participation as a Research Area: A Bibliometric Analysis	164

Eurasian Integration

<i>Kalashnikova, N.P., Pavlova, O.K.</i> Creation of Free Economic Zones in the People's Republic of China (Historical and Political Analysis)	181
<i>Lu Feng.</i> Central Asia's Geopolitical Identity and Structure in Context of Bifurcative History (to the Question of Historiographical Analysis)	201

States, Nations and Cultures

<i>Bochkareva, I.B.</i> The System of Urban Self-Government in the Semirechensk Region of the Russian Empire (Late XIX – Early XX Century)	218

Reviews. Conferences

<i>Dziuba, E.V.</i> West and East: Two Views – ‘Two Roads’, or About Russia in the Centre of Information Confrontation (Review on the Monograph: Information Warfare in Conditions of a Special Military Operation. Experience of Linguistic Analysis: Collective Monograph / ed. by O.I. Kalinin. Moscow: Flinta, 2024. 272 p.)	240

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.1

Connectivity and Challenges: Analyzing the China-Mozambique Partnership in the Global South

Qinfangzi Liu
City University of Macau, Macao SAR, China
jc.li@szu.edu.cn

Jingcheng Li ✉
Shenzhen University, ShenZhen, China
✉ jc.li@szu.edu.cn

Abstract. *Since the establishment of diplomatic relations in 1975, China has been an important contributor to Mozambique's progress. The Belt and Road Initiative (BRI) and Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) have strengthened strategic cooperation and economic ties between the two countries in a number of areas, such as infrastructure, energy, and agriculture. Important infrastructure projects and advancements in the mining and energy sectors have improved Mozambique's connectivity and ability to export resources. However, this collaboration also faces challenges, such as problems with transparency, governance, cultural disparities, and competition from Western nations, which have prevented it from reaching its full potential. This article explores the complex connection between China and Mozambique by emphasizing the political, economic, and historical factors that have influenced their collaboration. The findings highlight how crucial it is to adapt cooperative tactics in order to address issues in China-Mozambique cooperation, promote mutual gain, and promote sustainable development. The article also looks at potential future cooperation areas, especially in digital transformation and green energy, and offers ideas for how Mozambique might gain from China's expertise while strengthening local capabilities. As an indispensable player in South-South cooperation, Mozambique has the potential to establish itself as a key actor in regional stability and economic integration by participating in Global South frameworks. The China-Mozambique cooperation offers insights into how these collaborations might change to accommodate the evolving needs of developing countries, thus adds to the conversation on international relations in the Global South.*

Keywords: Mozambique; China; Global South; multilateral cooperation; global affairs

Funding: The research was carried out with the support of the National Social Science Fund of China (No. 22CGJ048) and the Shenzhen University Young Faculty Research Start-up Fund (No. 000001032057).

For citation: Liu, Qinfangzi, Li, Jingcheng. Connectivity and Challenges: Analyzing the China-Mozambique Partnership in the Global South. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 4. P. 7–24. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.1.

© Liu, Qinfangzi, Li, Jingcheng, 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.1

Взаимосвязь и вызовы: анализ китайско-мозамбикского партнерства на глобальном Юге

Лю Цинфанцзы
Сити Университет Макао, САР Макао, Китай
jc.li@szu.edu.cn

Ли Цзинчэн ✉
Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Китай
✉ jc.li@szu.edu.cn

Аннотация. С момента установления дипломатических отношений в 1975 году Китай вносит важный вклад в развитие Мозамбика. Инициатива «Пояс и путь» (BRI) и Форум по китайско-африканскому сотрудничеству (FOCAC) укрепили стратегическое сотрудничество и экономические связи между двумя странами в ряде областей, таких как инфраструктура, энергетика и сельское хозяйство. Важные инфраструктурные проекты и достижения в горнодобывающей и энергетической отраслях улучшили коммуникационные возможности Мозамбика и его способность экспортировать ресурсы. Однако это сотрудничество также сталкивается с трудностями, такими как проблемы с прозрачностью, управлением, культурными различиями и конкуренцией со стороны западных стран, которые не позволяют ему полностью раскрыть свой потенциал. В этой статье исследуется сложная связь между Китаем и Мозамбиком с акцентом на политические, экономические и исторические факторы, повлиявшие на их сотрудничество. Выводы подчеркивают, насколько важно адаптировать тактику сотрудничества, чтобы решить проблемы в китайско-мозамбикском взаимодействии, обеспечить взаимную выгоду и способствовать устойчивому развитию. В статье также рассматриваются потенциальные области будущего сотрудничества, особенно в сфере цифровой трансформации и «зеленой» энергетики, и предлагаются идеи о том, как Мозамбик может воспользоваться опытом Китая и одновременно укрепить местные возможности. Будучи незаменимым игроком в сотрудничестве Юг-Юг, Мозамбик имеет потенциал для того, чтобы утвердиться в качестве одного из ключевых участников региональной стабильности и экономической интеграции путем участия в

рамочных программах Глобального Юга. Сотрудничество между Китаем и Мозамбиком позволяет понять, как может измениться такое сотрудничество, чтобы удовлетворить растущие потребности развивающихся стран, и тем самым внести вклад в обсуждение международных отношений на Глобальном Юге.

Ключевые слова: Мозамбик; Китай; Глобальный юг; многостороннее сотрудничество; международные отношения

Финансирование: Исследования проведены при поддержке Национального Фонда общественных наук Китая (проект № 22CGJ048) и Фонда поддержки молодых научных сотрудников Шэньчжэньского университета (проект № 000001032057).

Для цитирования: Лю Цинфанцзы, Ли Цзинчэн. Взаимосвязь и вызовы: анализ китайско-мозамбикского партнерства на глобальном Юге // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 7–24. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.1.

© Лю Цинфанцзы, Ли Цзинчэн, 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Introduction

A long history of collaboration based on mutual support and common interests defines the bilateral relationship between China and Mozambique. China has been a staunch supporter of Mozambique since the country's independence in the 1970s, offering vital political, military, and financial support during the liberation fight. An important turning point was the official inauguration of diplomatic ties in 1975, which began a new era of friendship that has developed throughout the years. The relationship between China and Mozambique has grown considerably as the world has changed in the twenty-first century, especially with the introduction of China's Belt and Road Initiative (BRI). This effort not only represents China's determination to expanding its influence in Africa, but it also corresponds with Mozambique's development goals by increasing collaboration in critical sectors such as trade, infrastructure, education, and security. Today, Mozambique is a key strategic partner for China in Africa, highlighting the complexity and opportunities of South-South cooperation.

The goal of the article is to present a thorough examination of the background, present state, and potential future of China-Mozambique ties. It will examine how this partnership affects regional stability and global cooperation, highlighting the common objectives that guide their cooperation. In

order to improve the bilateral relationship while addressing new opportunities and challenges, the article will also provide insights and suggestions for additional involvement within frameworks like the Global South and BRICS Plus. We hope that this research will add to the larger conversation about global south development and international politics.

Methods and Materials

This study employs a qualitative research methodology to analyze the multifaceted relationship between China and Mozambique, focusing on historical, economic, political, and cultural dimensions. The following methods and materials were utilized to ensure a thorough exploration of the subject:

A comprehensive review of existing literature was conducted to gather insights on the historical context and current dynamics of China-Mozambique relations. Sources included academic journals, books, government reports, and policy papers that discuss bilateral cooperation, the Belt and Road Initiative, and broader China-Africa relations. Previous studies on sectoral cooperation between China and African countries maintain a high level of academic focus. A group of scholars has revisited the Chinese presence in Africa over the last decade [1; 2; 3], as Moyo noted, “China has become influential in Africa at the level of trade, investments and geo-political relations, but it is far from being a hegemonic recolonizer [4].” In the context of rising South-South cooperation among developing countries, scholars have diverse perspectives on the Chinese model of political, economic, and financial interactions with African nations [5]. D. C. Murphy highlighted China’s role as a rising power in Sub-Saharan Africa in relation to international geopolitical competition with Western countries while analyzing how the Belt and Road Initiative links African nations [6]. R. Asante argued that China’s economic involvement in Africa, within the framework of South-South cooperation, is “less exploitative and more relevant to local needs than the North’s [7].” Academic contributions also indicate that regions of the Global South have become central to world politics and economics [8].

Secondly, the question of bilateral relations between China and Mozambique has been addressed, primarily focusing on economic and investment projects [9; 10], especially in comparison to other countries interested in agricultural business in Mozambique [11; 12]. F. Garcia views

Mozambique as a strategically significant country that holds considerable influence throughout East Africa and controls entry points into the Southern hinterland. In this context, Mozambique has developed mutually beneficial political and trade relations with China, potentially reducing its dependence on traditional donors for natural resources [13]. However, Chinese contributions highlight that differing social backgrounds and the lingering influence of colonial culture mean that China and Mozambique do not share a strong sense of mutual cultural identity, resulting in ongoing challenges in their exchanges [14]. This foundational review helped identify key themes and frameworks for analysis.

Additionally, this study employs case studies to localize several major projects of China-Mozambique cooperation, such as the Maputo-Catembe Bridge and natural gas development initiatives, illustrating the practical implications of their bilateral relationship. These case studies were selected based on their significance in enhancing Mozambique's infrastructure and resource capabilities, thereby reflecting broader economic cooperation between the two countries. The document analysis method facilitates understanding of the formal commitments and strategic objectives guiding this relationship by reviewing official documents, including agreements between China and Mozambique, policy frameworks from the Chinese government, and statements from Mozambican officials. Additionally, data related to trade volumes, investment flows, and project outcomes were collected from bilateral customs and commercial statistics to assess the economic impacts of Chinese investments and the overall trade dynamics between Mozambique and China.

Through this complex research approach, the study aims to provide a comprehensive examination of the China-Mozambique relationship, contributing to the academic discourse on international cooperation and development strategies in the Global South.

Results

In recent years, under the frameworks of the Forum on China-Africa Cooperation and the Forum for Economic and Trade Cooperation between China and Portuguese-speaking Countries, China and Mozambique have engaged in fruitful cooperation in areas such as economy and trade, agriculture, culture, education, health, and infrastructure.

Historical Context of Bilateral Relations

Bilateral relations between China and Mozambique date back to the early 15th century when Zheng He's ships arrived off the coast of East Africa, laying the foundations for early Sino-African exchanges. In the 16th century, the arrival of the Portuguese initiated a gradual process of colonization and settlement, which persisted until Mozambique gained independence in 1975.

The People's Republic of China and the Republic of Mozambique established diplomatic relations on June 25, 1975, coinciding with Mozambique's proclamation of independence. Since then, the relationship has progressed smoothly, with China advocating for Mozambique in international forums and enhancing its global standing. This support not only deepened the Chinese-Mozambican friendship but also reflected China's broader foreign policy of supporting anti-colonial movements across Asia, Africa, and Latin America, reinforcing its image as a champion of national independence.

In the post-independence development phase, China and Mozambique engaged in extensive economic and technical cooperation, with China dispatching technical experts, establishing medical teams, and providing significant infrastructure assistance in transportation, agriculture, healthcare, and education [15]. The founding of the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) in 2000 and the Forum for Economic and Commercial Cooperation between China and Portuguese-speaking Countries (Macao) in 2003 introduced new avenues for partnership, enabling China to enhance support for African infrastructure, agricultural development, and technology transfer. China and Mozambique have cultivated long-standing cooperation in diplomatic and political fields, characterized by mutual support in international organizations and forums. Currently, several Chinese and Mozambican regions have established friendly twin-city relationships: Hubei Province to Gaza Province, Hainan Province to Nampula Province, and Shanghai City and Chengdu City to Maputo City. In September 2014, Mozambique opened a Consulate General in the Macao Special Administrative Region of the People's Republic of China.

With the launch of the Belt and Road Initiative in 2013, Mozambique became an integral part of China's global cooperation strategy. This partnership has led to significant advancements in infrastructure, resource development, and trade. Notable projects, including ports, roads, and railways, have emerged with

China's backing, greatly enhancing Mozambique's infrastructure. In May 2016, the two countries elevated their partnership to a comprehensive strategic level, continuously enhancing cooperation across diplomatic, political, cultural, economic, trade, and security domains [16]. In April 2019, President Filipe Jacinto Nyusi was invited by President Xi Jinping to attend the second Belt and Road International Cooperation Summit Forum in Beijing, during which the two leaders witnessed the signing of a series of documents, including a cooperation plan for China and Mozambique to jointly promote the BRI construction. In September 2024, President Xi Jinping met with President Nyusi, who was in China to attend the FOCAC Beijing Summit. The Mozambican side highly appreciates the global initiatives put forward by President Xi Jinping and is willing to increase mutual support with China on multilateral issues, promoting the establishment of a fairer and more reasonable international order [17]. This multifaceted collaboration has laid a solid foundation for the bilateral relationship and broader China-Africa cooperation. These high-level exchanges have strengthened friendly ties between the peoples of both nations and advanced their cooperative relationship.

In recent years, during the COVID-19 pandemic, China provided essential medical assistance, vaccines, and epidemic prevention materials to Mozambique, further solidifying the political relationship and highlighting China's influence in public health across Africa. Furthermore, cooperation between China and Mozambique in security and military fields has been enhanced, encompassing mainly counter-terrorism efforts and support for regional security. In response to increasing terrorist activities and extremist violence in northern Mozambique, China emphasizes strengthening Mozambique's capacity to respond to terrorist threats and transnational crimes.

Overall, in the early years of its independence, China supported Mozambique's struggle for international recognition, while Mozambique consistently backed China's positions at the United Nations, including adherence to the One China Policy and opposition to foreign interference in China's affairs [16]. Through FOCAC and BRI, China has deepened its cooperation with Mozambique within the framework of the African Union, offering support in various areas, such as economic development, infrastructure construction, and humanitarian assistance. This collaboration has significantly contributed to the strengthening of Global South cooperation.

Economic Projects and Collaborations

The economic relationship between Mozambique and China has grown significantly, characterized by numerous projects that enhance Mozambique's development while aligning with China's broader strategic interests. Since the establishment of diplomatic relations, China has assisted Mozambique in the construction of various projects, including economic housing, the national stadium, rural schools, the Agricultural Technology Demonstration Centre, and more than 20 technical cooperation projects, such as agricultural technology cooperation.

By the end of 2022, the cumulative total of various types of investment by Chinese enterprises in Mozambique had exceeded \$8.5 billion, involving sectors such as energy, minerals, agriculture, processing and manufacturing, and housing construction. [18]. In 2023, China exported approximately \$3.71 billion in machinery, electronics, chemicals, and textiles to Mozambique, dominating the market share. Conversely, Mozambique's exports to China, primarily consisting of timber, minerals, and agricultural products, amounted to around \$1.77 billion [19]. This growth underscores the mutual needs of both countries regarding resources, technology, and manufacturing. China has intensified its investments in infrastructure and mineral resources in Mozambique, while Mozambique relies on Chinese markets and technology to drive its resource development and industrialization.

China's investment in Mozambique encompasses several priority areas, particularly infrastructure, energy, and agriculture, showing remarkable progress in recent years. China is a leading investor and contractor in Mozambique's infrastructure development [20]. Notable projects, such as the Maputo – Katembe bridge and the Beira-Machipanda highway – National Highway Number Six (EN6), have significantly improved Mozambique's transportation network and promoted regional connectivity [21]. China also plays a critical role in developing Mozambique's gas and coal resources. Within the framework of the Belt and Road Initiative, China has supported the development of natural gas fields and plans to invest in liquefied natural gas (LNG) facilities to increase Mozambique's export capacity, positioning it as a significant global exporter of natural gas.

In agriculture, China has enhanced Mozambique's food production through the establishment of the Agricultural Technology Demonstration Centre

(ATDC), which has successfully introduced high-yield rice varieties and implemented farmer training programs. Since 2008, this project has provided vital technical support to local agriculture, laying the groundwork for food security and modernization [23].

Mozambique's rich reserves of natural gas, coal, and minerals are strong attractions for Chinese investment. The estimated 100 trillion cubic feet of natural gas reserves [24] positions Mozambique as a potential major exporter on the global stage. As China's demand for natural gas continues to rise, Chinese companies are heavily investing in LNG projects in Africa to secure domestic energy supplies while strengthening bilateral economic ties [25]. Moreover, Mozambique's coal resources offer China diversified energy import options, bolstering its energy supply while fostering local employment and infrastructure development. This resource attractiveness has fueled sustained Chinese infrastructure investments in Mozambique, ranging from transport to energy projects, facilitating future resource development and regional economic integration. There is significant potential for cooperation in renewable energy and environmental protection. Mozambique boasts abundant solar and wind energy resources, particularly in its southern and coastal regions. With China's clean energy technology support, Mozambique can efficiently develop these resources, reducing dependence on fossil fuels and advancing sustainable development [26]. China's expertise in environmental infrastructure and agricultural technology can assist Mozambique in areas such as wastewater treatment, water-saving irrigation, and sustainable farming practices. The transfer of Chinese technology can enhance Mozambique's environmental management, reduce carbon emissions, and boost local food production.

Digital transformation and science and technology cooperation are progressing rapidly in Mozambique, with China playing a visible role. Chinese investments in digital infrastructure focus on enhancing public service digitization, promoting financial inclusion, and modernizing the education system. For instance, the development of an e-government system has improved efficiency, transparency, and resource allocation within the Mozambican government [27]. Digital cooperation in agriculture and education has also advanced. China's precision agriculture technology and intelligent irrigation systems have improved agricultural productivity and reduced resource waste. In education, the establishment of a vocational and technical education platform

has expanded digital learning opportunities for Mozambican technicians and students, helping to close the educational gap and increase skills [28]. In March 2022, the Gorongosa Polytechnic Institute campus, funded by China, was handed over to the Mozambican government, marking a significant milestone in Sino-Mozambican cooperation in education and employment [29].

The Government of Mozambique announced in May 2020 the completion of a project to bring digital satellite television signals to 1,000 villages, benefiting over 20,000 families. This project, which started in 2018 and was co-funded by China, was implemented by the Chinese electronics and media company StarTimes. It trained 2,200 young people to maintain and provide assistance to beneficiaries. This initiative represents an important facet of China-Africa cooperation and is a notable outcome of the Belt and Road Initiative's people-to-people exchanges [30]. This educational and technical collaboration lays the foundation for modernizing Mozambique's economy while further deepening bilateral relations between China and Mozambique.

Fintech cooperation is another vital area. China's digital payment and banking technologies can address Mozambique's lack of traditional financial services, particularly in regions with underdeveloped banking infrastructure. The rise of mobile payments and digital wallets has significantly expanded financial inclusion and bridged geographic gaps in access to financial services. Furthermore, the New Development Bank (NDB), established by BRICS countries in 2015, can finance projects addressing urgent challenges in African countries [31]. The NDB's president, Dilma Rousseff, has emphasized the importance of joint infrastructure projects and the need for expanding payment mechanisms to build a more multilateral and inclusive financial system.

Challenges and Problems in Mozambique-China relations

China and Mozambique face several challenges in their cooperative relationship, particularly regarding policy differences, project implementation, and foreign assistance. Significant disparities exist in their political and economic policies. China demonstrates strong policy coherence and administrative execution, enabling it to swiftly advance large infrastructure projects. In contrast, Mozambican political environment is complex, with policies subject to change due to shifts in government. This volatility can create uncertainties for Chinese enterprises during investment and project

implementation, particularly concerning changes in tax policies, land use rights, and environmental regulations. Implementation issues are common in Sino-Mozambican projects, often stemming from challenges in management capacity, technical expertise, and local labor training [32]. Mozambique's relatively underdeveloped infrastructure capacity may not consistently meet international standards in project design, construction, and quality management, which introduces uncertainty regarding project quality and timelines.

Mozambique's economy is largely dependent on foreign help, particularly Chinese loans and financial aid. Infrastructure development has been made easier by this assistance, but it has also increased the amount of external debt owed. Because of its structurally fragile economy, Mozambique has a restricted ability to repay debt, which raises questions about the sustainability of its long-term debt. Furthermore, Mozambique's attempts to achieve independent growth and economic sustainability may be hampered by its dependency on international help.

Continuity and consistency are characteristics of Chinese policy, especially in economic planning, which facilitates the gradual advancement of major initiatives. On the other hand, Mozambique's political cycles sometimes result in shifting policies, which affect the continuity and stability of projects. For Chinese investors, this uncertainty presents risks because adjustments may have an impact on project management and anticipated returns. Mozambique's bureaucratic procedures can be complicated which frequently causes delays and higher operating expenses for Chinese enterprises, thus discouraging future investments. In contrast, China's administrative structure is effective in allocating resources and implementing policies. Differences in labor laws and culture make economic collaboration even more difficult. Mozambique's strict labor laws and social welfare requirements present additional operational challenges for Chinese businesses used to quick project progress [23].

Despite these obstacles, it is anticipated that as the Belt and Road Initiative advances throughout Africa, political ties between China and Mozambique would strengthen. China is probably going to increase its collaboration with Mozambique in vital areas including energy, agriculture, and infrastructure, especially in the areas of ports, railroads, and mining projects. China's capital and technical know-how can help Mozambique with resource development and industrial upgrading because of the country's natural gas resources and agricultural potential. The two countries' political ties and

strategic trust may improve as a result of this cooperative effort. China and Mozambique's partnership might grow to include renewable energy and green technology. Future investments in green finance, solar, and wind energy projects could promote ecological and environmental protection efforts [32]. This aligns with global trends in sustainability and may help reduce Mozambique's dependence on traditional resource exploitation.

However, China-Mozambique relations may face competitive pressures from other countries, particularly as the European Union and the United States increase their political influence and assistance to Mozambique. In this context, China needs adapt its cooperation strategy to ensure economic benefits while maintaining sustainable political relations. By fostering transparent cooperation and diversifying investment projects, China can assist Mozambique in mitigating debt risks and enhancing the stability of bilateral ties.

As the international political landscape evolves, China may also need to localize its cooperation model to better align with Mozambique's policy changes and the dynamic global environment. Addressing domestic security and political stability in Mozambique will be crucial. Strengthening risk prevention mechanisms and focusing on local social development needs will be vital for maintaining a robust and healthy bilateral relationship.

Discussion: Lessons for Global South Cooperation

The relationship between Mozambique and China offers valuable lessons for other nations in the Global South, particularly regarding the complexities of development partnerships. While foreign investment presents opportunities, several challenges characterize the business environment in Mozambique.

Firstly, the cost of living in Mozambique is higher than in many European and African countries, contributing to a low level of education among the labor force. A significant outflow of skilled workers, particularly middle-level technicians migrating to South Africa, Zimbabwe, and other countries, exacerbates this issue. Additionally, stringent labor laws, which mandate severance packages of at least three months' salary upon dismissal, elevate operational costs for businesses.

Foreign exchange management also presents challenges. Mozambique imposes strict restrictions on currency exchange, limiting operations to select banks. Such rules make foreign investment more difficult, even though some

businesses may keep some of their foreign funds for imports. Inadequate water, power, and transportation infrastructure also results in high logistical costs that have a detrimental effect on company operations.

Additional obstacles to market expansion are the population's low purchasing power and the economy's slow pace of development. Foreign investors are frequently hampered by bureaucratic inefficiencies, even in spite of government pledges to liberalize and the creation of the Investment Promotion Center to speed up approvals. Investor confidence is further undermined by worries about declining social security, rising crime rates, and inadequate police presence in cities.

Communication and project implementation are greatly impacted by the linguistic and cultural differences between China and Mozambique. The majority of Chinese employees usually speak just Chinese and English, yet Portuguese is the official language of Mozambique. Because of this language barrier, it is necessary to use interpreters, which makes information transfer more difficult and raises the possibility of misunderstandings. Cultural differences also pose difficulties. Project management expectations may be out of sync as a result of Chinese companies' tendency to place a higher priority on quick project completion and Mozambican employees' emphasis on work-life balance. Furthermore, in contrast to the Chinese approach, which can call for longer working hours, Mozambique's labor laws prioritize employee rights and downtime. These variations may lead to labor disputes, endangering the viability of the enterprise.

Western economic and political sway over Mozambique has grown in recent years, mostly as a result of financial aid and security backing. Mozambique's sustainable growth and integration into the global digital economy are intended to be enhanced by programs like the European Union's Global Gateway, which promotes renewable energy and digital infrastructure [33]. The United States has stepped up its support for security and public health initiatives, with a particular emphasis on counterterrorism and the fight against AIDS [34]. China's market position and the long-term viability of its collaboration are affected by the rivalry for investment from other countries. In order to improve the longevity of partnerships, European and American projects frequently include governance, transparency, and localization criteria. Overall,

other African countries pose major challenges to China's position as they strengthen their market appeal through better security and governance practices.

Egypt, Ethiopia, Iran, Saudi Arabia, and the United Arab Emirates were the latest member states to join the BRICS at the historic Johannesburg Summit. President Filipe Nyusi stated during this meeting that Mozambique is willing to work with the BRICS nations and is looking for funds from the New Development Bank. He underlined that BRICS infrastructure projects may greatly meet the continent's developmental demands, hence boosting Mozambicans' economic circumstances [35]. China is a vital partner for Mozambique because of its strong economic relations with Africa and its active membership in BRICS. The interests of Russia and Mozambique coincide on international issues, according to José Mateus Katupha, Mozambique's ambassador to Russia [36], emphasizing collaboration in politics, diplomacy, research, technology, and economy. In addition to strengthening bilateral relations, ongoing cooperation in the fields of energy, infrastructure, and agriculture makes it easier for Mozambique to join larger BRICS Plus initiatives, which is crucial for gaining access to fresh investment possibilities and advancing regional stability.

Conclusion

In conclusion, the China-Mozambique partnership is an important instance of a dynamic model of cooperation in the Global South, characterized by notable successes in trade and economic cooperation. Remarkable efforts have improved Mozambique's connectivity, infrastructure, and ability to export resources. China's calculated investments in the development of coal and natural gas have bolstered Mozambique's local economy and enhanced energy and food security.

This collaboration is not without its difficulties, though. Significant barriers that could compromise the long-term viability of this collaboration include implementation challenges, cultural differences, and growing competition from Western countries. Transparency and governance standards concerns have become important issues that need constant attention. Going forward, there are encouraging opportunities for growth due to the possibility for cooperation in the fields of green energy, digital transformation, and agricultural modernization. Digital technology developments and solar and wind energy initiatives can be extremely helpful in assisting Mozambique in achieving sustainable development

objectives. China will need to enhance its risk management techniques and take more regional approaches to its investments if it is to keep its competitive edge in the face of intensifying competition from abroad.

In the end, the development of China-Mozambique ties offers other countries in the Global South a useful case study, emphasizing the significance of adjusting to local circumstances and promoting reciprocal advantages in global alliances. The lessons learnt as both nations work through the challenges of their relationship could lead to more robust and just forms of South-South collaboration, which would support stability and growth in the region as a whole.

REFERENCES

1. Shaw, T.M., Cooper, A.F., Antkiewicz, A. Global and/or Regional Development at the Start of the 21st Century? China, India and (South) Africa. *Third World Quarterly*. 2007. Vol. 28. № 7. P. 1255–1270.
2. Mawdsley, E. China and Africa: Emerging Challenges to the Geographies of Power. *Geography Compass*. 2007. Vol. 1. Iss. 3. P. 405–421.
3. Alden, C., Wu, Y. South Africa and China: the Making of a Partnership. *South African Institute of International Affairs (SAIIA), Occasional Paper*. 2014. № 199. Available at <https://saiia.org.za/research/south-africa-and-china-the-making-of-a-partnership/> (accessed: 13.09.2024).
4. Moyo, S. Perspectives on South-South Relations: China's Presence in Africa. *Inter-Asia Cultural Studies*. 2016. Vol. 17. Iss. 1. P. 58–67.
5. Lee, C.K. *The Specter of Global China: Politics, Labor, and Foreign Investment in Africa*. Chicago. University of Chicago Press, 2018. 256 p.
6. Murphy, D.C. *China's Rise in the Global South. The Middle East, Africa, and Beijing's Alternative World Order*. Redwood City. Stanford University Press, 2022. 408 p.
7. Asante, R. China and Africa: Model of South-South Cooperation? *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2018. Vol. 4. № 02. P. 259–279.
8. Gray, K., Gills, B.K. South-South Cooperation and the Rise of the Global South. *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. Iss. 4. P. 557–574.
9. Amanor, K.S., Chichava, S. South–South Cooperation, Agribusiness, and African Agricultural Development: Brazil and China in Ghana and Mozambique. *World Development*. 2016. Vol. 81. P. 13–23.
10. Tembe, P.E., Xu, K. China-Africa Economic Cooperation: Chinese Companies' Contributions to African Development – The Cases of Mozambique and Angola. *Research in World Economy*. 2013. Vol. 4. № 2. P. 61–74.
11. Brautigam, D., Ekman, S.M.S. Briefing Rumours and Realities of Chinese Agricultural Engagement in Mozambique. *African Affairs*. 2012. Vol. 111. Iss. 444. P. 483–492.
12. Chichava, S., Duran, J., Cabral, L., et al. Brazil and China in Mozambican Agriculture: Emerging Insights from the Field. *IDS Bulletin. Special Issue: China and Brazil in African Agriculture*. 2013. Vol. 44. Iss. 4. P. 101–115.

13. Garcia, F.P. China's Economic Presence in Mozambique. *Estudos Internacionais*. 2020. Vol. 8. № 3. P. 110–127.
14. Xing Xianhong 邢献红. Zhongguo yu mosangbike wenhua jiaoliu tanxi 中国与莫桑比克文化交流探析 [Exploration and Analysis of Cultural Exchange Between China and Mozambique]. *Zhejiang shifan daxue xuebao (shehui kexue ban) 浙江师范大学学报(社会科学版)* [Journal of Zhejiang Normal University (Social Sciences)]. 2018, № 43(05). P. 119–124. (In Chinese).
15. Zhongguo yu Mosangbike zhengzai jianshe xin de “haishang sichou zhi lu” 中国与莫桑比克正在建设新的“海上丝绸之路” [China and Mozambique are Building a New “Maritime Silk Road”]. *Renmin wang 人民网* [People's Daily Online]. Available at politics.people.com.cn/n/2015/0923/c70731-27623575.html (accessed: 20.10.2024).
16. Zhonghua Renmin Gongheguo he Mosangbike Gongheguo guanyu jianli quanmian zhanlue hezuo huoban guanxi de lianhe shengming 中华人民共和国和莫桑比克共和国关于建立全面战略合作伙伴关系的联合声明 [Joint Statement between the People's Republic of China and the Republic of Mozambique on the Establishment of a Comprehensive Strategic Partnership]. 18.05.2016. *Zhonghua renmin gongheguo waijiao bu 中华人民共和国外交部* [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. Available at https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/fz_677316/1206_678236/1207_678248/201605/t20160518_9317971.shtml (accessed: 20.10.2024).
17. Xi Jinping Meets with President of Mozambique Filipe Jacinto Nyusi. 04.09.2024. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/fzs_663828/xwlb_663830/202409/t20240905_11485583.html (accessed: 20.10.2024).
18. Wang Hejun dashi zai “Guoji shang bao” biao shuming wenzhang “Zhong mo ge lingyu hezuo ti zhi zeng xiao xing wen zhiyuan 王贺军大使在《国际商报》表署名文章《中莫各领域合作 提质增效行稳致远》 [Ambassador Wang Hejun published an authored article in the “International Business Daily”, “China-Mozambique Cooperation in Various Fields: Enhancing Quality, Increasing Efficiency and Stabilising the Way Forward”]. *Zhonghua renmin gongheguo shangwu bu 中华人民共和国商务部* [Ministry of Commerce of the People's Republic of China]. Available at <https://m.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/k/202110/20211003204618.shtml> (accessed: 20.10.2024).
19. Zhongguo tong Mosangbike de guanxi 中国同莫桑比克的关系 [Relations between China and Mozambique]. *Zhonghua renmin gongheguo waijiao bu 中华人民共和国外交部* [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. Available at https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/fz_677316/1206_678236/sbgx_678240/ (accessed: 20.10.2024).
20. China Ready to Strengthen Mozambique's Infrastructure, Agriculture, and Energy. 02.12.2021. *The Macao News*. Available at <https://macaonews.org/news/lusofonia/china-ready-to-strengthen-mozambiques-infrastructure-agriculture-and-energy/> (accessed: 20.10.2024).
21. Sino-Mozambican Cooperation Boosts Infrastructure Development in Mozambique. *Profile*. Available at <https://profile.co.mz/en/sino-mozambican-cooperation-boosts-infrastructure-development-in-mozambique/> (accessed: 20.10.2024).
22. Innovation and Practice of China's Agricultural Development Assistance: A Case Study on China's Agricultural Technology Demonstration Center in Mozambique. *China*

International Development Cooperation Agency, United Nations Development Programme. 2018. Available at <https://www.undp.org/china/publications/innovation-and-practice-china-agricultural-assistance> (accessed: 18.10.2024).

23. Celso Tamele. Reflections on a Decade of Chinese Agricultural Engagement in Mozambique. 07.05.2020. *Global Impacts. Information, Data, and Stories that Impact Our Perception of Current Global Sustainable Development*. Available at <https://global-impacts.org/2020/05/07/reflections-on-a-decade-of-chinese-agricultural-engagement-in-mozambique/> (accessed: 20.10.2024).

24. Mozambique. *U.S. Energy Information Administration (EIA). Independent Statistics and Analysis*. Available at <https://www.eia.gov/international/analysis/country/MOZ> (accessed: 20.10.2024).

25. Hanauer, L., Morris, L.J. Chinese Engagement in Africa: Drivers, Reactions, and Implications for U.S. Policy. *RAND. National Security Research Division*. 2014. Available at https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR521.html (accessed: 20.10.2024).

26. CNPC's Mozambique site yields first LNG shipment, advances green goals. 15.11.2022. *China Daily Group*. Available at <https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/15/WS6372e913a310491754329b63.html> (accessed: 20.10.2024).

27. Mozambique – Digital Acceleration Project. June 10, 2022. *World Bank Group*. Available at <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/656831656370652507/mozambique-digital-acceleration-project> (accessed: 20.10.2024).

28. China outlines Nine Projects implementation in Mozambique. 07.11.2022. *Caj News Africa. Setting Journalism Standards for Africa*. Available at <https://www.cajnewsafrica.com/2022/11/07/china-outlines-nine-projects-implementation-in-mozambique/> (accessed: 20.10.2024).

29. Campus Funded by China Turned Over to Mozambican Government. 18.03.2022. *Permanent Secretariat of the Forum for Economic and Trade Co-operation between China and Portuguese-speaking Countries (Macao)*. Available at https://forumchinapl.org.mo/en/economic_trade/view/3131 (accessed: 20.10.2024).

30. BRI Stories. Chinese-Aided Satellite Television Signal Project Brings Happiness to Mozambican families. 12.09.2023. *The Belt and Road Portal*. Available at <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0DQUBGK8.html> (accessed: 20.10.2024).

31. BRICS Bank Can Help African Countries Tackle Urgent Challenges. 25.08.2023. *Club of Mozambique*. Available at <https://clubofmozambique.com/news/brics-bank-can-help-african-countries-tackle-urgent-challenges-243881/> (accessed: 20.10.2024).

32. Liu Xiaohui 刘 晓 晖. Shangwu canzan fangtan 商务参赞访谈 [Commercial Counselor Interview]. *Zhonghua renmin gongheguo shangwu bu 中华人民共和国商务部 [Ministry of Commerce of the People's Republic of China]*. Available at <https://interview.mofcom.gov.cn/detail/201605/1542.html> (accessed: 20.10.2024).

33. Global Gateway: Commissioner Urpilainen Launches Digital Flagship Programme to Support Mozambique's Digital Skills and Employment. 21.06.2024. *European Union Websites*. Available at https://www.eeas.europa.eu/delegations/mozambique/global-gateway-commissioner-urpilainen-launches-digital-flagship-programme-support-mozambique's_en?s=111 (accessed: 20.10.2024).

34. The U.S. Strategy to Prevent Conflict and Promote Stability in Mozambique. 12.03.2024. *United States Agency for International Development (USAID)*. Available at <https://www.usaid.gov/conflict-prevention-and-stability/fact-sheets/mar-12-2024-us-strategy-prevent-conflict-and-promote-stability-mozambique> (accessed: 20.10.2024).

35. Mozambique Wants to Cooperate with BRICS Countries and Access Funds from BRICS Bank. 25.08.2023. *Club of Mozambique*. Available at <https://clubofmozambique.com/news/mozambique-wants-to-cooperate-with-brics-countries-and-access-funds-from-brics-bank-nyusi-watch-243878/> (accessed: 20.10.2024).

36. Mateus Katupha, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Mozambique to the Russian Federation: “People of Our Countries should Increase Communication in Different Areas”. 22.02.2023. *Media Network Edition TV BRICS*. Available at <https://tvbrics.com/en/shows/mateus-katupha-ambassador-extraordinary-and-plenipotentiary-of-the-republic-of-mozambique-to-the-rus/> (accessed: 20.10.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Qinfangzi Liu – PhD Student, Institute for Research on Portuguese-speaking countries at City University of Macau.

Jingcheng Li (corresponding author). – PhD, Assistant Professor, College of International Studies, Institute of Area and International Communication Studies at Shenzhen University.
E-mail: jc.li@szu.edu.cn

The authors declare no conflict of interests.

Цинфанцзы Лю – докторант Института исследований португалоязычных стран Сити Университета Макао.

Цзинчэн Ли (корреспондирующий автор). – доктор наук, ассистент-профессор Института международных исследований и Института региональных исследований и международной коммуникации Шэньчжэньского университета.

E-mail: jc.li@szu.edu.cn

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024.
Одобрена после рецензирования 15.11.2024.
Принята 15.11.2024.

Received 22.10.2024.
Approved after reviewing 15.11.2024.
Accepted 15.11.2024.

научная статья
УДК: 327.5 + 327.8
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.2

Индо-Тихоокеанская Азия во внешней политике Японии в XXI веке

Зарянский Сергей Александрович ✉
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
✉ Zaryanskysergey@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-3407-5004>

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть результаты исследования роли Индо-Тихоокеанского региона (далее ИТР) в современной внешней политике Японии и проанализировать процесс развития и возможные векторы дальнейших изменений в японской внешнеполитической доктрине в регионе. Актуальность данной тематики обусловлена как заинтересованностью Российской Федерации в развитии отношении со странами Азии и ИТР, так и международными политическими процессами, происходящими в регионе и оказывающими влияние как внутри, так и вовне его. В основе исследования лежит системный подход, концепции неофункционализма и структурной взаимозависимости. В целях корректного прогнозирования потенциальных изменений в исследуемом объекте частично используется методология «foresight». Новизна исследования заключается во введении в научный оборот новых источников по тематикам, связанным с внешней политикой Японии, а также в определении векторов дальнейшего развития стратегии Японии в ИТР. В результате исследования выявлено, что концепция «Свободного и Открытого Индо-Тихоокеанского региона» (англ. FOIP) является ключевым вектором внешней политики Японии, направленным на укрепление и расширение её влияния в регионе. Концепция представляет собой многосторонний внешнеполитический подход, который включает в себя развитие сотрудничества с различными странами и региональными организациями, укрепление торговых связей и культурного обмена, а также продвижение общих ценностей и стандартов. Направленная на создание зоны безопасности, стабильности и экономического процветания в ИТР, концепция «Свободного и Открытого Индо-Тихоокеанского региона» отражает долгосрочную стратегию Японии по поддержанию регионального миропорядка, выгодного стране. Исследование показало, что FOIP опирается на использование доступных инструментов внешней политики, таких как двусторонние и многосторонние соглашения, форумы и форматы диалога, а также минилатеральные соглашения с небольшим количеством региональных акторов в целях поиска взаимовыгодных решений для современных вызовов, в т. ч. в случаях, когда интересы государств-партнёров имеют значительные расхождения.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский Регион; региональное развитие Азии; межрегиональное сотрудничество; Индия; АСЕАН; КНР; ЕС; FOIP

Финансирование: Грант Российского научного фонда: проект № 24–28–01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав» (<https://rscf.ru/project/24-28-01710/>).

Для цитирования: Зарянский С.А. Индо-Тихоокеанская Азия во внешней политике Японии в XXI веке // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. № 4. С. 25–45
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.2.

© Зарянский С.А., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327.5 + 327.8

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.4.2

Indo-Pacific Asia in the Foreign Policy of Japan in the XXI Century

Sergey A. Zaryansky ✉

Ural Federal University named after first president of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia

✉ Zaryanskysergey@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-3407-5004>

Abstract. *This paper examines the role of the Indo-Pacific region in contemporary foreign policy of Japan and analyses the process of development and changes in foreign policy doctrine of Japan in the Indo-Pacific. The relevance of this topic is conditioned both by the Russian Federation's interest in developing relations with Asian and Indo-Pacific countries and international political processes occurring in the region and influencing both within and outside the region. The research is based on the systemic approach, the concepts of neofunctionalism and structural interdependence, and partially uses the 'foresight' methodology to correctly anticipate potential changes in the object under study. The research novelty lies in the introduction of new research materials on topics related to Japan's foreign policy, as well as in the identification of vectors for further development of Japan's strategy in the Indo-Pacific. The study reveals that the Free and Open Indo-Pacific (FOIP) concept is a key vector of Japan's foreign policy aimed at strengthening and expanding its influence in the region. It represents a multilateral foreign policy approach that includes developing cooperation with various countries and regional organizations, strengthening trade ties and cultural exchange, and promoting common values and standards. Aimed at creating a zone of security, stability and economic prosperity in the region, the Free and Open Indo-Pacific concept reflects Japan's long-term strategy to maintain a favorable regional world order. The research indicates that FOIP based on the use of available foreign policy instruments such as bilateral and multilateral agreements, forums and dialogue formats, and minilateral agreements with a small number of regional actors to find mutually beneficial solutions to contemporary challenges, including cases when partner states' interests have significant divergence.*

Keywords: Indo-Pacific; Regional Development of Asia; Interregional Cooperation; India; ASEAN; China; EU; FOIP

Funding: The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24–28–01710 “Region-Building and Economic Integration Processes in Asia Under the Conditions of a Competition Between Great Powers” (<https://rscf.ru/project/24-28-01710/>).

For citation: Zaryansky, S.A. Indo-Pacific Asia in the Foreign Policy of Japan in the XXI Century. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 4. P. 25–45. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.2.

© Zaryansky, S.A., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Введение

В XXI в. Азия является наиболее стремительно развивающейся частью мира. В прошлом регион был одним из наиболее значимых мест столкновения интересов великих колониальных держав, оставивших после своей деятельности много положительных и отрицательных последствий, начиная от вестернизации и стремительного развития ряда государств, таких, как Япония, и заканчивая возникновением зон перманентной нестабильности, таких как Афганистан и Мьянма. Азиатские государства стали лидировать в качестве объектов финансовых, культурных и политических инвестиций третьих стран и иных акторов международных отношений.

Благодаря такому интересу «со стороны», а также росту возможностей государств Азии влиять на формирование и изменение не только заранее обусловленных географических и политических, но и менее осязаемых концептуальных границ региона [1], изучение потенциальных результатов противостояния и/или сотрудничества как региональных, так и внерегиональных субъектов внешней политики в Азии становится особенно актуальным. В статье анализируется региональная политика Японии как одной из наиболее влиятельных держав в Индо-Тихоокеанском регионе (далее – ИТР).

Актуальность исследуемой тематики, с одной стороны, определяется заинтересованностью России в развитии отношений с азиатскими государствами, что зафиксировано в концепции внешней политики РФ, и, с другой стороны, сложностью и многомерностью новых подходов иностранных государств к проведению макрорегиональной политики, в т. ч. по причине критического отношения к ним высшего руководства РФ [2; 3; 4].

Одними из наиболее развитых и активных субъектов международных отношений в ИТР на сегодняшний день выступает

Япония, последовательно развивающая различные инфраструктурные, промышленные и гуманитарные проекты [5]. Однако, результативность таких проектов, равно как и развитие новых инициатив напрямую связано с построением различных политических концепций, объектом которых будет как развитие актора международных отношений, так и точки приложения усилий.

Изучению внешней политики Японии в Азии посвящено достаточно большое количество исследований, однако, сравнительно небольшое внимание уделено анализу японской стратегии в ИТР. Среди отечественных авторов можно выделить Китаева Р.В. [6] Гордиенко Д.В. [7] и Позднякова Е.И. [8], изучавших вопросы развития стратегии правительства Японии в ИТР в экономическом плане, а также их связь с внешнеполитической деятельностью США.

В фокусе предлагаемого исследования – внешнеполитическая концепция Японии в отношении ИТР, прогнозирование перспектив её развития и сопряжения с иными стратегиями и целями партнёров Японии. Новизна исследования представлена во введении в научный оборот новых источников, а также в определении векторов дальнейшего развития стратегии Японии в ИТР.

В основе методологии лежит системный подход, с точки зрения которого изменения в одной области некоторого феномена неизменно влекут за собой перемены не только составных частей различных концепций развития Азии, но и характера любого другого внешнеполитического взаимодействия субъектов международных отношений в целом.

Кроме того, в целях выявления закономерностей развития сотрудничества меж акторов, а также предвосхищения возможностей для последующего сопряжения усилий в этой области, в рамках исследования будет частично применена методология «foresight» [9] (рус. *предвидение* – авт.).

Помимо этого, настоящее исследование частично опирается на интеграционные теории международных отношений, такие как концепция неофункционализма Хааса Э.Б. [10] и теории структурной взаимозависимости [11].

Источниковую базу исследования составляют официальные документы, рескрипты выступлений политических деятелей Японии,

относящиеся к формулированию внешнеполитических стратегий; материалы неправительственных организаций, вовлечённых в процесс проектирования и/или реализации политических инициатив указанных сторон; публикации международных и национальных СМИ, освещающих процесс формирования внешнеполитической повестки; работы некоторых исследователей смежных научных направлений.

Материалы и их обсуждение

История внешней политики Японии в Азии и современные концепции регионального развития ИТР

Для понимания современных японских концепций регионального развития Азии важно отметить ряд положений, лежавших в основе «Восточноазиатской сферы сопроцветания»: доктринальной внешнеполитической установки Японии середины XX вв., зафиксированной в рамках официальных правительственных заявлений [12]. Сформулировать их можно следующим образом:

1. государствам Восточной Азии следует стремиться к объединению в целях защиты собственной независимости, суверенитета и идентичности;
2. Япония будет одним из лидеров нового порядка в «Большой Восточной Азии», как наиболее развитое во всех смыслах государство;
3. странам Восточной Азии следует устанавливать и развивать тесные экономические связи на основе взаимности для укрепления региона в целом.

Описанные выше положения не были использованы эффективно, и начиная с 1945 г. Японии предстояло восстанавливать свою репутацию в Восточной Азии и мире, в целом. В самых первых концепциях внешней политики послевоенной Японии в отношении Азии присутствовали все три этих положения.

Некоторые внешнеполитические аспекты «Доктрины Ёсида» (по большей части направленной на обеспечение безопасности Японии), и, в большей степени, «Доктрины Фукуда», оформившиеся на основе выступлений премьер-министров страны в 1957 г. и 1977 г. соответственно, в какой-то степени включали упомянутые ранее позиции при значительном расширении самих положений [13], а также отличными от прошлых паттернами реализации.

Вплоть до начала XXI в. никаких существенных концептуальных изменений в политику Японии исключительно в Азии [14] не вносилось, в силу смены фокуса правительства страны с развития региональных связей на построение того, что можно было бы назвать «global connectivity», в силу особенностей того периода развития Японии и мира. Важно отметить, что несмотря на это, экономическое взаимодействие Японии со странами Азии в период с 1960 г. по 1990 г. стремительно развивалось, и впоследствии подтолкнуло политических лидеров задуматься о реформатировании (или даже некоторой фрагментации) существовавших в тот период внешнеполитических идей.

Реальные изменения концептуального характера пришли в эту сферу деятельности Японского государства лишь после окончания «потерянного десятилетия», т. е. уже в XXI в. В период с 2000 по 2012 гг. правительством Японии было предпринято множество гуманитарных, экономических и инфраструктурных инициатив в Азии, которые, с одной стороны, были результатом развития принципов и представлений о взаимодействии Японии с регионом, заложенных в XX в. (а в случаях ряда государств - намного раньше). С другой стороны, они стали результатом инновационных подходов к проведению внешней политики правительства Японии не в различных частях Азии по отдельности, а в рамках современной «конвергенции», пересечения различных концепций макрорегионального устройства XXI вв., т. е. проведения «всеазиатской» внешней политики [15].

Наиболее значимым для настоящего исследования стало введение японской стороной в международный политический оборот понятия «Индо-Тихоокеанский регион», которое использовал в 2007 г. премьер-министр Японии Абэ С. в своей книге «К прекрасной стране» (яп. 美しい国へ). В рамках своего выступления в парламенте Республики Индия [16] он впервые в новейшей истории вывел формулу существования Азии, в которой мирное экономическое взаимодействие и взаимопомощь, а также установление между государствами и иными региональными акторами состояния взаимосвязанности. Предполагалось, что экономическое взаимодействие и взаимопомощь будут драйверами не только регионального, но и национального, а, впоследствии, и глобального развития.

В рамках своего выступления бывший премьер-министр неоднократно использовал формулировки расширительного характера, говоря о «Расширяющейся» или «Великой» Азии – той реальности, которую он считал существующей уже в тот момент, а также о необходимости сформировать «в пределах Евразии дугу свободы и процветания», т. е. цельного пространства, с рядом единых интересов (в первую очередь – экономического, материального, а не ценностного плана).

Подобные воззрения показывают историческую преемственность японской внешней политики в целом и её азиатскому направлению в частности, если не «на практике», то в рамках идей о мироустройстве в рамках ИТР во всевозможных конфигурациях. Именно в этом направлении продолжает развиваться внешняя политика Японии вплоть до сегодняшнего дня.

Одновременно с этим, Абэ С. привносит ряд ранее отсутствовавших в японской концепции регионального развития Азии положений, а именно указывает на необходимость развития «общих» ценностей. Естественно, в случае Японии, таковыми являются «демократия», «свобода торговли и мореплавания», а также защита и сохранение окружающей среды и верховенство норм права в любых вопросах.

Ряд исследователей [17; 18; 19; 20] считает, что постепенное проведение «Индо-Тихоокеанской» политики Японии является не более чем средством построения новой системы безопасности в регионе, направленной против Китайской Народной Республики, одного из дестабилизирующих регион факторов, по мнению японской стороны.

Считаем, подобные воззрения верны лишь отчасти, т. к. Япония не только участвует в различных проектах регионального масштаба вместе с КНР, но и является одним из её главных промышленных и торговых партнёров.

В проведении своей внешней политики в регионе правительство Японии использует весь доступный дипломатический инструментарий путём заключения многосторонних соглашений, подписания меморандумов и т. п. Здесь важно отметить, что в рамках своей индо-тихоокеанской политики Япония часто использует механизмы минилатерализма [21]. Среди примеров их использования следует отдельно выделить «Трёхсторонний секретариат по вопросам

сотрудничества» (далее – TCS), способствующий развитию всестороннего сотрудничества между КНР, Японией и Республикой Корея.

По мнению Уилкинса Т., Хироно М., Энвал Х.Д.П. и Хатакэяма К., данный формат взаимодействия находится под значительным влиянием КНР и несколько противоречит внешнеполитическим взглядам Японии [22]. Однако, следует заметить, что поскольку сам формат TCS функционирует как площадка для поиска компромиссных и/или взаимовыгодных решений для задач развития межкультурного, экономического и политического диалога меж странами участницами, было бы более корректно говорить не о «противоречии» формата различным доктринам, а об особенностях национального представления понятий «Азия» и «Индо-Тихоокеанский регион», несмотря на серьёзные противоречия Японии и КНР, которые имеют множество совместных инициатив.

Например, правительства Японии и Китайской Народной Республики заключили Меморандум о сотрудничестве в странах третьего мира [23], позволяющий найти точки пересечения между внешнеполитическими концепциями двух государств как в Азии, так и за её пределами. Более того, обе страны вместе принимают участие в работе Всестороннего регионального экономического партнёрства (далее – ВРЭП), результатом которого, в том числе, стало развитие выгодного взаимодействия между всеми участниками, которое, как считает Ватанабэ Х.Р., может в итоге усилить устойчивое развитие и безопасность ИТР [24].

Так или иначе, одно из существенных концептуальных изменений в политике Японии в Азии – появление исходящей от японской стороны готовности договариваться с любыми представителями региона до тех пор, пока их взаимодействие выгодно Японии или региону в целом, если это взаимодействие не нарушает необходимые для сотрудничества ценностные установки с важным для страны партнёром – Соединёнными Штатами Америки.

До заключения ВРЭП, отмечал экономист Син Ю., предметом исследования которого был особый характер экономических отношений Японии и КНР [25], который нельзя однозначно трактовать как «соперничество».

В итоге идеи, предложенные Абэ С., пересеклись с ранними воззрениями о региональном мироустройстве и сформировали концепцию

(или стратегию) «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific) (далее – FOIP), границы которой были намного шире любых проектов регионального строительства, что проводились страной в прошлом.

Среди значимых нововведений этой итерации внешнеполитической стратегии Японии в Азии следует выделить [26]:

1. расширение географических границ интересующего Японию региона и постепенным вовлечением в них Африки и Центральной Азии;
2. развитие региональной взаимосвязанности (англ. regional connectivity) в институциональном, инфраструктурном и гуманитарном измерениях;
3. усиление региональных механизмов по обеспечению экономической и гуманитарной безопасности с целью усиления защищённости ИТР от внешних и внутренних угроз.

Последняя версия японского видения концепции FOIP была озвучена премьер-министром Японии Кисида Ф. в марте 2023 г. при встрече с Индийским советом по международным делам [27].

В целом, его прочтение FOIP развивало ранее предложенную стратегию по развитию ИТР, однако, в ней появился ряд важных уточнений. Так, если до этого можно было лишь предполагать, что правительство государства готово сотрудничать даже с теми акторами, что не разделяют его взглядов на мир, то теперь эта позиция стала официальной – Япония не планирует насаждать свои ценности иным странам региона

Наиболее важным дополнением ко всем ранее существовавшим азиатским стратегиям современной Японии можно считать готовность страны защищать «мир и процветание» региона. Это напрямую связано с долго идущими дебатами о необходимости пересмотра 9 статьи Конституции Японии, запрещающей ей иметь вооружённые силы в любом виде. Однако, это вовсе не означает о переходе к ведению агрессивной внешней политики. Напротив, речь идёт о выстраивании системы таких региональных отношений, в которой независимо от экономической, военной, политической и иной мощи все участники относились бы к друг другу как к равным, а значит были бы готовы к совместному развитию ИТР.

*Перспективы дальнейшего развития
Индо-Тихоокеанской стратегии Японии*

На текущий момент FOIP является одним из наиболее важных векторов внешнеполитической деятельности Японии. Направленность на развитие «взаимосвязанности» государств региона до недавних пор выражалась лишь в проектах инфраструктурного развития в гуманитарной, логистической и информационной областях [28]. Однако, как отметил премьер-министр Японии Кисида Ф., в условиях возникновения новых вызовов, позиция страны должна быть гибкой и легко адаптироваться к возникающим условиям.

В этой связи текущая итерация FOIP [29] выводит на первый план не просто «взаимосвязанность» и «выгодную взаимозависимость» государств ИТР, а «безопасность развития» региона, которой ранее отводилось меньшее внимание. При этом под «безопасностью» понимается не только взаимоуважение суверенитета государств региона и отсутствие войн и вооружённых конфликтов, но и вопросы здравоохранения, образования, пищевой и энергетической самодостаточности ИТР.

Основным объектом политики сотрудничества в области безопасности со странами ИТР в рамках FOIP для Японии остаётся обеспечение стабильного судоходства в регионе. Интересно, что помимо усилий по развитию «антипиратской» деятельности, Японии готова предоставлять различную помощь вооружённым силам дружественных государств в целях укрепления безопасности мореплавания. Речь в данном случае идёт не просто о субсидиях и/или передаче материальных средств, но и о вовлечении сил самообороны Японии в процессы охраны торговых путей и стабильности на море.

Учитывая характер описанных выше нововведений, а также приверженность нынешнего правительства Японии к вопросам внесения изменения в конституцию страны [30], логично предположить, что дальнейшее развитие FOIP будет происходить не только в области экономического и инфраструктурного сотрудничества, но и в рамках сопряжения усилий с иными крупными державами ИТР в области безопасности и обороны.

В этой связи следует обозначить, что основными партнёрами Японии будут как региональные державы – Индия, страны АСЕАН, так и

внерегionalные субъекты международных отношений, например, Европейский Союз (далее – ЕС). Кроме того, в качестве «партнёра» можно выделить и КНР, как одно из наиболее быстро развивающихся государств Азии, заинтересованное в сохранении региональной стабильности.

Индия и АСЕАН в 2019 г. [31] и 2020 г. [32] соответственно представили собственное видение концепций развития ИТР, где ясно указали, что видят одним из основных партнёров по сотрудничеству в области регионального строительства именно Японию. Важно отметить, что Индия изначально включила военную компоненту в рамки своей стратегии, что может служить точкой сопряжения индо-японских внешнеполитических парадигм.

Как уже отмечалось ранее, ряд исследователей считает ФОИР Японии прямым противовесом китайским инициативам. Однако, неприятие Китаем термина «ИТР» в отношении внешней политики Японии не прослеживается. Напротив, официальные представители МИД КНР стараются очень «обтекаемо» говорить о государственных инициативах Японии по развитию ФОИР, чаще всего ссылаясь на «общую заинтересованность» в региональном развитии. Исследователи японо-китайских отношений Чэнь Ч. и Ван Г. в своей работе посвящённой связи ФОИР Японии и отношений этой страны и КНР приходят к выводу о готовности последнего идти навстречу Стране восходящего солнца, но только в случае отстаивания ей своих интересов, а не интересов США [33]. При этом, по их мнению, дальнейшая конвергенция внешней политики Японии и США усугубит не только политическую обстановку в Восточной Азии, но и в ИТР целиком.

Логично предположить, что Япония, осознавая взаимозависимость своей экономики и экономики Китая, будет всеми силами стремиться не допустить дестабилизации ИТР и опираться не только на свои возможности, но и силы различных, значимых для КНР партнёров таким образом, чтобы не создавать дополнительной напряжённости.

В этом отношении, положительную роль может сыграть ЕС и его Индо-Тихоокеанская стратегия, во многом пересекающаяся с японской. Так, оба актора видят основанием для укрепления региона развития инфраструктурных проектов, а также заключили соглашения о стратегическом [34] и экономическом [35] партнёрстве. В результате

длительного периода сотрудничества позиция Европейского Союза по развитию ИТР все больше сближается с позицией Японии.

Важно отметить, что любые сценарии развития сопряжения внешней политики отмеченных субъектов должны учитывать не только изменения вовне государств, но и перемены внутри них. Принимая во внимание эту оговорку, можно также уточнить, что наиболее значимым катализатором любых перемен в сфере безопасности является специальная военная операция Российской Федерации - именно такую оценку ей даёт премьер-министр Японии Кисида Ф. [27]

В этой связи можно выделить три сценария сопряжения и динамики политики в области региональной безопасности в ИТР:

- Япония активизирует усилия по пересмотру 9 статьи Конституции, а также финансирование оборонно-промышленного комплекса (в т. ч. союзных государств) в целях выстраивания новых рубежей безопасности. С точки зрения сопряжения внешней политики данный сценарий должен привести к формированию со-направленных концепций безопасности между странами региона (Япония, Индия, страны АСЕАН), как в области мореплавания, так и в области государственной обороны. Главной целью этого дополнения к существующим концепциям регионального строительства будет усиление общерегиональной системы безопасности, чтобы в случае любых потрясений общая угроза (природного и/или антропогенного характера) сплотила регион, сильнее очерчивая его политические контуры.

- Происходит спад интереса к кризису в Восточной Европе с одновременным ростом интереса к совместным концепциям регионального строительства, основанных на инфраструктурном развитии. В этом случае FOIP в проектом измерении будет всё чаще пересекаться не только с инициативами АСЕАН, ЕС и Индии, но и с Инициативой «Пояса и пути» КНР.

- Сопряжение и пересечение внешнеполитических инициатив по другим направлениям, включая укрепление устойчивости экономического, промышленного и социального развития ИТР, цифровизация процессов регионального производства и управления, совершенствование взаимосвязанности, соединенности региона будут продолжаться независимо от любых прогнозируемых изменений в международном

политическом поле. Однако, вероятнее всего, вопросы экологии, равно как и гуманитарной безопасности, представленные в текущих итерациях стратегий регионального строительства, отойдут на второй план в силу геоэкономических причин в ближайшем будущем.

Заключение

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (FOIP) как ключевого вектора внешней политики Японии представляет собой многоуровневый и многослойный подход, направленный на укрепление и расширение влияния страны в одном из самых динамично развивающихся регионов мира.

В условиях глобальной политической нестабильности и изменения баланса сил, Япония активно развивает сотрудничество с различными странами и региональными организациями, включая АСЕАН, Индия и ЕС, что позволяет ей не только продвигать свои экономические и политические интересы, но и способствовать стабильности и процветанию региона в целом.

Формирование FOIP как концепции, инициированной премьер-министром Абэ С., отражает долгосрочную стратегию Японии, направленную на создание зоны безопасности, стабильности и экономического процветания от Восточной Африки до западного побережья Америки. Это включает в себя развитие инфраструктурных проектов, укрепление торговых связей и культурного обмена, а также продвижение общих ценностей и стандартов.

Особое внимание в рамках этой политики уделяется вопросам обеспечения свободы судоходства и поддержания миропорядка в наиболее выгодном для Японии ключе. Это особенно важно в условиях нарастающих территориальных споров и конкуренции за ресурсы в регионе. Особой частью стратегии также является активное участие в международных организациях и многосторонних форумах, что позволяет Японии выступать в роли лидера и надёжного партнёра в решении региональных и глобальных проблем.

Использование доступного правительству Японии инструментария внешней политики в итоге приводит к конструированию новых форматов сотрудничества, таких, как минилатеральные соглашения со странами ИТР. Одновременно с этим наиболее активным способом продвижения Японией своих интересов остаются многосторонние соглашения и диалоги

схожего формата с «ASEAN + Япония». Двусторонние механизмы сотрудничества, в свою очередь, используются Японией в рамках взаимодействия с наиболее крупными акторами в ИТР, например, ЕС, КНР и Индией. При этом FOIP позволяет всем указанным подходам органично переплетаться меж друг другом формируя тем самым сеть взаимодействия Японии с ИТР.

Таким образом, FOIP служит не только инструментом внешней политики Японии, но и важным вкладом в обеспечение стабильного и устойчивого развития Азии, способствуя созданию условий для мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества между государствами региона.

Наиболее вероятным направлением дальнейшего развития FOIP представляется усиление сопряжения данной концепции с иными представлениями об образе ИТР среди стран региона, а также иных акторов международных отношений, заинтересованных во взаимодействии с ним, например, ЕС. Тем не менее, в случае серьёзных изменений в отношении ряда конфликтогенных ситуации в мире, может произойти укрепление компоненты безопасности в рамках FOIP, что повлечёт за собой значительные перемены как в ИТР, так и в мире.

Благодарности: автор выражает свою признательность д.и.н., профессору Михайленко В.И. (г. Екатеринбург, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Seong, J., Bradley, C., Kumra, G. Asia on the Cusp of a New Era. 22.09.2023 // McKinsey Global Institute. [эл. доступ]. URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/asia-on-the-cusp-of-a-new-era#/> (дата обращения: 25.08.2024).
2. Бородачёв Т. Азия и Евразия в 2023 году: формируя новый международный порядок. 29.12.2023 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». [эл. доступ]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aziya-i-evraziya-v-2023-godu/> (дата обращения: 07.01.2024).
3. Дас Кунду Н. Отношения России и Азии в формирующемся международном порядке. 13.12.2022 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». [эл. доступ]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otnosheniya-rossii-i-azii-v-mezhdunarodnom-poryadke/> (дата обращения: 21.07.2024).
4. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» № 229 от 31.03.2023 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL:

- <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).
5. Case studies of EU-Japan business cooperation in Southeast Asia // EU-Japan Centre for Industrial Cooperation. [эл. доступ]. URL: https://www.eu-japan.eu/sites/default/files/imce/EJP3A/Case_studies_EU_Japan_Southeast_Asia_en.pdf (дата обращения: 25.07.2024).
6. Китаев Р.В. Развитие взаимоотношений ЕС и Японии в контексте формирования Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского Союза в 1992–2021 гг. // Современная научная мысль. 2023. № 6. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-vzaimootnosheniy-es-i-yaponii-v-kontekste-formirovaniya-indo-tihookeanskoj-strategii-evropeyskogo-soyuza-v-1992-2021-gg> (дата обращения: 07.07.2024).
7. Гордиенко Д.В. Реализация Индо-Тихоокеанской стратегии: сравнительная оценка защищённости национальной экономики Японии // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2020. № 4. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-indo-tihookeanskoj-strategii-sravnitel'naya-otsenka-zaschischnosti-natsionalnoy-ekonomiki-yaponii> (дата обращения: 07.07.2024).
8. Поздняков Е.И. Концепция Индо-Тихоокеанского региона и её отражение во внешней политике США // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы выступлений Международного форума историков и «круглых столов». Выпуск 6. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. С. 42–55.
9. Störmer, E., Bontoux, L., Krzysztofowicz, M., Florescu, E., Bock, A.-K., Scapolo, F. Chapter 12. Foresight – Using Science and Evidence to Anticipate and Shape the Future // Ed. by V., Šucha, M. Sienkiewicz. Science for Policy Handbook. European Commission, Joint Research Centre (JRC), Brussels/Belgium. Elsevier, 2020. [эл. доступ]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780128225967000127> (дата обращения: 23.09.2024).
10. Haas, E.B. The Uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces 1950–1957. University of Notre Dame Press. Notre Dame, Indiana. [эл. доступ]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).
11. Keohane, R.O., Nye, J.S. Globalization: What's New? What's Not? (And So What?) // Foreign Policy. 2000. № 118. P. 104–119.
12. Коноэ сүссё: эн дзюцусю, соно ни / ити дай иссё: сэймэй кокую кунрэи кундзи 「近衛首相演述集」 (その二) / 1 第一章 「声明、告諭、訓令、訓辞」 [Речи премьер-министра Коноэ (часть 2). Глава 1. «Заявления, объявления, распоряжения и трактаты»] // Айиа рекиши ширё сента アジア歴史資料センター [Азиатский центр исторических материалов]. [эл. доступ]. URL: https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B02030031600?IS_KEY_S1=%E8%BF%91%E8%A1%9B%E9%A6%96%E7%9B%B8%E6%BC%94%E8%BF%B0&IS_KIND=SimpleSummary&IS_STYLE=default&IS_TAG_S1=InD& (дата обращения: 20.07.2024).
13. Колдунова Е.В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России // Японские исследования. 2021. № 3. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-transformatsii-otnosheniy-yaponii-i-stran-yugovostochnoy-azii-vo-vtoroy-polovine-xx-nachale-xxi-v-opyt-dlya-rossii> (дата обращения: 07.01.2024).

14. Гайко: сэйсё. Вага гайко но кинкё 外交青書.我が外交の近況 [Голубая книга по дипломатии. Последние достижения внешней политики Японии] // Гайму сё 外務省 [Министерство иностранных дел Японии]: [сайт]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html> (дата обращения: 07.01.2024).
15. Tang, S.M. Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflection on Japan's Strategic Focus in the 21st Century // АКАДЕМИКА. 2007. 70. [эл. доступ]. URL: <https://journalarticle.ukm.my/4303/> (дата обращения: 14.01.2024).
16. Абэ Синдзо 安倍 晋三. Футацуноуми но мадзивари 二つの海の交わり [Слияние двух морей] // Гаймусё 外務省 [Министерство иностранных дел Японии]: [сайт]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/19/eabe_0822.html (дата обращения: 28.02.2024).
17. The Infrastructure Competition of China and Japan for Influence in Southeast Asia // Istituto Analisi Relazioni Internazionali (IARI). [эл. доступ]. URL: <https://iari.site/2023/05/30/the-infrastructure-competition-of-china-and-japan-for-influence-in-southeast-asia/> (дата обращения: 28.02.2024).
18. Яник А.А. Продвижение концепции Indo-Pacific как механизм изменения регионального стратегического баланса: от Хаусхофера до Трампа // Конфликтология / nota bene. 2019. № 4. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-kontseptsii-indo-pacific-kak-mehanizm-izmeneniya-regionalnogo-strategicheskogo-balansa-ot-haushofer-a-do-trampa> (дата обращения: 28.02.2024).
19. Беспалов А. Прощай, АТР, здравствуй, Индо-Пацифика? 01.07.2019 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». [эл. доступ]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proshchay-atr-zdravstvuy-indo-patsifika/> (дата обращения: 28.02.2024).
20. Grissler, J.R., Vargö, L. The BRI vs FOIP: Japan's Countering of China's Global Ambitions // The Institute for Security and Development Policy (ISDP) [эл. доступ]. URL: <https://www.isdp.eu/publication/the-bri-vs-foip-japans-countering-of-chinas-global-ambitions/> (дата обращения: 28.02.2024).
21. Коневских О.В. Минилатерализм: понятие, основные преимущества и недостатки такого вида сотрудничества // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 2 (115). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/minilateralizm-ponyatie-osnovnyye-preimuschestva-i-nedostatki-takogo-vida-sotrudnichestva> (дата обращения: 20.07.2024).
22. Wilkins, T.S., Hirono, M., Envall, H.D.P., Hatekeyama, K. Indo-Pacific Minilateralism and Strategic Competition (I): Australia/Japan and Chinese Approaches Compared // East-West Center Occasional Paper. 2024. № 9. [эл. доступ]. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/indo-pacific-minilateralism-and-strategic-competition-i-australia-japan-and-chinese> (дата обращения: 20.07.2024).
23. Zhang, M. Sino-Japanese Third-Party Market Cooperation: Asymmetries of Economic Diplomacy and Politico-Economic Gaps // Japanese Journal of Political Science. 2024. Vol. 25. Iss. 1. [эл. доступ]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/japanese-journal-of-political-science/article/sinojapanese-thirdparty-market-cooperation-asymmetries-of-economic-diplomacy-and-politicoeconomic-gaps/EC8EB9ED5C2098E32534D08EE941E655#> (дата обращения: 28.02.2024).
24. Watanabe, H. China-Japan Relations after RCEP. 03.05.2022 // East Asia Forum (EAF): [сайт]. URL: <https://eastasiaforum.org/2022/05/03/china-japan-relations-after-rcep/> (дата обращения: 28.02.2024).
25. Xing, Y. Japan's Unique Economic Relations with China: Economic Integration Under Political Uncertainty // National University of Singapore. [эл. доступ]. URL:

https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/Vol1No1_XingYuqing.pdf (дата обращения: 28.02.2024).

26. Дзиюдэ ака рэта индотаихэйё 自由で開かれたインド太平洋 [Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион] // Гаймусё 外務省 [Министерство иностранных дел Японии]: [сайт]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430631.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).

27. Кисида сори дайдзин но Индо сэкаи мондаи хёги каи (ICWA) ни окэру сори сэисаку супити (рэи ва5 нэн3 гацу хацу20 нити) 岸田総理大臣のインド世界問題評議会 (ICWA) における総理政策スピーチ (令和5年3月20日) [Программная речь премьер-министра Кисида в Индийском совете по международным делам (ICWA) 20.03.2020] // Гаймусё 外務省 [Министерство иностранных дел Японии]: [сайт]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100477774.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).

28. New Plan for a “Free and Open Indo-Pacific (FOIP)”. Items of cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan: [сайт]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100478784.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

29. New Plan for a “Free and Open Indo-Pacific (FOIP)” // Ministry of Foreign Affairs of Japan: [сайт]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100477660.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

30. Кисида сюсё 'кенпо, кадан ни минаоси' сэйдзи кайкаку то авасэтэ гирон 岸田首相「憲法、果敢に見直し」政治改革と併せて議論。 [Премьер-министр Кисида обсудит «решительный пересмотр Конституции» наряду с политической реформой]. 03.05.2024 // Нихон кэйдзай симбун 日本経済新聞 [Японская экономическая газета]: [сайт]. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA031B80T00C24A5000000/> (дата обращения: 12.07.2024).

31. Prime Minister’s Speech at the East Asia Summit, 04 November 2019 // Ministry of External Affairs. Government of India: [сайт]. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/32171/Prime_Ministers_Speech_at_the_East_Asia_Summit_04_November_2019 (дата обращения: 10.05.2024).

32. Joint Statement of the 23rd ASEAN-Japan Summit on Cooperation on ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. 13.11.2020 // Association of Southeast Asian Nations (ASEAN): [сайт]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/17-Joint-Statement-of-the-23rd-ASEAN-Japan-Summit-on-Cooperation-on-ASEAN-O....pdf> (дата обращения: 08.05.2024).

33. Chen Zheng, Wang Guangtao. The Japanese “Free and Open Indo-Pacific” and Sino-Japanese Relations: A Chinese Perspective // *The China Review*. 2023. Vol. 23. № 1. P. 161–186. [эл. доступ]. URL: <https://www.jstor.org/stable/48717992> (дата обращения: 20.03.2024).

34. EU-Japan Strategic Partnership Agreement // EUR-Lex. Access to European Union Law: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/eu-japan-strategic-partnership-agreement.html> (дата обращения: 21.08.2024).

35. EU-Japan Trade Agreement Enters into Force. 06.02.2019 // European Commission. [эл. доступ]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_785 (дата обращения: 21.08.2024).

REFERENCES

1. Seong, J., Bradley, C., Kumra, G. Asia on the Cusp of a New Era. 22.09.2023. *McKinsey Global Institute*. Available at <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/asia-on-the-cusp-of-a-new-era#/> (accessed: 25.08.2024)

2. Borodachev T. Aziya i Yevraziya v 2023 godu: formiruya novyy mezhdunarodnyy poryadok [Asia and Eurasia in 2023: Shaping a New International Order]. 29.12.2023. *Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub «Valday»*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aziya-i-evraziya-v-2023-godu/> (accessed: 07.01.2024). (In Russian).
3. Das Kundu N. Otnosheniya Rossii i Azii v formiruyushchemsya mezhdunarodnom poryadke [Relations between Russia and Asia in the Emerging International Order]. 13.12.2022. *Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub «Valday»*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otnosheniya-rossii-i-azii-v-mezhdunarodnom-poryadke/> (accessed: 21.07.2024). (In Russian).
4. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii «Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii» № 229 ot 31.03.2023. [Decree of the President of the Russian Federation ‘On Approval of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation’ № 229 of 31.03.2023]. *Ofitsialnyj sayt Prezidenta Rossii*. Available at <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (accessed: 07.07.2024). (In Russian).
5. Case studies of EU-Japan business cooperation in Southeast Asia. *EU-Japan Centre for Industrial Cooperation*. Available at https://www.eu-japan.eu/sites/default/files/imce/EJP3A/Case_studies_EU_Japan_Southeast_Asia_en.pdf (accessed: 25.07.2024).
6. Kitayev R.V. Razvitiye vzaimootnosheniy YeS i Yaponii v kontekste formirovaniya Indo-Tikhookeanskoy strategii Yevropeyskogo Soyuza v 1992–2021 gg. [The Development of the EU and Japan Relations within the Forming EU Indo-Pacific Strategy at 1992–2021]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*. 2023. № 6. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-vzaimootnosheniy-es-i-yaponii-v-kontekste-formirovaniya-indo-tikhookeanskoy-strategii-evropeyskogo-soyuza-v-1992-2021-gg> (accessed: 07.07.2024). (In Russian).
7. Gordiyenko D.V. Realizatsiya Indo-Tikhookeanskoy strategii: sravnitel'naya otsenka zashchishchennosti natsionalnoy ekonomiki Yaponii [Implementation of the Indo-Pacific Strategy: a Comparative Assessment of the Security of Japan's National Economy]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-juridicheskogo universiteta*. 2020. № 4. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-indo-tikhookeanskoy-strategii-sravnitel'naya-otsenka-zaschishchennosti-natsionalnoy-ekonomiki-yaponii> (accessed: 07.07.2024). (In Russian).
8. Pozdnyakov Ye.I. Kontseptsiya Indo-Tikhookeanskogo regiona i yeye otrazheniye vo vneshney politike SShA [The Indo-Pacific Concept and its Reflection in US Foreign Policy]. *Vestnik Tsentra izucheniya mezhdunarodnykh otnosheniy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: materialy vystupleniy Mezhdunarodnogo foruma istorikov i «kruglykh stolov»*. Vypusk 6. Khabarovsk: Tikhookeanskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. P. 42–55. (In Russian).
9. Störmer, E., Bontoux, L., Krzysztofowicz, M., Florescu, E., Bock, A.-K., Scapolo, F. Chapter 12. Foresight – Using Science and Evidence to Anticipate and Shape the Future. // Ed. by V., Šucha, M. Sienkiewicz. *Science for Policy Handbook*. European Commission, Joint Research Centre (JRC), Brussels/Belgium. Elsevier, 2020. Available at <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780128225967000127> (accessed: 23.09.2024).

10. Haas, E.B. *The Uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces 1950–1957*. University of Notre Dame Press. Notre Dame, Indiana. Available at <https://www.europarl.europa.eu/100books/file/EN-H-BW-0038-The-uniting-of-Europe.pdf> (accessed: 07.07.2024)
11. Keohane, R.O., Nye, J.S. *Globalization: What's New? What's Not? (And So What?)* *Foreign Policy*. 2000. № 118. P. 104–119.
12. 'Konoe shusho -shu' (sono ni) / ichi dai ichi sho 'seimei, kokuyu, kunrei, kunji' 「近衛首相演述集」(その二) / 1 第一章 「声明、告諭、訓令、訓辞」 [Prime Minister Konoe Speeches (Part 2). Chapter 1. «Statements, Notices, Instructions and Admonitions»]. *Ajia rekishi shiryō senta* アジア歴史資料センター [Japan Center for Asian Historical Records]. Available at https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B02030031600?IS_KEY_S1=%E8%BF%91%E8%A1%9B%E9%A6%96%E7%9B%B8%E6%BC%94%E8%BF%B0&IS_KIND=SimpleSummary&IS_STYLE=default&IS_TAG_S1=InD& (accessed: 20.07.2024). (In Japanese).
13. Koldunova Ye.V. Fenomen transformatsii otnosheniy Yaponii i stran Yugo-Vostochnoy Azii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI v.: opyt dlya Rossii [The Phenomenon of Transformation of Relations between Japan and South-East Asian Countries in the Second Half of XX – Beginning of XXI Century: Experience for Russia]. *Yaponskiye issledovaniya*. 2021. № 3. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-transformatsii-otnosheniy-yaponii-i-stran-yugo-vostochnoy-azii-vo-vtoroy-polovine-xx-nachale-xxi-v-opyt-dlya-rossii> (accessed: 07.01.2024). (In Russian).
14. Gaiko seisho. Waga gaiko no kinkyō 外交青書. 我が外交の近況. [Diplomatic Blue Book. Recent Developments in Japan's Diplomacy]. *Gaimu sho* 外務省 [Ministry of Foreign Affairs of Japan]. Available at <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html> (accessed: 07.01.2024). (In Japanese).
15. Tang, S.M. Japan's Grand Strategic Shift from Yoshida to Koizumi: Reflection on Japan's Strategic Focus in the 21st Century. *AKADEMIKA*. 2007. 70. Available at <https://journalarticle.ukm.my/4303/> (accessed: 14.01.2024).
16. Abe Shinzo 安倍 晋三. Futatsunoumi no majiwari 二つの海の交わり [The Confluence of Two Seas]. *Gaimu sho* 外務省 [Ministry of Foreign Affairs of Japan]. Available at https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/19/eabe_0822.html (accessed: 28.02.2024). (In Japanese).
17. The Infrastructure Competition of China and Japan for Influence in Southeast Asia. *Istituto Analisi Relazioni Internazionali (IARI)*. Available at <https://iari.site/2023/05/30/the-infrastructure-competition-of-china-and-japan-for-influence-in-southeast-asia/> (accessed: 28.02.2024).
18. Yanik A.A. Prodvizheniye kontseptsii Indo-Pacific kak mekhanizm izmeneniya regionalnogo strategicheskogo balansa: ot Khauskhofera do Trampa [Promoting the Indo-Pacific Concept as a Mechanism for Changing the Regional Strategic Balance: from Haushofer to Trump]. *Konfliktologiya / nota bene*. 2019. № 4. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-kontseptsii-indo-pacific-kak-mekhanizm-izmeneniya-regionalnogo-strategicheskogo-balansa-ot-haushofer-a-do-trampa> (accessed: 28.02.2024). (In Russian).
19. Bepalov A. Proshchay, ATR, zdravstvuy, Indo-Patsifika? [Goodbye, APR, Greetings, Indo-Pacific?]. 01.07.2019 *Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub «Valday»*. Available at

<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proshchay-atr-zdravstvuy-indo-patsifika/> (accessed: 28.02.2024). (In Russian).

20. Grissler, J.R., Vargö, L. The BRI vs FOIP: Japan's Countering of China's Global Ambitions. *The Institute for Security and Development Policy (ISDP)*. Available at <https://www.isdp.eu/publication/the-bri-vs-foip-japans-countering-of-chinas-global-ambitions/> (accessed: 28.02.2024).

21. Konevskikh O.V. Minilateralizm: ponyatiye, osnovnyye preimushchestva i nedostatki takogo vida sotrudnichestva [Minilateralism: the Concept, Main Advantages and Disadvantages of This Type of Cooperation]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2023. № 2 (115). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/minilateralizm-ponyatie-osnovnyye-preimuschestva-i-nedostatki-takogo-vida-sotrudnichestva> (accessed: 20.07.2024). (In Russian).

22. Wilkins, T.S., Hirono, M., Envall, H.D.P., Hatekeyama, K. Indo-Pacific Minilateralism and Strategic Competition (I): Australia/Japan and Chinese Approaches Compared. *East-West Center Occasional Paper*. 2024. № 9. Available at <https://www.eastwestcenter.org/publications/indo-pacific-minilateralism-and-strategic-competition-i-australiajapan-and-chinese> (accessed: 20.07.2024).

23. Zhang, M. Sino-Japanese Third-Party Market Cooperation: Asymmetries of Economic Diplomacy and Politico-Economic Gaps. *Japanese Journal of Political Science*. 2024. Vol. 25. Iss. 1. Available at <https://www.cambridge.org/core/journals/japanese-journal-of-political-science/article/sinojapanese-thirdparty-market-cooperation-asymmetries-of-economic-diplomacy-and-politicoeconomic-gaps/EC8EB9ED5C2098E32534D08EE941E655#> (accessed: 28.02.2024).

24. Watanabe, H. China-Japan Relations after RCEP. 03.05.2022. *East Asia Forum (EAF)*. Available at <https://eastasiaforum.org/2022/05/03/china-japan-relations-after-rcep/> (accessed: 28.02.2024).

25. Xing, Y. Japan's Unique Economic Relations with China: Economic Integration Under Political Uncertainty. *National University of Singapore*. Available at https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/Vol1No1_XingYuqing.pdf (accessed: 28.02.2024).

26. Jiyu de hirakareta Indo Taihei-yo 自由で開かれたインド太平洋 [Free and Open Indo-Pacific]. *Gaimu sho 外務省 [Ministry of Foreign Affairs of Japan]*. Available at <https://www.mofa.go.jp/files/000430631.pdf> (accessed: 20.07.2024). (In Japanese).

27. Kishida sōri daijin no Indo sekai mondai hyōgi kai (ICWA) ni okeru sōri seisaku supīchi (rei wa5 nen3 gatsu20 nichi) 岸田総理大臣のインド世界問題評議会 (ICWA) における総理政策スピーチ (令和 5 年 3 月 20 日) [Prime Minister Kishida's policy speech to the Indian Council of World Affairs (ICWA), 20 March 2023]. *Gaimu sho 外務省 [Ministry of Foreign Affairs of Japan]*. Available at <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100477774.pdf> (accessed: 28.02.2024). (In Japanese).

28. New Plan for a "Free and Open Indo-Pacific (FOIP)". Items of cooperation. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Available at <https://www.mofa.go.jp/files/100478784.pdf> (accessed: 10.07.2024).

29. New Plan for a "Free and Open Indo-Pacific (FOIP)". *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Available at <https://www.mofa.go.jp/files/100477660.pdf> (accessed: 10.07.2024).

30. Kishida shusho 'kenpo, kadan ni minaoshi' seiji kaikaku to awasete giron 岸田首相「憲法、果断に見直し」政治改革と併せて議論 [Prime Minister Kishida Discusses

“Decisive Review of the Constitution” Along with Political Reform]. 03.05.2024. *Nippon keizai shinbun* 日本経済新聞 [Japan Economic Newspaper]. Available at <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA031B80T00C24A5000000/> (accessed: 12.07.2024). (In Japanese).

31. Prime Minister’s Speech at the East Asia Summit, 04 November 2019. *Ministry of External Affairs. Government of India*. Available at https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/32171/Prime_Ministers_Speech_at_the_East_Asia_Summit_04_November_2019 (accessed: 10.05.2024).

32. Joint Statement of the 23rd ASEAN-Japan Summit on Cooperation on ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. 13.11.2020. *Association of Southeast Asian Nations (ASEAN)*. Available at <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/17-Joint-Statement-of-the-23rd-ASEAN-Japan-Summit-on-Cooperation-on-ASEAN-O....pdf> (accessed: 08.05.2024).

33. Chen Zheng, Wang Guangtao. The Japanese “Free and Open Indo-Pacific” and Sino-Japanese Relations: A Chinese Perspective. *The China Review*. 2023. Vol. 23. № 1. P. 161–186. Available at <https://www.jstor.org/stable/48717992> (accessed: 20.03.2024).

34. EU-Japan Strategic Partnership Agreement. *EUR-Lex. Access to European Union Law*. Available at <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/eu-japan-strategic-partnership-agreement.html> (accessed: 21.08.2024).

35. EU-Japan Trade Agreement Enters into Force. 06.02.2019. *European Commission*. Available at https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_785 (accessed: 21.08.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Зарянский Сергей Александрович – аспирант, ассистент кафедры востоковедения. Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: Zaryanskysergey@gmail.com; ORCID: 0009-0009-3407-5004
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Zaryansky Sergey S. – PhD student, junior lecturer. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. E-mail: Zaryanskysergey@gmail.com; ORCID: 0009-0009-3407-5004
The author declares that he has no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024.
Одобрена после рецензирования 30.10.2024.
Принята 30.10.2024.

Received 24.09.2024.
Approved after reviewing 30.10.2024.
Accepted 30.10.2024.

научная статья
УДК: 339.54
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.3

Предпосылки торговой войны между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой

Кожирова Светлана Басиевна
Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,
Алматы, Республика Казахстан
s.kozhirova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7545-6676>

Нечай Александра Александровна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ alimova_aa@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

***Аннотация.** США и КНР – глобальные экономические державы, торговые отношения между которыми оказывают значительное влияние на мировую экономику. Товарооборот между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой значительно увеличился после начала политики реформ и открытости, инициатором которых в 1978 г. выступил Дэн Сяопин. Со вступлением КНР в 2001 г. во Всемирную Торговую Организацию рост торговли между странами увеличился. США и КНР стали важнейшими торговыми партнерами, однако преобладание импорта китайских товаров над экспортом вызывало серьёзные опасения со стороны Вашингтона, введение дополнительных пошлин на китайские товары стало основным пунктом президентской предвыборной кампании Дональда Трампа в 2016 г. Торговый конфликт с Китаем был инициирован США в 2017–2018 гг., когда США увеличили торговые пошлины на ввозимую Китаем продукцию. Целью данного исследования является анализ причин торговой войны между США и КНР. В рамках работы поставлены задачи выявить ключевые факторы, спровоцировавшие экономическое противостояние, а также определить природу данного экономического конфликта. Особое внимание уделено стратегической и экономической политике администрации Дональда Трампа, введению тарифов и санкций против КНР, а также обвинениям в адрес Китая, касающимся кражи интеллектуальной собственности и недобросовестной конкуренции. Китайская позиция в этом конфликте представлена через анализ официальных документов и публикаций, включая «Белую книгу», выпущенную Информационным управлением Госсовета КНР и публикации Жэньминь жибао. Полученные результаты демонстрируют, что торговая война может быть частично мотивирована борьбой за глобальный статус, не только экономический, но и политический. США и Китай стремятся утвердить себя как глобальные лидеры, и этот конфликт выходит за рамки экономических вопросов, касаясь вопросов национальной идентичности, престижа и идеологического влияния. Значимость исследования заключается в углубленном понимании причин торгового*

противостояния, что может способствовать разработке стратегий для минимизации экономических рисков в будущем.

Ключевые слова: торговая война; сдерживание; конфронтация; протекционизм; конфликт

Для цитирования: Кожирова С.Б., Нечай А.А. Предпосылки торговой войны между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. № 4. С. 46–64. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.3.

© Кожирова С.Б., Нечай А.А., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 339.54

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.4.3

The Causes of USA–China Trade War

Svetlana B. Kojirova

Institute of Oriental Studies by R.B. Suleimenova,

Almaty, Republic of Kazakhstan

s.kozhirova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7545-6676>

Aleksandra A. Nechai ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ alimova_aa@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7068-0185>

Abstract. *The United States and the People's Republic of China are global economic powers whose trade relationship has a significant impact on the world economy. Trade between the United States and the People's Republic of China has increased significantly since the reform and opening-up policy initiated by Deng Xiaoping in 1978. With the PRC's accession to the World Trade Organization in 2001, trade growth between the countries has increased. The US and the PRC became the most important trading partners, but the prevalence of Chinese imports over exports raised serious concerns from Washington, imposing additional duties on Chinese goods was a major point of Donald Trump's presidential election campaign in 2016. The trade conflict with China was initiated by the US in 2017-2018 when the US increased trade duties on products imported by China. The purpose of this study is to analyze the causes of the trade war between the US and the PRC. The work aims to identify the key factors that provoked the economic confrontation, as well as to determine the nature of this economic conflict. Particular attention is paid to the strategic and economic policy of the Donald Trump administration, the imposition of tariffs and sanctions against the PRC, as well as accusations against China regarding intellectual property theft and unfair competition. The Chinese position in this conflict is presented through the analysis of official documents and publications, including the White Paper of the Information Office of the State Council of the People's Republic of China and the publications of Renmin Ribao. The findings demonstrate that the trade war may be partly motivated by the struggle for global status, not only economic but also political. The US and China are seeking to assert themselves as global leaders, and this conflict goes beyond economic issues to issues*

of national identity, prestige, and ideological influence. The significance of the study lies in an in-depth understanding of the causes of the trade confrontation, which may help to develop strategies to minimize economic risks in the future.

Keywords: trade war; containment; confrontation; protectionism; conflict

For citation: Kojirova, S.B., Nechai, A.A. The Causes of US–China Trade War. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 4. P. 46–64. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.3.

© Kojirova, S.B., Nechai, A.A., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Введение

Торговая война – это соперничество двух или более государств, или международных организаций, целью которых является захват зарубежных рынков или предотвращение оккупации определенной страной [1].

Выделяют три главные причины торговых войн:

1. Борьба за власть. Главная цель – преобладание на мировом экономическом рынке, захватнические войны за территории в зависимости от геополитики государства.

2. Торговая война как средство выхода из кризиса, где ведение торговой политики в жестких рамках ведет поднятию экономического статуса за счет других стран.

3. Ответная мера на жесткую политику в рамках торговли [2].

Существует несколько моделей, объясняющих природу экономических конфликтов: марксистская, неоклассическая, институциональная, модель теории игр, а также модель социального конфликта.

Концептуальные подходы к изучению природы торговых войн представлены в исследованиях Г.Г. Газимагомедова, Н.В. Абдуллаева «Становление экономической конфликтологии» [2], Е.А. Матыревой «Торговая война как средство нетарифного урегулирования международной торговли» [1]. Общий анализ торговой войны между США и КНР нашел отражение в работах отечественных ученых: А.О. Виноградова, А.И. Салицкого, Н.К. Семеновой [3], А.С. Юньюшкиной, К.А. Шаповаловой, Е.О. Катковой [4], М.М. Шумилова [5], совместных исследований

российских и китайских авторов Го Фэнли, А.В. Манойло [6], а так же в работах китайских [7; 8] и американских [9; 10; 11] аналитиков.

Политические конфликты могут стать основой для торговых войн, поскольку экономические меры часто используются государствами как инструмент давления и достижения политических целей. Торговые войны, вызванные политическими разногласиями, проявляются в виде тарифов, санкций, эмбарго и других ограничений.

Актуальность исследования обусловлена растущей частотой и интенсивностью таких конфликтов в глобальной экономике. Введение санкционных мер и торговых барьеров становится все более распространенным инструментом в геополитических стратегиях государств, что подчеркивает необходимость углубленного анализа природы торговых войн. В опубликованном в 2007 г. исследовании института международной экономики Питерсона, был проведен анализ торговых войн в XX веке в мире. Оценивая интенсивность развития торгово-экономического противостояния на мировой арене, можно выявить ряд закономерностей. Согласно исследованию [12], инструмент санкций и экономического давления по сравнению с первой половиной XX в., во второй половине XX века стал применяться во много раз чаще. Наиболее часто под воздействием санкций оказывается экспорт, нежели импорт товаров.

Предлагаемое исследование стремится расширить понимание торговых войн, рассматривая их не только как экономическое противостояние, но и как феномен, имеющий глубокие политические и социальные корни, которые играют значительную роль в формировании и эскалации таких конфликтов.

Материалы и результаты исследования

Менее, чем через год после вступления в должность Д. Трампа, Правительство США опубликовало новую Стратегию национальной безопасности 2017 г., в которой Китай назван «стратегическим конкурентом», «ревизионистской страной», которая бросает вызов силе, влиянию и интересам Соединенных Штатов и намерена подорвать безопасность и процветание Соединенных Штатов [13].

Апеллируя к разделу 301 Закона США о торговле от 1974 г., который «наделяет президента США правом принимать все надлежащие

меры для борьбы с политикой или действиями другого государства, которые наносят урон американской торговле или идут вразрез с международными договоренностями» [14], 6 июля 2018 г. администрация Д. Трампа официально ввела торговые тарифы в размере 25% на китайские товары на сумму \$34 млрд, экспортируемые в США, что ознаменовало официальное начало тарифной политики Трампа в отношении Китая [15].

Отношение политической конъюнктуры США по отношению к КНР на момент прихода к власти Дональда Трампа в январе 2017 г. было неопределенным. Советники Белого дома разделились на два блока, где с одной стороны, наблюдался прагматичный подход, поддерживающий продуктивный диалог с Китаем (Дж. Мэттис, Г. МакМастер, Дж. Келли), но с другой стороны наблюдался жесткий подход, поддерживающий применение экономических ограничений и политики протекционизма (Р. Лайтхайзер, П. Наварро, У. Росс и С. Бэннон) [16].

После победы Д. Трампа на выборах экономика США в дальнейшем будет основана на политике протекционизма, поддерживаемой представителем США на торговых переговорах с КНР Р. Лайтхайзером, руководителем Национального совета по торговле при Белом доме П. Наварро и министром торговли У. Россом. В данной части исследования в качестве основы для анализа государственной внешней политики США во время президентства Дональда Трампа мы опираемся на взгляды Питера Наварро.

Одной из основных причин торговой войны между США и КНР принято считать несбалансированность двусторонней торговли. Согласно статистическим данным, в 2018 г. доля импорта в Китае из США составляла 153 млн долл., тогда как общая сумма китайской продукции на экспорт в США составляла 429 млн. долл. [17]. Другой весомой причиной начала конфликта следует считать нападки со стороны США по отношению к КНР. Америка обвиняет Китай в воровстве интеллектуальной собственности. Например, чтобы получить американские технологии Китай посредством устного сообщения договаривался о передаче технологий, вместо письменного соглашения. Такая деятельность может интерпретироваться как кибершпионаж [18].

Питер Наварро и Грег Отри в своей работе «Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. Глобальный призыв к действию» [19], которая легла в основу предвыборной кампании Дональда Трампа в 2016 г., приводит

восемь основных проблем, которые привели к торговому конфликту между двумя державами [19, с. 9].

1. Незаконные экспортные субсидии. Китай намеренно создает торговые барьеры иностранным компаниям с целью поддержать собственных предпринимателей. Помимо этого, Китай препятствует свободной и честной торговле на территории своей страны. Одной из главных проблем Наварро и Отри считают допуск Китая в ВТО. После вступления Китая 11 декабря 2001 г. во Всемирную торговую организацию «дешевые товары из Китая захлестнули рынок. Например, в США, «производство одежды, текстиля и деревянной мебели сократилось вдвое, а занятость в высокотехнологических отраслях, включая электронную промышленность и производство компьютеров сократилось на 40%» [19, с. 80].

2. Недооцененный юань, курсом которого китайское правительство может манипулировать. На развитие экономики любой страны большое значение оказывает чистый экспорт этой страны. Для США торговый дефицит с КНР составляет большую проблему, так как эта разница в дальнейшем используется для инвестирования Китая в долговые обязательства США.

Торговый дефицит образовался в результате того, что Китай использует жёсткую привязку американского доллара к юаню. Вместо того, чтобы в процессе свободной торговли, курс свободно изменялся, Китай привязал свой курс к изменениям американского доллара. Типичный американец, совершая покупку китайских товаров в американских магазинах, передает свои деньги китайскому поставщику. Поставщик в результате экономической стерилизации правительством КНР под 4% годовых инвестирует деньги в долговые обязательства КНР, которые в свою очередь правительство КНР использует для инвестирования в долговые обязательства США под 2% годовых, при этом теряя 2%. Данный экономический ход сделан специально для того, чтобы иметь воздействие на экономику США в нужный для КПК момент: «Крушение доллара может привести к падению доходности американских ценных бумаг, обрушению американского внутреннего рынка недвижимости и, возможно, столкновению экономики в рецессию» [19, с. 36].

3. Подделка товаров, воровство американской интеллектуальной собственности, пиратство. В данном случае претензия заключается в том,

что американские компании и производители тратят огромные деньги на новые разработки. В то время как китайские компании используют наработанные схемы и технологии в своих коммерческих целях. При этом закон о защите интеллектуальной собственности в этом случае не эффективен. Вопрос больше заключается не в репутации американских компаний, а в том, что, копируя разработки и проводя обратный инжиниринг, китайские компании создают конкурентный продукт за гораздо меньшую стоимость.

4. Китайские компании получают конкурентное преимущество перед компаниями из развитых стран за счет экологических издержек. Компании США обязаны устанавливать на своем производстве дорогостоящее оборудование для контроля химических выбросов в атмосферу. В то же время промышленность Китая выбрасывает в атмосферу биогенный метан, источником которого служат как угольные шахты, так и животноводство. Помимо биогенного метана, в этот список можно включить аэрозоли, соединения серы и азота, являющиеся источниками кислотных дождей, которые активно выпадают в самом Китае, а также в Японии, Южной Корее и США. Кроме этого, 70% китайских водных ресурсов загрязнены, изменилась флора и фауна региона [20].

5. Низкий уровень охраны труда рабочих и безопасности на производстве. Китайская экономика, начиная с самого высшего уровня, основанного на пятилетках, до мелких государственных предприятий ставит в свою основу выполнение плана.

6. Экспортные ограничения и политика «покупай китайское». Китай поэтапно из года в год монополизировал мировой рынок металлургии. Большие запасы сырья и доступ к большинству сырьевых материалов в других странах, позволяет Китаю вводить экспортные ограничения и наращивать цены на железо, алюминий и магний в мире.

Китай наполняет рынок зеленой энергетики продуктами собственного производства и не допускает американские и другие компании на свой рынок солнечной и ветряной энергии, вводя пошлины вплоть до 70%.

7. Ценовая политика правительства КНР и демпинг. Суть этого способа состоит в том, что Китай, владея стратегическими запасами некоторых ресурсов выбрасывает их в большом количестве на рынок, тем

самым отсеивая конкурентов, которые вынуждены уходить с рынка, а затем резко поднимает цены на товары собственного производства, оставаясь единственным поставщиком этого сырья.

По ситуации на 2023 г., Китай, контролирует более 90% мировых запасов редкоземельных металлов, которые составляют основу в производстве дисков, батарей, панелей и других высокотехнологичных изделий. Этим способом Китай смог обанкротить крупнейших американских добытчиков этих металлов.

8. Препятствие иностранным компаниям в создании своего бизнеса в Китае. Любые иностранные компании не могут попасть на китайский рынок, в то время как китайские компании могут практически беспрепятственно реализовывать свои товары на североамериканском рынке.

Во времена президентства Дж. Буша-младшего и Барака Обамы, Соединенные Штаты особо не препятствовали подъему Китая. Дж. Буш-младший, по мнению Питера Наварро и Грега Отри, «сдал Китаю миллионы рабочих мест», а Барак Обама «раз за разом склонялся перед Китаем, главным образом, по той причине, что он хочет, чтобы Китай продолжал финансировать американский гигантский бюджетный дефицит» [19, с. 12].

Другим важным вопросом является экономическое манипулирование другими странами и условиями крупных сделок правом вето в Организации Объединенных Наций. Например, чтобы получить лучшие цены на нефть, КНР использовала право вето на конфликт в Саудовской Аравии, на введение санкций против ядерной политики Ирана. Помимо этого, активное участие КНР в Латинской Америке, Африке и Азии, предлагает странам большие кредиты с низкими ставками взамен на сырьё и доступ к этому сырью.

Дискуссия

Обвинения со стороны Вашингтона не могли уйти от внимания со стороны правительства КНР. Для анализа государственной внешней политики КНР в период торговой войны с США обратимся к позиции, изложенной в «Белой книге: Факты и позиция Китая по китайско-американским экономическим и торговым трениям» [21], подготовленной Информационным управлением Госсовета КНР, а также к позиции, транслируемой «Жэньминь жибао» 人民日报 [22].

В Белой книге, вышедшей 24 сентября 2018 г., говорится о том, что «Китай твердо отстаивает свое национальное достоинство и коренные интересы. Что касается торговой войны, то Китай не желает воевать, не боится воевать и вынужден воевать в случае необходимости. Дверь Китая для переговоров всегда была открыта, но переговоры должны проходить на основе взаимного уважения, взаимного равенства и подкрепления слов делами» [21]. Более того, Информационное управление Госсовета КНР подчёркивает, что Китай придерживается здорового развития китайско-американских отношений, поддерживает и продвигает реформы и совершенствование многосторонней торговой системы, выражает намерение продолжить совершенствовать законы и нормативные акты, связанные с защитой прав интеллектуальной собственности, а также повышать качество и эффективность экспертиз интеллектуальной собственности, твердо защищать законные права и интересы иностранных инвесторов в Китае, углублять реформы и расширять открытость, способствовать продвижению взаимовыгодного сотрудничества с другими развитыми и развивающимися странами.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что китайская сторона проявляет решимость защищать свои национальные интересы в условиях торговой войны с США, подчеркивая при необходимости готовность к конфликту. Несмотря на это, Китай открыто выражает желание вести переговоры с США, но на условиях взаимного уважения и равноправия, что свидетельствует о стремлении к справедливым и честным торговым отношениям.

В статье, опубликованной в газете «Жэньминь жибао» в 2018 г., подчеркивается, что суть провоцирования торговой войны заключается в том, чтобы подавить Китай, который бросает вызов гегемонии США [22]. В статье утверждается, что важным внешним фактором, приведшим к распаду мощного и идеологически сильного Советского Союза, стало развязывание Холодной войны, когда США приложили все усилия для подавления и сдерживания Советского Союза. Похожим образом США поступили в отношении стремительно набирающей экономической мощи Японии в 80-х гг. прошлого века, начав подавлять её промышленное развитие.

Существует мнение, что в формировании международных отношений с другими странами Вашингтон руководствуется «Законом

60%». Когда экономический масштаб другой страны достигает 60% от уровня Соединенных Штатов, и она имеет потенциал обогнать их, США рассматривают её как соперника и предпринимают все возможные меры для сдерживания её роста. Будь то Советский Союз, Япония в XX в. или Китай сейчас – исключения нет. Темпы экономического роста и потенциал Китая намного выше, чем у Советского Союза и Японии в исторической ретроспективе, и поэтому он стал «беспрецедентным противником» для Соединенных Штатов.

В августе 2017 г. Стив Бэннон, главный стратег Белого дома, дал интервью американскому новостному сайту The American Prospect, в котором заявил: «Мы ведем экономическую войну с Китаем. Через 25 или 30 лет один из нас станет гегемоном, и если мы не изменим стратегию, то гегемоном будут они. Если мы продолжим проигрывать в экономической войне, то через 5 лет или максимум через 10 лет мы достигнем переломного момента без возврата» [23]. Можно сказать, что «теория китайской угрозы» отражает не только личное мнение Бэннона, но и восприятие Китая со стороны администрации США.

С точки зрения китайских экспертов, использование Трампом торгового дефицита и так называемой «недобросовестной конкуренции» для переговоров с Китаем не что иное как 项庄舞剑, 意在沛公 «танец Сян Чжуана и намерение Пэйгун» (Сян Чжуан делает вид, что танцует с мечом, а сам постоянно намеревается убить Пэйгуна (в значении: преследовать совершенно иную цель – прим. авт.) [24].

Торговля взаимовыгодна. Покупка товаров из Китая имеет под собой простое объяснение: соотношение «цена-качество». Таким образом, импорт из Китая обусловлен ценовыми соображениями, которые являются основным принципом торговли.

Говоря о дефиците торгового баланса между США и КНР, важно понимать, что, говоря о международной торговле, необходимо смотреть на проблему не с позиции дефицита или профицита торгового баланса между двумя странами, а с позиции дефицита или профицита торгового баланса между конкретно взятой страной и всем миром. Если у страны есть торговый дефицит, то это связано с слишком большим потреблением и недостаточными сбережениями. Торговый дефицит не является ключевым

вопросом в китайско-американских экономических отношениях, потому что он тесно связан с экономической структурой и социальной моделью самих Соединенных Штатов, превышающей потребление. Несмотря на ряд шагов, предпринимаемых США против различных торговых стран, общий торговый дефицит США не только не уменьшился, но и увеличился: в 2022 г. дефицит торгового баланса США вырос до рекордных \$948,1 млрд [25]. Более того, несмотря на введенные санкции, по ситуации на 2023 г. дисбаланс в пользу Китая сохранился: экспорт в США составил \$500 млрд против американского импорта на сумму в \$164 млрд. США остались на третьем месте среди ключевых торговых партнеров КНР, занимая долю в 11,2% в китайской внешней торговле [26].

Даже если торговый дефицит с Китаем будет принудительно сокращен, торговый дефицит Соединенных Штатов все равно будет отображаться в платежном дисбалансе с другими торговыми партнерами в том же или даже большем масштабе. Для решения проблемы торгового дефицита необходимо принять внутренние меры по увеличению сбережений и сокращению потребления. Если не сделать этого, попытка решить проблему торгового дефицита путем повышения тарифов на импортируемые товары могут привести к необратимым последствиям.

Технологический прогресс в Китае в последние годы получил интенсивное развитие, и обвинение правительства Соединенных Штатов в краже Китаем передовых технологий рассматриваются Пекином как клевета. Уровень развития высоких технологий в Китае намного повысился, а инфраструктура информационных технологий превращается в ведущую стратегическую отрасль, которая является базой национальной экономики Китая. Правительство Китая придает большое значение развитию науки, техники и образования, и научно-технический прогресс КНР является результатом долгосрочной реализации стратегии омоложения страны посредством науки и образования и стратегии инновационного развития, результатом усилий всего народа, особенно работников науки и техники. С 2000 г. инвестиции в НИОКР в Китае росли в среднем на 20% в год. В 2017 г. инвестиции Китая в НИОКР составили 1,76 трлн юаней, уступая только США и вторым в мире, составляя 2,13% ВВП, что близко к среднему уровню стран ОЭСР. В Китае насчитывается 2 613 колледжей и

университетов, 109 000 научно-исследовательских учреждений различных типов и более 6,21 млн сотрудников в области НИОКР [21].

Что касается вопросов, связанных с обвинениями в адрес Китая относительно защиты интеллектуальной собственности, то Китай постоянно усиливает защиту в этой области на законодательном, правоохранительном и судебном уровнях. При этом отметим, что система защиты была создана за относительно короткий период времени, который в развитых странах обычно занимает десятилетия. Доктор Арпад Богш, бывший генеральный директор Всемирной организации интеллектуальной собственности, заметил, что «это уникальное явление в истории развития интеллектуальной собственности» [21].

В 2014 г. Китай учредил специальные суды по вопросам интеллектуальной собственности в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу, которые обладают межрегиональной юрисдикцией в отношении патентных и других дел в области ИС.

По данным Бюро экономического анализа Министерства торговли США, в 2016 г. Китай выплатил Соединенным Штатам 7,96 млрд. долл. в виде компенсации за использование интеллектуальной собственности. По данным Национального управления по авторскому праву, Министерства торговли и Государственного управления по регулированию рынка, с 2012 по 2016 г. Китай импортировал почти 28 000 авторских прав из Соединенных Штатов. Что касается товарных знаков, то с 2002 по 2016 г. Соединенные Штаты подали заявки на передачу более 58 000 товарных знаков в Китае [21].

Из вышесказанного видно, что многие обвинения со стороны США в адрес Китая, такие как воровство интеллектуальной собственности и кибершпионаж, часто являются преувеличенными или безосновательными. Эти претензии часто используются для оправдания жесткой экономической политики и торговых ограничений, направленных на сдерживание экономического роста Китая, в то время как реальные доказательства порой оказываются недостаточными или сомнительными. Подобные обвинения также отражают внутренние противоречия в американском обществе, где разные группы по-разному оценивают угрозу со стороны Китая, что может служить как политическим инструментом, так и способом манипуляции общественным мнением.

Выводы

Торговая война рассматривается авторами как мотивированное политическими решениями воздействие на интенсивность внешнеторговых отношений США по отношению к Китаю.

Торговая война между Китаем и США отражает основные принципы реализма: борьбу за силу и влияние, защиту национальных интересов и отсутствие доверия между крупными державами. Данный феномен сочетает в себе элементы как теории игр, где обе стороны принимают стратегические решения с учетом действий друг друга, так и институциональной модели, где конфликт развивается на фоне различий в институциональных структурах и нормах.

Согласно модели теории игр, США и Китай, как две ведущие мировые экономики, вступили в торговую войну из-за противоречивых экономических и политических интересов. Каждая из сторон стремится максимизировать свои выгоды в мировой торговле, укрепить свои позиции и снизить влияние конкурента. Обе стороны используют стратегические меры (тарифы, санкции, ограничения на экспорт) в надежде получить уступки от другой стороны. Это типичный пример игры с ненулевой суммой, где одна сторона стремится улучшить свои позиции за счет другой. Однако учитывая институциональные различия в экономических системах двух стран, можно сделать вывод о том, что конфликт также имеет институциональную природу: США обвиняют Китай в недобросовестных торговых практиках, таких как нарушение прав интеллектуальной собственности, государственные субсидии китайским компаниям и валютные манипуляции. Конфликт также связан с правилами и нормами, установленными международными торговыми институтами, такими как Всемирная Торговая Организация.

Если учитывать более широкий социальный и политический контекст, в котором развивается торговая война между США и КНР, то её также можно интерпретировать как социальный конфликт, поскольку она включает борьбу за власть, статус и ресурсы не только между государствами, но и между различными социальными группами внутри этих государств.

Торговая война между США и Китаем, начавшаяся при администрации Дональда Трампа, представляет собой сложный и

многогранный конфликт, причиной которого стало стремление США сохранить своё доминирующее положение на мировой арене, воспринимая Китай как главного конкурента за глобальное лидерство. Важным аспектом конфликта стал значительный торговый дефицит США в отношениях с Китаем, что не могло не вызвать беспокойство со стороны Вашингтона. США также выдвинули обвинения против Китая в нечестных торговых практиках, включая кражу интеллектуальной собственности и манипуляции с валютой. Ответ Китая на эти обвинения и введение пошлин на китайские товары демонстрирует, что Пекин воспринимает торговую войну как попытку подавления его растущей экономической мощи.

Проведённый анализ показал, что суть спровоцированной Соединенными Штатами торговой войны заключается не в том, чтобы сократить торговый дефицит, а в том, чтобы сохранить своё глобальное влияние и подавить растущую конкурентоспособность Китая.

Торговая война между США и Китаем представляет собой не только экономическое противостояние, но и политический конфликт, который будет иметь долгосрочные последствия для международных отношений, данный конфликт является частью более широкой борьбы за глобальное влияние и может привести к значительным изменениям в мировой экономической и политической архитектуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мытарева Е.А. «Торговая война» как средство нетарифного регулирования международной торговли // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 74–77. [эл. доступ]. URL: https://www.sibscript.ru/jour/article/view/4035/3582?locale=ru_RU (дата обращения: 01.08.2024).
2. Газимагомедов Г.Г., Абдуллаев Н.В. Становление экономической конфликтологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия, конфликтология, культурология, религиоведение. 2014. Т. 30. № 3. С. 72–79. [эл. доступ]. URL: <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/2997> (дата обращения: 09.08.2024).
3. Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35–46. [эл. доступ]. URL: https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/20850/ru_RU (дата обращения: 25.07.2024).

4. Юнюшкина А.С., Шаповалова К.А., Каткова Е.Ю. Торговая война США с Китаем как попытка вернуть глобальное лидерство // *Международные отношения*. 2021. № 2. С. 55–68.
5. Шумилов М.М. «Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений. Часть 1 // *Управленческое консультирование*. 2022. № 4. С. 19–34.
6. Го Фэнли, Манойло А.В. Торговая война США против Китая в период президентского правления Д. Трампа как составляющая современных гибридных войн // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2022. № 5. С. 81–92.
7. Цю, Ларри Д., Чаокунь Чжан, Син Вэй邱, 拉里 D., 赵坤张, 邢伟. Тунго маои вэньсяньдэ лэнцзин фэньси Чжун Мэй маои чжань 通过贸易文献的棱镜分析中美贸易战 [Анализ торговой войны между Китаем и США сквозь призму торговой литературы] // *Цзинцзи хэ чжэнчжи яньцзю 经济和政治研究 [Экономические и политические исследования]*. 2019. С. 148–168.
8. Цю, Ларри Д., Син Вэй邱, 拉里 D., 兴伟. Чжун Мэй маои: дуй чунтудэ инсян 中美贸易: 对冲突的影响 [Торговля между Китаем и США: последствия для конфликтов] // *Чжунго цзинцзи цзачжи 中国经济杂 [Китайский экономический журнал]*. 2019. С. 1–20.
9. Stewart, H. US-China Trade War Looms. 26.03.2006 // *The Observer*: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/money/2006/mar/26/business.china> (дата обращения: 21.05.2024).
10. Bolt, W., Mavromatis, K., van Wijnbergen, S. The Global Macroeconomics of Trade War: The EAGLE Model on the US–China Trade Conflict // *DNB Working Paper № 623*. De Nederlandsche Bank. [эл. доступ]. URL: https://www.dnb.nl/media/odshgk34/wp623_tcm47-381884.pdf (дата обращения: 21.05.2024).
11. Bown C.P., Kolb M. Trump’s Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide. 31.12.2023 // *Peterson Institute for International Economics (PIIE)*: [сайт]. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/2018/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (дата обращения: 06.06.2020).
12. Филиппова И.А., Кашева Е.С. Экономическая глобализация // *Вестник Ульяновского государственного технического университета*. 2018. № 4 (84). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-globalizatsiya-1> (дата обращения: 14.08.2024).
13. Президент Дональд Трамп объявляет стратегию национальной безопасности, направленную на продвижение интересов Америки. 19.12.2017 // *Посольство и консульства США в Российской Федерации*: [сайт]. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/president-donald-j-trump-announces-a-national-security-strategy-to-advance-americas-interests-ru/> (дата обращения: 12.08.2024).
14. Экономическое обозрение: расследование в отношении КНР по разделу 301 Закона США о торговле не принесёт никаких позитивных результатов. 21.08.2017 // *СИНЬХУА Новости*: [сайт]. URL: http://russian.news.cn/2017-08/21/c_136543325.htm (дата обращения: 09.08.2024).
15. Swanson, A. Trump’s Trade War with China Is Officially Underway. 05.07.2018 // *The New York Times*: [сайт]. URL:

- <https://www.nytimes.com/2018/07/05/business/china-us-trade-war-trump-tariffs.html>
(дата обращения: 01.08.2024).
16. Bader, J.A., Dollar, D., Hass, R. U.S.–China Relations, 6 Months into the Trump Presidency, 14.08.2017 // The Brookings Institution: [сайт]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/08/14/u-s-china-relations-6-months-into-the-trump-presidency> (дата обращения: 01.05.2021).
17. China Statistical Yearbook 2018 // National Bureau of Statistic of China: [сайт]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2018/indexeh.htm> (дата обращения: 02.12.2024).
18. Асанова Л.Н. США и Китай на пороге торговой войны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. Т. 5. Ч. 2. С. 96–99.
19. Наварро П.У., Отри Г.У. Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. Глобальный призыв к действию. Москва: Синосфера, 2017. 330 с.
20. Толоконникова Е.В. Экологические проблемы Китая // Вестник университета. 2014. № 1. С. 60–63.
21. Гуаньюй Чжун Мэй цзинмао моцадэ шиини юй Чжунфан личан 关于中美经贸摩擦的事实与中方立场 [Факты и позиция Китая по китайско-американским экономическим и торговым трениям] // Чжунго чжэнфу ван 中国政府网 [Официальный сайт правительства Китая]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-09/24/content_5324957.htm (дата обращения: 14.08.2024).
22. Жэнь Пин. В чем основная суть торговой войны США против Китая? 10.08.2018 // Газета «Жэньминь жибао»: [сайт]. URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2018/0810/c95181-9489728.html> (дата обращения: 10.08.2024).
23. Diamond, J. Bannon Says US Locked in ‘Economic War’ with China, Slams White House Colleagues. 17.08.2017 // CNN: [сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2017/08/16/politics/steve-bannon-american-prospect-interview/index.html> (дата обращения: 25.07.2024).
24. Линь Ифу 林毅夫. Во дуй Чжун Мэй маои чжаньдэ сань дянъ каньфа 我对中美贸易战的三点看法 [Три моих идеи о торговой войне между США и Китаем]. 17.05.2019 // Бэйцзин дасюэ 北京大学 [Пекинский университет]: [сайт]. URL: <https://news.pku.edu.cn/mtbdnew/281840d63bc5419f911da3feb6b15735.htm> (дата обращения: 03.08.2024).
25. Torry, H., Douglas, J. U.S. Trade Deficit Hit Record in 2022. 07.02.2023 // The Wall Street Journal: [сайт]. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-imports-rose-in-december-partially-offsetting-weakening-global-trade-11675778079?mod=hp_lead_pos1 (дата обращения: 12.08.2024).
26. Лакстыгал И., Козлов А. Что значит первый с 2016 года спад поставок из Китая за рубеж. Крупнейший мировой экспортер стал меньше продавать в США, ЕС и АСЕАН. 13.01.2024 // Сетевое издание «Ведомости»: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/01/13/1014874-chto-znachit-pervii-spad> (дата обращения: 12.08.2024).

REFERENCES

1. Мутарева Ye.A. «Torgovaya voyna» kak sredstvo netarifnogo regulirovaniya mezhdunarodnoy trgovli [“Trade War” as a Means of Non-Tariff Regulation of International Trade]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. №. 1. P. 74–77. Available

at https://www.sibscript.ru/jour/article/view/4035/3582?locale=ru_RU (accessed: 01.08.2024). (In Russian).

2. Gazimagomedov G.G., Abdullayev N.V. Stanovleniye ekonomicheskoy konfliktologii [The Formation of Economic Conflictology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya, konfliktologiya, kulturologiya, religiovedenie*. 2014. T. 30. № 3. P. 72–79. Available at <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/2997> (accessed: 09.08.2024). (In Russian).

3. Vinogradov A.O., Salitskiy A.I., Semenova N.K. Amerikano-kitayskaya ekonomicheskaya konfrontatsiya: ideologiya, khronologiya, znachenie [U.S.-China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Significance]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2019. T. 19. № 1. P. 35–46. Available at https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/20850/ru_RU (accessed: 25.07.2024). (In Russian).

4. Yunyushkina A.S., Shapovalova K.A., Katkova Ye.Yu. Torgovaya voyna SShA s Kitayem kak popytka vernut globalnoye liderstvo [US Trade War with China as an Attempt to Regain Global Leadership]. *Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2021. № 2. P. 55–68. (In Russian).

5. Shumilov M.M. «Torgovaya voyna» SShA i KNR v kontekste deglobalizatsii i reideologizatsii mezhdunarodnykh otnosheniy. Chast 1 [The US-China “Trade War” in the Context of Deglobalization and Reideologization of International Relations. Part 1]. *Upravlencheskoye konsultirovaniye*. 2022. № 4. P. 19–34. (In Russian).

6. Go Fenli, Manoylo A.V. Torgovaya voyna SShA protiv Kitaya v period prezidentskogo pravleniya D. Trampa kak sostavlyayushchaya sovremennykh gibridnykh voyn [The US Trade War Against China During the Presidency of D. Trump as a Component of Modern Hybrid Wars]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskoye nauki*. 2022. № 5. P. 81–92. (In Russian).

7. Qiu, Lali D., Zhao Kunzhang, Xing Wei 邱, 拉里 D., 赵坤张, 邢伟. Tongguo maoyi wenxian de lengjing fenxi Zhong Mei maoyizhan 通过贸易文献的棱镜分析中美贸易战 [Analyzing the China-U.S. trade war through the lens of trade literature]. *Jingji he zhengzhi yanjiu 经济和政治研究 [Economic and political research]*. 2019. P. 148–168. (In Chinese).

8. Qiu, Lali D., Xing Wei 邱, 拉里 D., 兴伟. Zhong Mei maoyi: dui chongtude yingxiang 中美贸易: 对冲突的影响 [China-US trade: implications for conflicts]. *Zhongguo jingji zazhi 中国经济杂志 [Chinese economic journal]*. 2019. P. 1–20. (in Chinese).

9. Stewart, H. US-China Trade War Looms. 26.03.2006. *The Observer*. Available at <https://www.theguardian.com/money/2006/mar/26/business.china> (accessed: 21.05.2024).

10. Bolt, W., Mavromatis, K., van Wijnbergen, S. The Global Macroeconomics of Trade War: The EAGLE Model on the US–China Trade Conflict. *DNB Working Paper* № 623. De Nederlandsche Bank. Available at https://www.dnb.nl/media/odshgk34/wp623_tcm47-381884.pdf (accessed: 21.05.2024).

11. Bown C.P., Kolb M. Trump’s Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide. 31.12.2023. *Peterson Institute for International Economics (PIIE)*. Available at <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/2018/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (accessed: 06.06.2020).

12. Filippova I.A., Kasheva Ye.S. Ekonomicheskaya globalizatsiya. [Economic Globalization]. *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*.

2018. № 4 (84). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-globalizatsiya-1> (accessed: 14.08.2024). (In Russian).

13. Prezident Donald Tramp obyavlyayet strategiyu natsionalnoy bezopasnosti, napravlennuyu na prodvizheniye interesov Ameriki [President Donald Trump Announces National Security Strategy Aimed at Advancing American Interests]. 19.12.2017. *Posolstva I konsulstva SShA v Rossijskoy Federacii*. Available at <https://ru.usembassy.gov/ru/president-donald-j-trump-announces-a-national-security-strategy-to-advance-americas-interests-ru/> (accessed: 12.08.2024). (In Russian).

14. Ekonomicheskoye obozreniye: rassledovaniye v otnoshenii KNR po razdelu 301 Zakona SShA o torgovle ne prineset nikakikh pozitivnykh rezultatov. [Economic Review: Investigation of the PRC under Section 301 of the U.S. Trade Act will not Yield Any Positive Results]. *SINHUA Novosti*. Available at http://russian.news.cn/2017-08/21/c_136543325.htm (accessed: 09.08.2024). (In Russian).

15. Swanson, A. Trump's Trade War with China Is Officially Underway. 05.07.2018. *The New York Times*. Available at <https://www.nytimes.com/2018/07/05/business/china-us-trade-war-trump-tariffs.html> (accessed: 01.08.2024).

16. Bader, J.A., Dollar, D., Hass, R. U.S.–China Relations, 6 Months into the Trump Presidency, 14.08.2017. *The Brookings Institution*. Available at <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/08/14/u-s-china-relations-6-months-into-the-trump-presidency> (accessed: 01.05.2021).

17. China Statistical Yearbook 2018. *National Bureau of Statistic of China*. Available at <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2018/indexeh.htm> (accessed: 02.12.2024).

18. Asanova L.N. SShA i Kitay na poroge togovoy voyny. [US and China on the Brink of a Trade War]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*. 2018. T. 5. Ch. 2. P. 96–99. (In Russian).

19. Navarro P.U., Otri G.U. Smert ot Kitaya. Litsom k litsu s drakonom. Globalnyy prizyv k deystviyu [Death by China. Facing the Dragon. A Global Call to Action]. Moskva: Sinosfera, 2017. 330 p. (In Russian).

20. Tolokonnikova Ye.V. Ekologicheskiye problemy Kitaya [Environmental problems of China]. *Vestnik Gosudarstvennyy Universitet Upravleniye*. 2014. № 1. P. 60–63. (In Russian).

21. Guanyuy Chzhun Mey tszinmao motsade shiii yuy Chzhunfan lichen 关于中美经贸摩擦的事实与中方立场. [Facts and China's Position on Sino-U.S. Economic and Trade Frictions]. Zhongguo zhengfu wang 中国政府网 [China Government Network]. Available at https://www.gov.cn/zhengce/2018-09/24/content_5324957.htm (accessed: 14.08.2024). (In Chinese).

22. Zhen Pin. V chem osnovnaya sut togovoy voyny SShA protiv Kitaya? [What is the Main Point of the US Trade War Against China?]. 10.08.2018. *Gazeta «Zhenmin zhibao»*. Available at <https://russian.people.com.cn/n3/2018/0810/c95181-9489728.html> (accessed: 10.08.2024). (In Russian).

23. Diamond, J. Bannon Says US Locked in 'Economic War' with China, Slams White House Colleagues. 17.08.2017. *CNN*. Available at <https://edition.cnn.com/2017/08/16/politics/steve-bannon-american-prospect-interview/index.html> (accessed: 25.07.2024).

24. Lin Ifu 林毅夫. Vo duy Chzhun Mey maoui chzhande san dyan kanfa 我对中美贸易战的三点看法 [My Three Ideas on the US-China Trade War]. 17.05.2019. *Beijing daxue* 北京大学 [Peking University]. Available at

<https://news.pku.edu.cn/mtbdnew/281840d63bc5419f911da3feb6b15735.htm> (accessed: 03.08.2024). (In Chinese).

25. Torry, H., Douglas, J. U.S. Trade Deficit Hit Record in 2022. 07.02.2023. *The Wall Street Journal*. Available at https://www.wsj.com/articles/u-s-imports-rose-in-december-partially-offsetting-weakening-global-trade-11675778079?mod=hp_lead_pos1 (accessed: 12.08.2024).

26. Lakstygal I., Kozlov A. Chto znachit pervyy s 2016 goda spad postavok iz Kitaya za rubezh. Krupnejshij mirovoj eksportyor stal menshe prodavat v SShA, ES i ASEAN. [What does the first decline in overseas shipments from China since 2016 mean? The world's largest exporter has begun selling less to the US, EU and ASEAN]. 13.01.2024. *Setevoe izdanie «Vedomosti»*. Available at <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/01/13/1014874-chto-znachit-pervii-spad> (accessed: 12.08.2024). (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Кожирова Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Министерства образования и науки РК (г. Алматы, Казахстан).

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7545-6676

Нечай Александра Александровна – кандидат политических наук, старший преподаватель Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: alimova_aa@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-7068-0185

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Kojirova Svetlana B. – Doctor of Political Sciences, Professor Senior researcher Chief Scientist, Institute of Oriental Studies by R.B. Suleimenova, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan).

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7545-6676

Nechai Aleksandra A. – Candidate of Political Science, Senior lecturer of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: alimova_aa@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-7068-0185

Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024.
Одобрена после рецензирования 27.09.2024.
Принята 15.10.2024.

Received 22.08.2024.
Approved after reviewing 27.09.2024.
Accepted 15.10.2024.

научная статья
УДК: 94
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.4

Финляндия во внешней политике Великобритании в 1918–1939 гг.

Шамилов Александр Самирович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ shamilov.as@edu.spbstu.ru

Колесников Дмитрий Евгеньевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
kolesn_de@spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-4582-6179>

***Аннотация.** Предлагается анализ взаимоотношений Финляндии и Великобритании в период с 1918 г. до начала Зимней войны (1939г.). Исследование представляет интерес тем, что оно затрагивает малоизученную в российской историографии тему, а также показывает читателям взгляд на события того периода со стороны британской дипломатии. В период 1920–1930-х гг. Великобритания была крупнейшим торговым партнёром Финляндии, однако иных интересов, кроме торгово-экономических, у британского руководства в Финляндии не было. Данный подход пришлось пересмотреть ввиду обострения политической обстановки в Европе в конце 1930-х гг. Британское руководство старалось не допустить попадания Финляндии в сферу влияния нацистской Германии и в то же время пыталось договориться с советским руководством о создании альянса. Многие малые страны Европы, включая Финляндию, с недоверием относились к Советскому Союзу, что значительно осложняло задачу британским дипломатам. В конечном итоге Советский Союз перешёл к агрессивным действиям по отношению к Финляндии, и британцам пришлось всерьёз рассматривать планы по противодействию СССР и оказывать разностороннюю помощь Финляндии. Исследование направлено на характеристику задач, которые ставило перед собой дипломатическое руководство Великобритании в отношении Финляндии накануне Второй мировой войны. В ходе исследования применялись метод историко-политического анализа, контент-анализ исторических источников – дипломатических нот и переписок, а также хронологический метод, позволивший описать рассматриваемые события в хронологической последовательности. Исследование основано на финноязычных и русскоязычных источниках и англоязычной литературе. Впервые в российской историографии предпринимается попытка изложить общую картину событий с точки зрения британской дипломатии. В результате исследования были выявлены факторы, повлиявшие на британскую внешнюю политику в отношении Финляндии. К ним следует отнести слабую подготовку к войне в материальном отношении, неопределённость и разногласия в среде британского руководства по многим внешнеполитическим вопросам, тесное торговое сотрудничество между Великобританией и Финляндией, интересы Великобритании в североевропейском регионе. Результаты исследования позволяют установить, как менялось отношение британского руководства к Финляндии на протяжении указанного периода.*

Ключевые слова: политическая история; история международных отношений; дипломатия; Зимняя война; исторические источники

Для цитирования: Шамилов А.С., Колесников Д.Е. Финляндия во внешней политике Великобритании в 1918–1939 гг. // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 65–88. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.4.

© Шамилов А.С., Колесников Д.Е., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 94

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.4

Finland in British Foreign Policy (1918–1939)

Aleksandr S. Shamilov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ shamilov.as@edu.spbstu.ru

Dmitry E. Kolesnikov

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
kolesn_de@spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-4582-6179>

Abstract. *This article analyzes the foreign policy relations between Finland and Great Britain in the first half of the 20th century and before the start of the Winter War. Topic of the research has been little studied in Russian historiography. Article provides readers with a view of the events of that period from various British government institutions. During the 1920/30s, Great Britain was the largest trading partner of the northern country, but the British administration had only trade and economic interests in Finland. This approach had to be revised due to the aggravation of the political situation in Europe in the late 1930s. The British leadership tried to prevent Finland from falling into the sphere of influence of Nazi Germany, and at the same time tried to negotiate with the Soviet administration on the creation of an alliance. Many small nations of Europe, including the Finns, did not trust the Soviet Union, which made the task for British diplomats much more difficult. Eventually, the Soviet Union switched to aggressive actions towards Finland, and the British had to seriously consider plans of clash with the USSR and provide comprehensive assistance to Finland. The research aims to characterize the tasks which the British diplomatic leadership set in relation to Finland before the Second World War. In the research was used the method of historical and political analysis and content analysis of such data as diplomatic correspondence, notes and scientific articles, as well as the chronological method, which made possible to describe the events in chronological order. The research is based on Finnish and Russian sources and historical literature in English. The research contains first attempt in Russian historiography to present a general picture of events from the point of view of British diplomacy. In result of research were identified factors which influenced British foreign policy towards Finland, such as poor material preparation for the war, uncertainty and disagreement among the British top-brass on many foreign policy issues, close trade cooperation between Great Britain and Finland, and the interests of Great Britain in Northern Europe. The results of research allow to make a conclusion how changed the attitude of the British leadership towards Finland.*

Keywords: political history; history of international relations; diplomacy; Winter War; historical sources

For citation: Shamilov, A.S., Kolesnikov, D.E. Finland in British Foreign Policy (1918–1939). *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 4. P. 65–88. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.4.

© Shamilov, A.S., Kolesnikov, D.E., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.6.2. Всеобщая история

Введение

Великобритания установила дипломатические отношения с Финляндией 28 марта 1918 г., однако, признала её независимость лишь 6 мая 1919 г. [1]. Такое позднее признание было связано, с одной стороны, со сложной политической обстановкой, в которой находилась Финляндия, и, с другой стороны, с внешнеполитическими факторами. Государства Антанты не могли незамедлительно признать независимость государства, которое отделилось от их союзника – России. Великобритания была готова официально признать независимую Финляндию только в случае официального подтверждения Всероссийским учредительным собранием независимости этой страны [2, р. 371]. К 1919 г. данный принцип изменился, и Великобритания стала надеяться на воссоздание России в качестве «антигерманской» федерации, поэтому охотнее признала национальные правительства бывшей империи [2, р. 372–373].

Проблема заключалась и в ориентированности Финляндии на Германию. Одной из фундаментальных задач британской внешней политики начала XX века являлось ограничение военной мощи и экономического потенциала Германии [2, р. 357–358]. Британские политики не спешили признавать новое государство, поскольку на территории Финляндии в 1918 г. находился немецкий экспедиционный корпус, а сама страна после гражданской войны вошла в сферу влияния Германской Империи. Данный факт подтверждается подписанным 7 марта 1918 г. договором о мире между Финляндией и Германией [3]. Дальнейшим планам по укреплению сотрудничества Финляндии и Германии не суждено было сбыться, так как Германская империя рухнула в 1918 г.

Материалы и результаты исследования

Дипломатические отношения между Великобританией и Финляндией были установлены. В начале 1920-х гг. интересы Великобритании в странах Балтийского региона (в том числе в Финляндии) сместились с политических в сторону экономических [4, р. 307]. Так, в 1921 г. импорт из Финляндии в Великобританию был в 3 раза больше, чем из России [4, р. 307]. В 1923 г. был подписан первый торговый договор между Финляндией и Великобританией [5]. В предвоенный период между двумя странами сложились тесные торговые связи: в период с 1920 по 1924 гг. от 36 до 44% всей древесины, добытой в Финляндии, отправлялось в Великобританию, что составляло от 24 до 28% всей импортируемой древесины в Великобританию за данный период [4, р. 320]. Великобритания оставалась главным партнёром Финляндии по экспорту в период Великой депрессии [6]. Всего к концу 1930-х гг. 44% финского экспорта приходилось на Великобританию, 12% – на Германию и только 1% – на СССР. Доля импорта из Великобритании в Финляндию за тот же период составила 19%, а из Германии в Финляндию – 17% [7, р. 7].

Тесные торговые связи также влияли и на монетарную политику Финляндии. Так, финская марка была привязана к золоту в 1920-х гг., однако в 1931 г. Финляндия вслед за Великобританией отказалась от золотого стандарта. В 1933 г. финская марка была привязана к британскому фунту в соотношении 1 британский фунт = 277 финских марок [5].

Финляндия в ходе своей программы перевооружения осуществляла закупку военного снаряжения за рубежом, в частности у Великобритании. Так, у фирмы Vickers в общей сложности было закуплено 33 танка Vickers Mark E Type B (1 танк в 1933 г., остальные закуплены в 1936 г.) [8]. С поставкой этих танков возникли технические и политические сложности, которые будут рассмотрены в дальнейшем. У фирмы Vickers также закупали и зенитные орудия. В 1932 г. для оснащения новых кораблей береговой обороны Väinämöinen и Ilmarinen были закуплены зенитные орудия 40-мм [9].

К 1936 г. Великобритания в значительном количестве импортировала финское сливочное масло, что привело к задолженности Великобритании перед Финляндией. Британцы предложили расплатиться зенитным

вооружением и современными системами наведения к ним, и финны приобрели 12 зенитных орудий 76.2 мм вместе с современными ПУАЗО [10].

Перед Зимней войной Финляндия также старалась обновить свой авиационный парк. В частности, были закуплены современные на тот момент бомбардировщики Bristol Blenheim. В октябре 1936 г. Финляндия заказала у Великобритании 18 новых бомбардировщиков и в апреле 1938 г. приобрела лицензию на производство этих самолётов [11].

7 февраля 1938 г. на заседании палаты общин представитель консервативной партии сэр Джозеф Лич отметил, что сложившиеся торговые отношения между Финляндией и Великобританией более выгодны Финляндии, так как британцы больше покупают у финнов, чем финны у британцев. Позднее в английском парламенте предложили пересмотреть торговые отношения с Финляндией [12, s. 30–31].

В целом, до конца ноября 1939 г. Финляндия не фигурировала в политике Великобритании вне рамок экономических отношений. Тем не менее, тревожные ощущения перед Второй мировой войной заставляли британское руководство рассматривать Финляндию как неотъемлемую часть Европы и один из факторов, влияющих на баланс сил на континенте. Финляндия всегда упоминалась среди стран, которые, с точки зрения Великобритании, гипотетически могли участвовать в общеевропейской системе коллективной безопасности [12, s. 33].

Главной задачей британского МИДа перед грядущим конфликтом было не дать Финляндии попасть в сферу интересов Германии, которая начинала проводить более агрессивную экспансионистскую политику в Европе. При этом нужно было учитывать интересы Советского Союза, который реагировал на каждое действие в северном регионе [7, p. 4–5]. Обеспечение британских интересов в Северной Европе также осложняли напряжённые отношения между Финляндией и Советским Союзом. Как отмечал британский посол в Хельсинки Томас Сноу, «ненависть и недоверие» к Советскому Союзу были характерны для финского менталитета. Посол выражал опасения, что недоброжелательное отношение финнов к Советскому Союзу может привести к союзу Финляндии и Германии в войне против СССР и Великобритании [7, p. 6].

Актуальным стал вопрос ремилитаризации Аландских островов. Острова были признаны территорией Финляндии по решению Совета Лиги

Наций в 1921 г. и с принятием в том же году Аландской конвенции. Конвенция подтверждала и дополняла положения Парижского мирного договора 1856 г. Её подписали десять государств, включая Великобританию, Францию и Россию. СССР, образованный в 1922 г., новую конвенцию не подписывал. Согласно положениям конвенции, Аландские острова объявлялись демилитаризованной зоной, на которой не разрешалось возводить форты, военные и морские базы, и иные сооружения для ведения войны.

Швеция и Финляндия выразили желание пересмотреть статус островов. Финляндия полагала, что главную угрозу безопасности Балтийского региона представляет Советский Союз. Швеция полагала, что такую угрозу представляет Германия [13, с. 183]. В октябре 1937 г. началось обсуждение данного вопроса на уровне министров иностранных дел Финляндии и Швеции [7, р. 8]. Изначально британские дипломаты были настроены против ремилитаризации островов. Они предполагали, что острова без ремилитаризации, в любом случае, будут легко оккупированы заинтересованной стороной – Советским Союзом или Германией. С точки зрения европейских держав, и, в частности, британского руководства, решение ремилитаризовать Аландские острова больше всего играло на руку немцам, так как немцы могли меньше беспокоиться о безопасности поставок шведской руды. Этот фактор и обозначил первоначальную позицию британской стороны по данному вопросу. Важно также учесть, что Великобритания могла применить своё право вето при обсуждении инициатив, связанных с Аландскими островами, как сторона-участник конвенции 1921 г. [7 р. 8]. Тем не менее, британские дипломаты не были едины в своей позиции по ремилитаризации Аландских островов и пришли к окончательному мнению только после анализа всех возможных исходов данного решения и обмена мнениями. Северный отдел британского МИДа поменял свою позицию по Аландским островам и теперь был не против ремилитаризации островов, так как финны заверили дипломатов в независимости от какой-либо стороны по данному вопросу [7, р. 16]. Начальники штабов сделали заключение, что фортификация Аландских островов не нанесёт ущерба британским интересам [7, р. 19]. Однако, британцы всё равно опасались того, что укрепления на островах будут направлены исключительно против советской стороны, и что Советский

Союз недоброжелательно отреагирует на данное обстоятельство. Уже тогда англичане планировали объединиться с Советским Союзом в гипотетической войне с Германией. В то же время Финляндия рассматривала Советский Союз как единственную сторону, от которой исходит угроза, и поэтому в случае большой войны между Германией и Великобританией с одной стороны, и СССР с другой – вероятнее всего Финляндия могла воевать на стороне Германии [7, р. 16–18].

Советскому руководству было известно о планах по ремилитаризации островов. Весной 1938 г. состоялись так называемые «переговоры Ярцева» – серия секретных переговоров между правительствами Финляндии и СССР через сотрудника службы безопасности Бориса Ярцева. Советский Союз был уверен в нападении Германии на Финляндию, и на этих переговорах затрагивался вопрос ремилитаризации Аландских островов в случае подобного нападения. Советский Союз был согласен на ремилитаризацию островов при условии участия советской стороны в данном процессе, а также разрешения на строительство советских укреплений на острове Суурсаари (Гогланд), который принадлежал Финляндии. Финны от всех предложений отказались [13, с. 184].

7 января 1939 г. Швеция и Финляндия публично анонсировали планы по ремилитаризации Аландских островов [7, р. 28]. Руководство СССР не высказывалось однозначно по этому поводу. На переговорах между правительствами Финляндии и СССР относительно ремилитаризации Аландских островов советской стороной были озвучены предложения по обмену финских островов Лавансаари и Сеискари в Финском заливе и некоторых территорий в восточной Карелии на возможность ремилитаризовать Аландские острова [7, р. 32]. Однако позиция руководства Финляндии была непреклонной, так министр иностранных дел Финляндии Юхо Эркко заявил, что территория Финляндии не является предметом купли-продажи [13, с. 184].

Вопрос Аландских островов должен был рассматриваться на дебатах Лиги Наций в середине мая, однако советская сторона попросила перенести обсуждение на конец мая 1939 г. Как полагали британские дипломаты, перенесение сроков обсуждения могло быть обусловлено попыткой советского вмешательства в процесс фортификации островов. Представителю Великобритании разрешалось голосовать против отсрочки

обсуждения по Аландскому вопросу, если не удастся достичь компромисса между СССР и Финляндией по поводу ремилитаризации [7, p. 36].

Как бы то ни было, вопрос Аландских островов перестал представлять интерес для британской стороны после подписания 24 августа 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа. Тем более, Швеция перестала поддерживать данную инициативу из-за реакции СССР. Финское руководство отложило ремилитаризацию островов вплоть до непосредственного начала боевых действий [13, с. 184–185].

Перед британским руководством встала задача по обеспечению перевооружения армии Финляндии. Северный отдел британского МИДа рассчитывал на то, что если британские компании помогут с перевооружением финской армии, то это позволит Финляндии не попасть под немецкое влияние. Однако подобные шаги могли испортить отношения с Москвой, учитывая, к тому же, тот факт, что британские военные компании не всегда могли предложить финнам выгодные предложения в отличие от конкурентов с континента [7, p. 41–42]. Военное министерство Великобритании препятствовало проведению сделок с Финляндией. Так, например, сделка ICI по производству патронов для финской армии (3 млн калибра 7,62 мм и 1 млн калибра .303) была отсрочена до сентября 1939 г. для патронов калибра .303 British и до марта 1940 г. для патронов калибра 7,62 мм, поскольку военное министерство Великобритании требовало в первую очередь снабдить боеприпасами британскую армию. Финны согласились на отсрочку несмотря на то, что они имели возможность закупить более дешёвые боеприпасы без лишних задержек, например, у Германии [7, p. 43]. Удручающей была и ситуация с поставками танков Vickers, которые были заказаны у Великобритании ещё в 1936 г. в количестве 32 шт. Тогда было согласовано, что три партии машин (первая и третья партия – по 11 машин, вторая партия – 10 машин) будут доставлены 20 июля 1937 г., 1 апреля 1938 г. и 1 января 1939 г. соответственно. Однако компания не справлялась с заказами, и первые танки начали прибывать в Финляндию только в июле 1938 г.

К началу Зимней войны в Финляндию нужно было доставить ещё 6 танков Vickers [8]. Задержки с поставками танков Финляндии также были связаны с вступлением Великобритании во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 г. В дело вмешалось военное министерство

Великобритании, которое считало, что эти 6 танков в первую очередь были необходимы самой британской армии для текущей войны с Германией. 6 октября 1939 г. доставка Финляндии последней партии 6 танков была задержана [7, р. 72]. В конечном итоге, Северный отдел британского МИДа во главе с Лоуренсом Кольером добился от военного министерства Великобритании разрешения на отправку последних 6 танков Vickers в Финляндию [14, р. 272] 1 ноября 1939 г. [7, р. 79]. Естественно, задержки поставок вооружения не могли не повлиять на имидж Великобритании как торгового партнёра Финляндии. В октябре 1939 г. начальники штабов Финляндии указывали на то, что Великобритания не сможет обеспечить поддержку их стране в случае агрессии со стороны Советского Союза. У Великобритании не хватало необходимого Финляндии противотанкового и зенитного вооружения. Тем не менее, необходимо было создавать хотя бы видимость поддержки Финляндии для того, чтобы удовлетворить профинские настроения на родине и за рубежом, что приводило к отправке некоторого количества устаревшего вооружения в Финляндию [15, р. 68].

Ситуация с задержкой британских поставок военной техники и материалов в Финляндию показывает, что в британском руководстве не было единого мнения по поводу поддержки Финляндии. Так, военное министерство Великобритании и первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль считали, что все ресурсы страны должны быть направлены на непосредственную войну с Германией [15, р. 69], в то время как британский МИД рассчитывал на продолжение военно-политического сотрудничества с Финляндией, стремясь избежать попадания последней в сферу немецкого влияния.

Судьба Финляндии затрагивалась и на трёхсторонних переговорах в Москве между Великобританией, Францией и СССР в 1939 году. Советская сторона настаивала на предоставлении своих гарантий безопасности (т.е. предоставление советским войскам территории государства в случае вторжения или угрозы вторжения со стороны Германии) странам-соседям от Чёрного до Балтийского моря, против чего выступали сами данные страны. В частности, правительство Финляндии полагало, что вслед за гарантиями от Советского Союза последует вмешательство во внутреннюю политику Финляндии [16, р. 32]. Как отмечал ещё 26 марта 1939 г. премьер-министр Великобритании Невилл

Чемберлен, малые страны, подобные Польше, Румынии и Финляндии, с ненавистью и недоверием относились к Советскому Союзу [17, р. 403]. Данные предубеждения и нежелание принимать гарантии от Советского Союза значительно осложняли для Великобритании и Франции ход переговоров.

В рамках своей политики противодействия немецкому влиянию в Европе Великобритания была готова пойти на уступки советской стороне и распространить гарантии безопасности на соседние с СССР страны, даже под угрозой вхождения последних в советскую зону влияния. Ситуация касалась и Финляндии. 15 мая 1939 г. народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов прямо объявил о том, что Финляндия должна иметь гарантии безопасности со стороны СССР, Великобритании и Франции. Британская администрация хоть и не сразу, но согласилась с данными требованиями, и даже была готова осуществлять поддержку Советскому Союзу в обеспечении данных гарантий [16, р. 33]. С точки зрения Великобритании, Финляндия являлась страной скорее Скандинавского, чем Балтийского региона, поэтому британцы хотели бы видеть Финляндию в качестве нейтральной страны. Советский Союз, напротив, рассматривал Финляндию как часть Балтийского региона, на страны которого необходимо было распространить гарантии [7, р. 57].

Теперь перед британским руководством стояла задача убедить финнов принять данные гарантии безопасности. Однако финны заняли непреклонную позицию по вопросу предоставления гарантий и не собирались их принимать. Премьер-министр Финляндии Кюёсти Каллио публично озвучил, что любая страна, распространявшая свои гарантии безопасности на Финляндию без согласия последней, будет считаться страной-агрессором [16, р. 33]. При этом, как утверждал финский посланник в Лондоне Георг Грипенберг 7 июля 1939 г., Финляндия не боялась гарантий со стороны Великобритании, однако её правительство отвергло бы подобные предложения, исходящие от страны, которая собирается вмешаться во внутреннюю политику Финляндии (подразумевался Советский Союз) [7, р. 62]. Как объяснили в тот день Грипенбергу британские дипломаты, на переговорах Великобритания признавала лишь факт наличия интересов у Советского Союза в Балтийском регионе, к которому относилась и Финляндия [7, р. 62].

Однако чуть ранее, в конце июня 1939 г., лорд Галифакс дал инструкцию британскому послу в СССР Уильяму Сидсу, чтобы тот обратился к Молотову с заявлением, что Великобритания согласна выдать гарантии всем странам, соседствующим с Советским Союзом, включая Финляндию, но с тем условием, что названные гарантии будут отражены в секретном протоколе, так как публичное одобрение Великобританией советских гарантий приведёт к тому, что страны Восточной Европы будут охотнее попадать под влияние Германии [7, р. 61]. Со временем у советской стороны появились новые требования к обеспечению гарантий, представлявших, по сути, непрямую агрессию. Советский Союз настаивал на том, чтобы иметь право вмешиваться в дела стран, которым даны гарантии, в случае прогерманского переворота в этих государствах, даже если Германия не осуществляла в них военное вторжение. Великобритания и Франция не могли уже согласиться с этими условиями, так как считали, что таким образом Советский Союз сможет вмешиваться напрямую во внутреннюю политику соседних стран, причём поводом для этого может послужить любая перестановка в правительстве страны, находящейся под гарантиями [7, р. 61].

В свою очередь, Грипенберг в своей записке заместителю британского МИДа Ричарду Батлеру изложил политику руководства Финляндии в 5 пунктах [7, р. 63]:

1. Правительство Финляндии придерживается политики строгого нейтралитета и будет защищать его всеми доступными способами.

2. Правительство Финляндии не признаёт право других стран оказывать себе поддержку при сопротивлении прямой или косвенной агрессии, если Финляндия сама об этом не попросит.

3. Правительство Финляндии будет считать агрессором любую страну, которая будет оказывать вооружённую поддержку Финляндии без её согласия.

4. Правительство Финляндии надеется, что правительство Его Величества не пойдет на международное соглашение о введении положений, которые так или иначе могли бы отрицательно повлиять на финскую политику строгого нейтралитета.

5. Правительство Финляндии считает, что понятие «косвенной агрессии» может побудить другие страны к недопустимому вмешательству во внутренние дела Финляндии.

16 мая 1939 г. финский посол в Берлине получил указания от своего правительства не принимать предложения Риббентропа по подписанию пакта о ненападении между Финляндией и Германией. Таким образом, все опасения британского внешнеполитического руководства насчёт сотрудничества Германии и Финляндии оказались беспочвенными, однако оставалась проблема непринятия правительством Финляндии советских гарантий [7, p. 56].

Несмотря на недоверие к советской внешней политике, некоторые видные фигуры военного руководства Финляндии считали более предпочтительным вариантом союз между Великобританией и СССР, чем союз между СССР и нацистской Германией. Такого мнения придерживался маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм. 18 июня 1939 г. во время разговора с приехавшим в Финляндию британским генералом Уолтером Кирком Маннергейм отметил, что дальнейшее развитие событий может пойти по 3 сценариям:

1. сохранение статуса-кво, согласно которому никаких новых альянсов в Европе не должно возникнуть;
2. союз между СССР и Великобританией;
3. союз между СССР и Германией.

Маннергейм утверждал, что лучшим вариантом с точки зрения финнов будет союз Великобритании и СССР, так как в противном случае у Советского Союза будут развязаны руки, если война в Европе действительно случится, что может привести к значительному усилению советского влияния в Европе. Худшим сценарием, по мнению Маннергейма, являлся союз между СССР и Германией. В целом, Маннергейм понимал британскую позицию по данному вопросу, но при этом добавлял, что как финн он не смог бы приветствовать гарантию безопасности со стороны Советского Союза, которая воспользовалась бы шансом изменить политику внешней безопасности Финляндии в свою пользу [7, p. 60]. Министр иностранных дел Юхо Эркко также считал, что союз между СССР и Германией будет наихудшим вариантом развития событий для Финляндии [7, p. 65, 67].

23 августа 1939 г. был подписан пакт Молотова-Риббентропа о ненападении между Советским Союзом и Германией. В секретном протоколе к пакту указывалось, что Латвия, Эстония и Финляндия относятся к советской зоне влияния. Разногласия между СССР, Англией и Францией по гарантиям безопасности странам Европы, граничащим с СССР, были в одностороннем порядке разрешены в августе 1939 г. подписанием договора с Германией [7, р. 67].

Великобритания действительно добилась того, что Финляндия не попала под влияние Германии. Однако теперь британскому руководству пришлось столкнуться с неизбежным расширением советского влияния в Европе, при этом ведя войну с Германией. Кроме того, военному руководству Великобритании совместно с Францией пришлось всерьёз задуматься над реализацией планов одновременной войны против Германии и СССР.

В случае внешней агрессии Финляндии оставалось рассчитывать лишь на материальную поддержку со стороны Великобритании и Франции, которые не были в полной мере готовы к предстоящей войне [16, р. 34]. В связи с подписанием пакта Молотова-Риббентропа Германия перестала продавать оружие в Финляндию. В октябре 1939 г. из Финляндии был отозван немецкий агент, который готовил заключение сделки, заключающейся в покупке немецких истребителей Мессершмитт для финских ВВС [7, р. 80].

Финны осознали своё шаткое положение в октябре 1939 г., когда Советский Союз начал выдвигать требования странам Балтии [7, р. 67]. В период с 28 сентября по 10 октября 1939 г. СССР заключил ряд пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. 5 октября 1939 г. правительство Финляндии получило от В.М. Молотова приглашение, чтобы в Москву прибыли финские представители для обсуждения «конкретных политических вопросов», что станет прологом для осенних переговоров в Москве между Финляндией и СССР [13, с. 186]. За весь период переговоров с 12 октября по 9 ноября 1939 г. никакой поддержки Финляндии со стороны Германии при этом не оказывалось [7, р. 71]. Как отмечал министр иностранных дел Финляндии Юхо Эркко, Германия была совершенно равнодушна к переговорам, но даже несмотря на это, финны не отказались от своего принципа полного нейтралитета [18]. Сами немцы

считали, что требования Москвы «не будут далеко идущими» [19]. Согласно инструкциям от политического руководства страны, финская делегация занимала неприступную позицию и не соглашалась на какие-либо уступки в виде обмена территорий, размещения военных баз или изменений существующего между СССР и Финляндией договора о ненападении, заключённого в 1932 г. [20, с. 237–248].

Великобритания с опасением смотрела на переговоры. Как отмечал американский посол в Хельсинки Артур Шенфельд, по мнению британского посла Томаса Сноу, политика Финляндии касательно переговоров может оказаться недостаточно «гибкой», и вполне вероятно, такая политика приведёт к войне [21]. Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль утверждал, что условия, выдвинутые Москвой в отношении Хельсинки, были «разумными», и усиление советского присутствия в Балтийском море для противостояния немецкому флоту отвечает интересам Великобритании. Министр иностранных дел Великобритании лорд Э. Галифакс считал, что необходимо проявлять бóльшую «толерантность» по отношению к Москве. Глава Северного отдела британского МИДа Лоуренс Кольер, в свою очередь, был не согласен с У. Черчиллем по данному вопросу, так как в его ответном протоколе было отмечено, что уступки финнов и советские военно-морские базы в Балтийском регионе не будут иметь значения для морского влияния Германии. Осенью 1939 г. У. Черчилль и глава МИД Э. Галифакс всё ещё надеялись склонить Советский Союз на сторону союзников, в то время как Северный отдел британского МИДа настаивал на поддержке Финляндии и её непреклонной позиции на переговорах [7, p. 80].

То, что финны не стали уступать Москве на переговорах, как до этого сделали государства Балтии, стало полной неожиданностью как для советского руководства, так и для иностранных наблюдателей. По мнению британского посла в СССР Уильяма Сидса, Советский Союз после отпора Финляндии начал применять политическое запугивание. У. Сидс указал на тот факт, что В.М. Молотов в своей речи в Верховном Совете СССР 31 октября 1939 г. публично раскрыл советские требования к финской стороне, которые до этого были секретными. Кроме того, в советской прессе началась антифинская информационная кампания, которая продолжилась вплоть до срыва переговоров 13 ноября. Вплоть до

Майнильского инцидента, произошедшего 26 ноября 1939 г., пропагандистские кампании против финского руководства в советской прессе были приостановлены. Уильям Сидс также полагал, что последующее начало вооружённых действий будет связано с желанием советского руководства «сохранить лицо», поскольку их ультиматум не приняло руководство маленькой Финляндии с населением чуть меньше, чем в Ленинграде [22].

После срыва переговоров в середине ноября 1939 г. у руководства Финляндии создалось ощущение обманчивой безопасности. Ему представлялось, что Советский Союз просто блефовал, и никакого вторжения не последует. 23 ноября, за три дня до разрыва дипломатических отношений с СССР, премьер-министр Финляндии Аймо Каяндер публично заявил, что жизнь в Финляндии возвращается в привычное мирное русло [13, с. 188].

В отличие от оптимистично настроенного руководства Финляндии правящие круги Великобритании уже во время московских переговоров размышляли над тем, как следует действовать в случае военной агрессии против Финляндии со стороны СССР. Подобный конфликт поставит Великобританию и Францию в очень неудобное положение, так как на момент начала Второй мировой войны эти страны действовали с позиции морального превосходства, выступая за законность и порядок в Европе. Если же союзники выступили на стороне Польши против агрессивного вторжения в неё Германии, то в таком случае они не имели права оставить Финляндию без поддержки в случае такого же вторжения со стороны СССР [14, р. 272]. Непосредственное участие в войне на стороне Финляндии приводило к ситуации одновременной войны Франции и Великобритании против Германии и СССР.

Британские начальники штабов в октябре 1939 г. считали, что вторжение Советского Союза в Финляндию не навредит британским интересам и не повлияет на войну с Гитлером. Более того, начальники штабов считали Скандинавский регион отдалённым и малодоступным для союзников, поэтому, по их мнению, британская помощь Финляндии и Швеции в случае вторжения исключалась. При этом утверждалось, что Финляндия станет лишь первым шагом на пути советского завоевания Скандинавии [14, р. 271], и в случае советского вторжения в Норвегию

британские интересы будут поставлены под угрозу [7, p. 78]. В ноябре 1939 г. кабинет министров Великобритании обратился к начальникам штабов с просьбой дать рекомендации по поводу того, как воздействовать на Сталина в случае советской агрессии. Спустя месяц, уже во время советско-финской войны, начальники штабов Великобритании пришли к выводу, что лучшим решением будет устроить бомбардировку советских нефтяных центров на Кавказе [14, p. 272–273].

Другой взгляд на вероятное советское вторжение в Финляндию имел Северный отдел МИДа во главе с Лоуренсом Кольером. Дипломат считал, что советское вторжение в Финляндию затронет британские интересы в регионе и окажет влияние на текущую войну с Германией. Л. Кольер выступал за оказание Финляндии материальной военной поддержки. В пользу этой поддержки он приводил тот факт, что Советский Союз, воюя с Финляндией, будет тратить ресурсы, которые могли бы в противном случае оказаться в Германии. Более того, по мнению британского дипломата, Советский Союз, увязнув в войне с Финляндией, перестанет угрожать британским интересам на Ближнем Востоке и в Азии. К тому же, война с Финляндией приведёт к прекращению советско-американских отношений, а в Скандинавии советские и немецкие интересы столкнутся из-за местных ресурсов, что потенциально может привести к войне между СССР и Германией [14, p. 272]. Как уже отмечалось ранее, Л. Кольер повлиял на отправку задержанного военным министерством Великобритании снаряжения в Финляндию. Также стоит отметить, что британский дипломат выступал только за оказание материальной помощи Финляндии, однако не поддерживал создание альянса с Финляндией или непосредственное участие Великобритании в войне. Согласно представлениям Л. Кольера, финнов необходимо было снабдить достаточным количеством военного снаряжения, для того чтобы они могли самостоятельно справиться с советским вторжением и создать больше помех в отношениях между Германией и СССР [7, p. 78].

Самым радикальным было предложение британского посла в Хельсинки Томаса Сноу, которое поступило в Северный отдел британского МИДа 21 октября 1939 г. По его мнению, в случае советского вторжения в Финляндию Великобритании необходимо было действовать быстро и решительно: либо разорвать все дипломатические связи с

Москвой, либо объявить войну Советскому Союзу. Томас Сноу выступал за участие в войне на стороне Финляндии, так как он опасался советской угрозы в большей степени, чем германской. Британский дипломат, как и начальники штабов, считал, что Советский Союз вряд ли остановится на Финляндии и будет угрожать британским интересам в Скандинавии. Для более успешного ведения войны против СССР Сноу предлагал сформировать военный союз с Японией [7, р. 76–77].

В британском политическом руководстве и МИДе посчитали предложения Томаса Сноу слишком радикальными, так как в случае разрыва дипломатических отношений с Москвой Советский Союз активизирует сотрудничество с Германией. В таком случае возникала угроза прямой войны с СССР. Союз с Японией также исключался, поскольку Великобритания уже оказывала поддержку Китаю в войне с Японией. Тем не менее, вопрос, поднятый Сноу, касательно британских интересов в Скандинавии был принят во внимание, и комитету британских начальников штабов было поручено подготовить анализ преимуществ и недостатков в случае, если Великобритания будет вовлечена в войну с СССР в Северной Европе [7, р. 77]. Четыре дня спустя, 1 ноября 1939 г., комитет начальников штабов представил свою оценку участию Великобритании в войне против СССР. Комитет не рекомендовал объявлять войну СССР, поскольку Великобритания и Франция были не в состоянии ввязываться в ещё одну войну. Если советское вторжение в Норвегию представляло угрозу британским интересам, то вторжение в Финляндию, с военной точки зрения, не угрожало союзникам в лице Великобритании и Франции. Если Великобритания втянется в войну на севере Европы, то эта ситуация не принесёт стратегического преимущества союзникам [7, р. 78].

Таким образом, в британском руководстве существовало три точки зрения по вопросу поддержки Финляндии в случае советского вторжения:

1. Военное руководство Великобритании настаивало на ведении непосредственной войны против Германии. В поддержке Финляндии нельзя было задействовать военные силы в виде экспедиционного корпуса или материальные ресурсы, так как они были в первую очередь необходимы британской армии на поле боя. Сдача Финляндии не являлась катастрофическим исходом для союзников, однако влекла за собой угрозу

распространения советской агрессии в Скандинавии. Военное руководство Великобритании стремилось не разрывать отношения с Советским Союзом. Среди военных была уверенность, что альянс между СССР и Германией был временным и довольно хрупким, поэтому нужно сделать всё, чтобы сохранить нормальные связи с Москвой, даже ценой потери Финляндией независимости и усиления советского влияния в Европе [14, p. 271–272].

2. Северный отдел британского МИДа выступал за материальную поддержку Финляндии, аргументируя свою позицию тем, что Советский Союз будет тратить часть своих сил и ресурсов на севере Европы, которые могли бы быть направлены в Германию. Война в данном регионе могла спровоцировать конфликт между Берлином и Москвой. Данная точка зрения также принимала во внимание участие Германии в войне против Великобритании и не предполагала полного разрыва отношений с Советским Союзом. Можно также отметить, что глава Северного отдела МИДа Л. Кольер в какой-то степени даже надеялся на возникновение советско-финляндского конфликта [7, p. 75] и во время переговоров осенью 1939 г. в Москве связывал вероятность конфликта с тем, что финны не пойдут на уступки [7, p. 74]. В свою очередь, глава британского МИДа лорд Э. Галифакс, несмотря на то что он был не против отправки военного снаряжения в Финляндию (отправку задержало, в первую очередь, военное министерство), тем не менее полагал, что Советский Союз не будет заходить так далеко (т.е. идти на конфликт с Финляндией) во имя достижения своих внешнеполитических целей [7, p. 75].

3. Британский посол в Хельсинки Томас Сноу, позиция которого представляла собой «голос» политической администрации Финляндии в британском МИДе [7, p. 77], считал, что Советский Союз в целом представляет собой бóльшую угрозу, чем нацистская Германия, поэтому он выдвинул наиболее радикальное предложение. Великобритании необходимо было объявить войну Советскому Союзу. Таким образом, предложение Томаса Сноу можно рассматривать как вариант, в большей степени отвечавший интересам руководства Финляндии, чем британского руководства, так как прямая война с СССР не принесла бы стратегических или каких-либо иных преимуществ Великобритании.

Чувство обманчивой безопасности быстро рассеялось у руководства Финляндии 26 ноября 1939 г., когда неподалёку от деревни Майнила на советско-финской границе произошёл инцидент с обстрелом советской территории. В тот же день В.М. Молотов передал финскому посланнику ноту советского правительства, в которой финская сторона обвинялась в обстреле советской территории, и финнам предлагалось отвести свои войска на расстояние 20–25 км от границы. Финны, в свою очередь, предложили провести совместное расследование инцидента в ответной ноте от 27 ноября 1939 г. [23].

По мнению британского посла в Москве Уильяма Сидса, инцидент был сфабрикован советской стороной, чтобы создать предлог для вторжения в Финляндию. За советской нотой от 26 ноября об отводе финских войск последовали денонсация пакта о ненападении 28 ноября и дальнейший разрыв дипломатических отношений 29 ноября 1939 г. [22]. Северный отдел британского МИДа также считал, что инцидент был сфабрикован советской стороной. Майнильский инцидент, по мнению дипломатов Северного отдела, означал неизбежное советское вторжение в Финляндию. Советский посол в Лондоне Иван Михайлович Майский, отчитываясь перед главой британского МИД лордом Галифаксом, отрицал «сфабрикованность» данного инцидента и настаивал на официальной советской версии, что именно финны открыли огонь со своей стороны границы с целью провокации [7, р. 81]. Тем не менее, 30 ноября 1939 г. вооружённые СССР начали пересекать советско-финляндскую границу, что явилось началом Зимней войны.

Заключение

Подводя итоги британской внешней политики в Европе, необходимо отметить, что британской дипломатии не удалось выполнить все поставленные перед собой задачи. Великобритании и Франции не удалось согласовать с Советским Союзом формирование системы коллективной безопасности. Британские дипломаты не сумели содействовать преодолению недоверия малых европейских стран к СССР. В данном случае показателен пример Финляндии, которая строго придерживалась своей политики нейтралитета, и отказывалась от какого-либо сотрудничества с СССР. Британскому МИДу так и не удалось убедить политическое

руководство Финляндии пойти на сотрудничество с Москвой. Данное обстоятельство существенно обостряло отношения Лондона и Москвы.

При этом британским дипломатам всё-таки удалось выполнить одну из важнейших внешнеполитических задач, а именно не позволить Финляндии попасть в немецкую сферу влияния. К началу Зимней войны западные демократии в лице Великобритании и Франции, действительно, были единственными крупными державами, с которыми у Финляндии были налажены дружеские отношения, и к которым можно было обратиться за помощью.

Однако зададимся вопросом, какая помощь могла быть оказана Финляндии? Великобритания, которая в материальном отношении была слабо подготовлена к войне, сама остро нуждалась в военном снаряжении. Данная ситуация во многом объясняла довольно сдержанную материальную помощь Финляндии со стороны Великобритании и задержку поставок уже закупленного Финляндией перед Зимней войной снаряжения.

Дальнейшее сотрудничество между Финляндией и Великобританией в значительной степени осложнялось, так как внешнеполитические события стали развиваться по худшему сценарию – СССР и Германия заключили пакт о ненападении, и при агрессивных действиях Москвы существовала реальная возможность одновременной войны Великобритании с Германией и Советским Союзом. Таким образом, Финляндия подвергалась экзистенциальной угрозе со стороны Москвы при полном равнодушии со стороны Германии.

На основе анализа финского направления внешней политики Великобритании мы можем сделать вывод, что британское политическое и военное руководство не было полностью единым по многим вопросам, что зачастую замедляло принятие важных решений и обуславливало нерешительный характер британской внешней политики в отношении Финляндии.

В результате исследования были выявлены экономические показатели, отражающие уровень торговых отношений между Финляндией и Великобританией в предвоенный период, а также внешнеполитические факторы, оказавшие влияние на британскую политику в отношении Финляндии. В исследовании были изложены планы британского

руководства относительно поддержки Финляндии, которые составлялись в том числе с учётом угрозы прямого столкновения Великобритании с СССР. Также были рассмотрены предложения членов британского МИДа, которые могут характеризовать настроения британской дипломатической элиты по отношению к СССР на раннем этапе Второй мировой войны. К таковым, в частности, следует отнести предложение Т. Сноу по организации военного союза с Японией для противодействия СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Finland and the United Kingdom: [сайт]. URL: <https://finlandabroad.fi/web/gbr/finland-and-uk> (дата обращения: 24.06.2024).
2. Sundbäck, E. "A convenient buffer between Scandinavia and Russia": Great Britain, Scandinavia and the Birth of Finland after the First World War // *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*. 1994. Vol. 42. № 3. P. 355–375.
3. Treaty of Peace between Finland and Germany // *History of Finland*: [сайт]. URL: https://histdoc.net/history/153_1C.html (дата обращения: 24.06.2024).
4. Sundbäck, E. The Baltic States, Finland, and British economic expectations in the early 1920s // *Journal of Baltic Studies*. 2002. Vol. 33. № 3. P. 307–321.
5. Finland, UK and the European Union. 14.11.2017 // Bank for International Settlements (BIS): [сайт]. URL: <https://www.bis.org/review/r171114g.htm> (дата обращения: 24.06.2024).
6. Centennial Story of Finland. Part 3: Interwar Instability 1927–1937. 06.03.2017 // Finland and the United Kingdom: [сайт]. URL: https://finlandabroad.fi/web/usa/current-affairs/-/asset_publisher/h5w4iTUJhNne/content/centennial-story-of-finland-part-3-interwar-instability-1927-1937/384951 (дата обращения: 24.06.2024).
7. Gerrard, C. *The Foreign Office and Finland, 1938–1940: Diplomatic Sideshow*. London, New York: Frank Cass, 2005. 200 p.
8. Armoured vehicles. Part 4: Vickers 6 ton and T-26E tanks // Jaeger Platoon. Finnish Army 1918–1945 Website: [сайт]. URL: <https://www.jaegerplatoon.net/TANKS2.htm> (дата обращения: 24.06.2024).
9. Antiaircraft guns. Part 2: Medium Guns // Jaeger Platoon. Finnish Army 1918–1945 Website: [сайт]. URL: https://www.jaegerplatoon.net/AA_GUNS2.htm (дата обращения: 24.06.2024).
10. Antiaircraft guns. Part 3: Heavy Guns // Jaeger Platoon. Finnish Army 1918–1945 Website: [сайт]. URL: https://www.jaegerplatoon.net/AA_GUNS3.htm (дата обращения: 24.06.2024).
11. Bristol Blenheim Mk.IV (BL-200) // Finnish Air Force Museum: [сайт]. URL: <https://airforcemuseum.fi/museum%20objects/bristol-blenheim-mk-iv-bl-200/> (дата обращения: 24.06.2024).
12. Kiesiläinen, H. *Iso-Britannian parlamentin poliittinen keskustelu Suomesta ja sen osallisuudesta toiseen maailmansotaan 1937–1947: Maisterintutkielma*. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2020. 114 s.

13. Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М.: Весь Мир, 1998. 384 с.
14. Kelly, B. Drifting towards war: The British Chiefs of Staff, the USSR and the Winter War, November 1939 – March 1940 // *Contemporary British History*. 2009. Vol. 23. Iss. 3. P. 267–291.
15. Beck, P.J. The Winter War in the International Context: Britain and the League of Nations' role in the Russo-Finnish dispute, 1939–1940 // *Journal of Baltic Studies*. 1981. Vol. 12. Iss. 1. P. 58–73.
16. Ollila, M. Finland in Crisis: Finnish Relations with the Western Democracies, 1939–1941: A thesis presented to the University of Waterloo in fulfilment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History University of Waterloo, Ontario, Canada, 2012. 138 p.
17. Feiling, K. The Life of Neville Chamberlain. London: Macmillan, 1946. 475 p.
18. The Minister in Finland (Schoenfeld) to the Secretary of State. Helsinki, October 8, 1939 // *History of Finland*: [сайт]. URL: <https://histdoc.net/pdf/USFI1939-10-08.pdf> (дата обращения: 24.06.2024).
19. The State Secretary in the German Foreign Office (Weizsäcker) to the German Minister in Finland (Blücher). Berlin, October 9, 1939 // *History of Finland*: [сайт]. URL: <https://histdoc.net/pdf/NaSo1939-10-09b.pdf> (дата обращения: 24.06.2024).
20. Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 353 с.
21. The Minister in Finland (Schoenfeld) to the Secretary of State. Helsinki, October 9, 1939 // *History of Finland*: [сайт]. URL: <https://histdoc.net/pdf/USFI1939-10-09.pdf> (дата обращения: 24.06.2024).
22. Sir, W. Seeds to Viscount Halifax. Moscow, December 7, 1939 // *History of Finland*: [сайт]. URL: <https://histdoc.net/pdf/BRFO1939-12-07.pdf> (дата обращения: 24.06.2024).
23. Нота правительства СССР, врученная посланнику Финляндии по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями 26 ноября 1939 г. Ответ Советского правительства на ноту финляндского правительства 28 ноября 1939 г. // *Archive.today*: [сайт]. URL: <https://archive.is/k6Px> (дата обращения: 24.06.2024).

REFERENCES

1. Finland and the United Kingdom. Available at <https://finlandabroad.fi/web/gbr/finland-and-uk> (accessed: 24.06.2024).
2. Sundbäck E. A convenient buffer between Scandinavia and Russia?: Great Britain, Scandinavia and the Birth of Finland after the First World War. *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*. 1994. Vol. 42. № 3. P. 355–375.
3. Treaty of Peace between Finland and Germany. *History of Finland*. Available at https://histdoc.net/history/153_1C.html (accessed: 24.06.2024).
4. Sundbäck, E. The Baltic States, Finland, and British economic expectations in the early 1920s. *Journal of Baltic Studies*. 2002. Vol. 33. № 3. P. 307–321.
5. Finland, UK and the European Union. 14.11.2017. *Bank for International Settlements (BIS)*. Available at <https://www.bis.org/review/r171114g.htm> (accessed: 24.06.2024).

6. Centennial Story of Finland. Part 3: Interwar Instability 1927–1937. 06.03.2017. *Finland and the United Kingdom*. Available at https://finlandabroad.fi/web/usa/current-affairs/-/asset_publisher/h5w4iTUJhNne/content/centennial-story-of-finland-part-3-interwar-instability-1927-1937/384951 (accessed: 24.06.2024).
7. Gerrard, C. *The Foreign Office and Finland, 1938–1940: Diplomatic Sideshow*. London, New York: Frank Cass, 2005. 200 p.
8. Armoured vehicles. Part 4: Vickers 6 ton and T-26E tanks. *Jaeger Platoon. Finnish Army 1918–1945 Website*. Available at <https://www.jaegerplatoon.net/TANKS2.htm> (accessed: 24.06.2024).
9. Antiaircraft guns. Part 2: Medium Guns. *Jaeger Platoon. Finnish Army 1918–1945 Website*. Available at https://www.jaegerplatoon.net/AA_GUNS2.htm (accessed: 24.06.2024).
10. Antiaircraft guns. Part 3: Heavy Guns. *Jaeger Platoon. Finnish Army 1918–1945 Website*. Available at https://www.jaegerplatoon.net/AA_GUNS3.htm (accessed: 24.06.2024).
11. Bristol Blenheim Mk.IV (BL-200). *Finnish Air Force Museum*. Available at <https://airforcemuseum.fi/museum%20objects/bristol-blenheim-mk-iv-bl-200/> (accessed: 24.06.2024).
12. Kiesiläinen, H. Iso-Britannian parlamentin poliittinen keskustelu Suomesta ja sen osallisuudesta toiseen maailmansotaan 1937–1947 [The British Parliament's political debate about Finland and its participation in the Second World War 1937–1947]. *Maisterintutkielma*. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2020. 114 s. (In Finnish).
13. Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Yu. *Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–1995* [Political history of Finland 1809–1995]. M.: Ves Mir, 1998. 384 p. (In Russian).
14. Kelly, B. Drifting towards war: The British Chiefs of Staff, the USSR and the Winter War, November 1939 – March 1940. *Contemporary British History*. 2009. Vol. 23. Iss. 3. P. 267–291.
15. Beck, P.J. The Winter War in the International Context: Britain and the League of Nations' role in the Russo-Finnish dispute, 1939–1940. *Journal of Baltic Studies*. 1981. Vol. 12. Iss. 1. P. 58–73.
16. Ollila, M. *Finland in Crisis: Finnish Relations with the Western Democracies, 1939–1941: A thesis presented to the University of Waterloo in fulfilment of the thesis requirement for the degree of Master of Arts in History University of Waterloo*. Ontario, Canada, 2012. 138 p.
17. Feiling, K. *The Life of Neville Chamberlain*. London: Macmillan, 1946. 475 p.
18. The Minister in Finland (Schoenfeld) to the Secretary of State. Helsinki, October 8, 1939. *History of Finland*. Available at <https://histdoc.net/pdf/USFI1939-10-08.pdf> (accessed: 24.06.2024).
19. The State Secretary in the German Foreign Office (Weizsäcker) to the German Minister in Finland (Blücher). Berlin, October 9, 1939. *History of Finland*. Available at <https://histdoc.net/pdf/NaSo1939-10-09b.pdf> (accessed: 24.06.2024).
20. Baryshnikov V.N. Ot prokhladnogo mira k zimney voyne: Vostochnaya politika Finlyandii v 1930-ye gody. [From a cold peace to the Winter War: Finland's eastern policy in 1930`s] SPb.: Izd-vo SPbGU, 1997. 353 p. (In Russian).

21. The Minister in Finland (Schoenfeld) to the Secretary of State. Helsinki, October 9, 1939. *History of Finland*. Available at <https://histdoc.net/pdf/USFI1939-10-09.pdf> (accessed: 24.06.2024).

22. Sir, W. Seeds to Viscount Halifax. Moscow, December 7, 1939. *History of Finland*. Available at <https://histdoc.net/pdf/BRFO1939-12-07.pdf> (accessed: 24.06.2024).

23. Nota pravitelstva SSSR, vruchennaya poslanniku Finlyandii po povodu provokatsionnogo obstrela sovetskikh voysk finlyandskimi voinskimi chastyami 26 noyabrya 1939 g. Otvet Sovetskogo pravitelstva na notu finlyandskogo pravitelstva 28 noyabrya 1939 g. [Note from the USSR Government, presented to the Finnish envoy regarding the provocative shelling of Soviet troops by Finnish military units on November 26, 1939. Response of the Soviet Government to the note from the Finnish Government on November 28, 1939]. *Archive.today*. Available at <https://archive.is/k6Px> (accessed: 24.06.2024) (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Шамилов Александр Самирович – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: shamilov.as@edu.spbstu.ru

Колесников Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: kolesn_de@spbstu.ru; ORCID: 0009-0008-4582-6179

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Shamilov Aleksandr S. – student of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: shamilov.as@edu.spbstu.ru

Kolesnikov Dmitry E. – candidate of Historical Sciences, associate professor, the Higher school of international relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: kolesn_de@spbstu.ru; ORCID: 0009-0008-4582-6179

Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024.
Одобрена после рецензирования 30.10.2024.
Принята 08.11.2024.

Received 27.09.2024.
Approved after reviewing 30.10.2024.
Accepted 08.11.2024.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья
УДК: 329
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.5

Влияние решений министров партии «Зелёные» в правительстве Германии на имидж партии

Ручкин Никита Дмитриевич ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ nick.koulu@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6680-7802>

Богданова Надежда Викторовна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
nvbogdanova@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8604-7306>

***Аннотация.** Германия является демократической страной, в которой очень велико влияние партий на принимаемые в правительстве решения. Этим обуславливается актуальность исследования влияния действий политиков из партии «Зелёных», которые занимают ключевые посты в современном правительстве Германии и являются третьей по величине партией в парламенте. Целью исследования является выявление причин роста и дальнейшего падения популярности «Зелёных» в Федеральной Республике Германия после выборов в Бундестаг в 2021 году. В статье рассматриваются политические тенденции, способствовавшие росту популярности, а также проводится анализ работы «Зелёных» политиков в современном правительстве Германии. Партия «Союз 90/Зелёные» долгое время была немногочисленной, по сравнению с «народными партиями» ФРГ – блоком ХДС/ХСС и СДПГ, но в последнее время мы наблюдали стабильный рост популярности «Зелёных» на федеральном и региональном уровнях. Основываясь на материалах, посвящённых политической жизни современной Германии, а также статистических данных авторы приходят к выводу, что партия «Зелёных» в современной ФРГ на протяжении начала работы двадцатого Бундестага являлась растущей политической силой, а ее политики обладали популярностью среди избирателей. Тем не менее, узкая направленность партии и турбулентная политическая обстановка в последнее время мешают партии адаптироваться к современным условиям общественной жизни. Результаты последних выборов в восточных землях Германии подтверждают данную тенденцию. В статье анализируется история роста популярности и актуальное*

положение партии «Союз 90/Зелёные» в современной Германии и непосредственная роль лидеров партии в формировании ее успеха. Авторы делают прогноз дальнейшего развития партийно-политических процессов в Германии.

Ключевые слова: Союз 90; «Зелёные»; политические партии; Федеративная Республика Германия; партийная система; выборы

Для цитирования: Ручкин Н.Д., Богданова Н.В. Влияние решений министров партии «Зелёные» в правительстве Германии на имидж партии // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 89–103. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.5.

© Ручкин Н.Д., Богданова Н.В., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 329

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.4.5

The Impact of the Green Ministers' Decisions in the German Government on the Party's Image

Nikita D. Ruchkin ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ nick.koulu@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6680-7802>

Nadezhda V. Bogdanova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

nvbogdanova@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8604-7306>

Abstract. *Germany is a democratic country in which the influence of parties on the decisions made in the government is very high. This determines the relevance of the study of the influence of the actions of politicians from the Green Party. Its members occupy key positions in the modern German government and the Greens is the third largest party in the parliament. The aim of the study is to identify the reasons for the rise and further decline in the popularity of the Greens in the Federal Republic of Germany after the Bundestag elections in 2021. The article examines the political trends that contributed to the rise in popularity and analyzes the performance of Green politicians in the current German government. The Union 90/Green party has long been a small party compared to the German “people's parties” – the CDU/CSU Union and the SPD. But recently we have seen a steady increase in the popularity of the Greens at the federal and regional levels. Based on the materials devoted to the political life of modern Germany, as well as statistical data, the authors conclude that the Green Party in modern Germany during the beginning of the twentieth Bundestag was a growing political force, and its politicians had popularity among voters. Nevertheless, the party's narrow focus and the current turbulent political environment have prevented the party from adapting to the modern conditions of public life. The results of recent elections in the eastern German states confirm this trend. The article analyzes the history of popularity growth and the current position of the Union 90/Green Party in modern Germany and the direct role of the party leaders in shaping its success. The authors make a forecast of further development of party-political processes in Germany.*

Keywords: Alliance 90; The Greens; political parties; Federal Republic of Germany; party system; elections

For citation: Ruchkin, N.D., Bogdanova, N.V. The Impact of the Green Ministers' Decisions in the German Government on the Party's Image. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 4. P. 89–103. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.5.

© Ruchkin, N.D., Bogdanova, N.V., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Введение

Политическая жизнь в современной Германии претерпевает серьезные изменения. Популярные ранее партии Христианско-демократический союз (далее – ХДС) и Социал-демократическая партия Германии (далее – СДПГ) теряют свои позиции, и на смену им приходят другие, менее популярные ранее партии. Теперь не только крупные политики из «народных партий» будут решать судьбу внутренней и внешней политики Германии. Эта смена политических тенденций заметна на примерах выборов в бундестаг в 2021 г., а также на выборах в ландтаги в федеральных землях с 2020 по 2022 гг. (Саар, Шлезвиг-Гольштейн, Северный Рейн-Вестфалия, Нижняя Саксония и повторные выборы в Берлине). В частности, в бундестаге, сформированном в 2021 г., «Зелёные» заняли третье место и вошли в правительственную коалицию. Члены партии «Зелёных» получили места федеральных министров и приступили к работе на своих постах. Для современных исследователей важен вопрос, останутся ли «Зелёные» в бундестаге на следующих выборах и продолжится ли рост их популярности. Политическая система Германии является важным объектом для изучения. Она представляет интерес не только с политической, но и с социальной, экономической и внешнеполитической точек зрения. Существующая обстановка обуславливает выход на политическую арену партии «Союз 90/Зелёные», которая в том числе определяет и будет определять различные направления как внутренней, так и внешней политики ФРГ. Таким образом, изучение вопроса популярности партии «Зелёные» может помочь в анализе нынешних и прогнозе будущих действий Германии. Важно отметить, что актуальность данной темы не была бы столь высока, если бы

партия «Зелёные» не приобрела огромной популярности в Германии за последние несколько лет. Сейчас ее члены занимают места в федеральном правительстве, партия представлена в большей части земельных парламентов и имеет немалое влияние на принятие решений как на региональном и федеральном, так и на международном уровнях. Таким образом, все вышесказанное определяет актуальность исследуемой темы.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой данного исследования послужили статьи Н.А. Власова [1], Б.В. Петелина [2], В.В. Пушкаревой [3], П.М. Рукавицына [4], также аналитические статьи Российского совета по международным делам за авторством А.П. Соколова [5], Т.Д. Ватулина [6] и В.Б. Белова [7; 8]. В ходе написания данной работы были проанализированы статистические материалы с сайта немецкой исследовательской компании «Statista», новостные материалы из сети Интернет. В исследовании был использован социологический метод в контексте использования социологических опросов для определения уровня популярности политиков; метод анализа материалов средств массовой информации в сети Интернет. Для определения изменений в политических тенденциях для партии использовался сравнительный анализ данных: статистических, официальных результатов выборов и т.д. Авторами работы делается вывод о дальнейших перспективах для политической партии «Зеленых» на фоне результативности и общественной оценке деятельности нынешних «Зелёных» министров в правительстве Германии.

Результаты исследования и их обсуждение

Несомненно, самым важным испытанием для партии «Зелёных» за последние годы стали выборы в Бундестаг в 2021 г. Внимание всех политических исследователей было обращено к данному событию – впервые за последние 20 лет на пост канцлера «вакансия» была открыта. Ангела Меркель, член одной из «народных партий» – ХДС, не стала участвовать в новых выборах, что вызвало особый интерес со стороны изучающих политику Германии ученых. Преемником Меркель был назначен премьер-министр Северного Рейн-Вестфалии Армин Лашет. Кандидатом от второй «народной партии» – Социал-демократической партии Германии (СДПГ) стал Олаф Шольц, вице-канцлер ФРГ и министр

финансов. Для «Зелёных» эти выборы стали серьезной возможностью получить большое количество мест в Бундестаге, что означало бы большее политическое влияние. ХДС был ослаблен уходом А. Меркель, а Армин Лашет стал резко терять популярность у избирателей (июль 2021 г. – 29%, август 2021 г. – 17%, сентябрь 2021 г. – 22%) [9]. На выборах ХДС потерпел исторический крах за последние 20 лет, потеряв около 9% мест в парламенте [10]. Тем временем СДПГ получили на 5,2% больше мест в парламенте [10]. «Зелёные» же являются лидерами по приросту депутатских портфелей – 5,8% [10], что оказалось огромной политической победой для «Зеленых», т.к. они, как третья по количеству мест в Бундестаге партия, должны были обязательно войти в правительственную коалицию.

ХДС после выборов в 2021 г. впервые за 20 лет уходит в оппозицию, а СДПГ начинает формирование правительственной коалиции, необходимой для принятия любых внутренних и внешних решений. Поэтому О. Шольцу приходится искать компромиссы с партией «Зелёных» и Свободной демократической партией Германии (далее – СвДП) [5]. Таким образом, формируется «светофорная коалиция» («Ampel-Koalition», по цветам партий: СДПГ – красный, СвДП – желтый и «Зелёные» – зелёный, соответственно), где второй по значимости политической силой является партия «Зелёные» [2]. После создания «светофорной коалиции» члены партии «Зелёные» получили ключевые места в федеральном правительстве. Бывший сопредседатель «Зелёных» Роберт Хабек занял место министра экономики и защиты климата, а также вице-канцлера; Джем Оздемир стал министром продовольствия и сельского хозяйства; Штеффи Лемке – министром окружающей среды, охраны природы, ядерной безопасности и защиты прав потребителей. Сферы данных министерств напрямую связаны с интересами партии, поэтому можно утверждать, что желаемые посты «Зелёные» получили. На пост министра защиты семьи, детей, пожилых и женщин изначально была назначена Анна Шпигель, член партии «Зелёных». Но она пробыла на своем посту чуть больше четырёх месяцев, после чего ушла в отставку в связи с политическим давлением, вызванным тем, что во время наводнений в федеральной земле Рейнланд-Пфальц, А. Шпигель находилась во Франции, хотя по её заявлению она присутствовала на заседаниях

правительства. А. Шпигель на посту сменил другой зелёный министр – Лиза Паус [11]. Еще один немаловажный пост заняла также бывший сопредседатель партии «Зелёные» и кандидат на пост канцлера в 2021 г. – Анналена Бербок.

Важной частью политической жизни являются и региональные правительства – парламенты на уровне федеральных земель Германии. Они, в соответствии с Основным законом ФРГ и конституциями земель, обладают самостоятельностью в пределах федеральной земли в вопросах экономики, социальных, правовых и законодательных аспектах. Соответственно, представительство «Зелёных» в парламентах земель напрямую влияет на решения, принимаемые ландтагами и правительствами земель. То есть политика ФРГ определяется не только бундестагом, но и бундесратом. «Зелёные», входящие в состав 12 из 16 правительственных коалиций [12], несомненно, оказывают влияние на принятие решений на федеральном уровне и через бундесрат.

Очевидно, что «Зелёные», как серьезная политическая сила, влияют на различные решения, принимаемые региональными и федеральным правительствами. Так, например, в период пребывания «Зелёных» в оппозиции в бундестаге (2005–2021 гг.), они смогли инициировать рассмотрение решения о повышении минимального размера оплаты труда в 2013 г., которое было принято федеральным правительством в 2015 г. [13]. В 2011 г. после катастрофы на атомной электростанции в Фукусиме, «Зелёные» ещё сильнее стали «проталкивать» идеи закрытия атомных станций. К апрелю 2023 г. все атомные реакторы ФРГ были навсегда закрыты [14]. В том числе благодаря «Зелёным» стали возможны изменения в миграционное законодательство в 2016 г. [1, с. 2]. Так, у мигрантов появилась возможность свободно посещать языковые и адаптационные курсы, а также им был облегчен доступ к рынку труда [1, с. 2]. Можно отметить, что, пребывая в оппозиции, «Зелёные» во всех решениях пытались придерживаться своих изначальных принципов – экологичность, демократичность, общественность, пацифизм (*Ökologisch, Basisdemokratisch, Sozial, Gewaltfrei*). Но все изменилось с того момента, как «Зелёные» вошли в федеральную правительственную коалицию, заняв ключевые для них министерские места.

Министр экономики и защиты климата, бывший сопредседатель партии «Зелёных» Роберт Хабек в начале своего срока был одним из самых популярных политиков [9]. Р. Хабек критиковал правительство А. Меркель, утверждая, что политика при ней стала сухой, а политический язык наполнился клише и банальностью [15]. Сопредседатель партии «Зелёных» многим кажется харизматичным человеком, но не харизматичным политиком. Премьер-министр Шлезвиг-Гольштейна Ральф Штегнер, работавший вместе с Р. Хабеком, описывает его как идеального политического оратора, но, с другой стороны, говорит, что он больше актёр, чем политик, т.к. слишком много в нем «актерства» [15]. Как только Р. Хабек вступил в должность министра экономики и защиты климата, перед ним встало огромное количество проблем. Одной из самых серьёзных проблем, которую новому министру пришлось решать, стала зависимость Германии от поставок российского газа. На момент формирования нового правительства в 2021 г., около 50% газа в Германию поступало из РФ [16], а у кабинета А. Меркель не было планов на случай, если Россия вдруг «перекроет кран». Поэтому Р. Хабеку пришлось срочно искать выход из данной ситуации. И выход нашёлся, правда, ради этого Р. Хабеку пришлось пожертвовать своими «зелёными» убеждениями. Срочно заключаются договоры о поставках сжиженного газа из США [15], что ударило по имиджу «Зелёных» дважды. Ведь заключение таких договоров, во-первых, предполагало развитие газовой инфраструктуры, во-вторых – «соучастие» Германии, как страны-потребителя, в добыче этого газа. Роберт Хабек предпринимает попытку договориться о поставках газа из Катара, несмотря на факт того, что Катар многим «Зелёным» кажется далеко не самым лучшим партнером, из-за своей политической ситуации [17]. Олаф Бандт, глава одной из самых больших экологических организаций Германии, сказал, что данные действия министра являются «ножом в спину» всему тому [15], чего они вместе с «Зелёными» добивались долгое время. Конкретно «Зелёные осуждали добычу газа в США, а также развитие газовой инфраструктуры, то есть строительство хранилищ, труб и т.д. [15]. После того, как в июне 2022 г. Россия сократила поставки газа на 60%, Р. Хабеку пришлось идти на крайние меры, такие как открытие угольной отрасли и выработка электроэнергии на её основе. Очевидно, что для преданных «Зелёным» идеям избирателей,

эти шаги показались предательством и сильно пошатнули рейтинг министра экономики и защиты климата среди членов партии «Зелёных». Несмотря на это, «не зелёные» оценили гибкость нового министра и его умение прагматично мыслить [15]. Рэйнер Даглер, глава германской ассоциации рабочих, сказал: «Это именно та ситуация, в которой зелёный министр должен отложить в сторону свои главные убеждения, чтобы исправить ситуацию, и это то, что он делает» [15]. С одной стороны, Р. Хабек теряет популярность среди «Зелёных», а с другой – укрепляет свою позицию за счет широких слоев населения Германии [15].

Вторым зелёным министром в правительстве Германии стала бывшая сопредседатель партии «Зелёных» Анналена Бербок. На выборах в Бундестаг именно она была кандидатом на пост канцлера от партии «Зелёных» – но из-за скандала с плагиатом [18], а также ещё не совсем окрепших позиций «Зелёных» – она заняла третье место. Тем не менее, как раз третье место на выборах канцлера, а также 118 из 736 мест в Бундестаге, занятых «Зелеными», позволили А. Бербок занять высокий пост министра иностранных дел. Она стала первой женщиной на данном посту, и вторым зелёным министром иностранных дел – первым был Йозеф Мартин Фишер (1998–2005). Внешняя политика Германии переняла политические взгляды самой Анналены Бербок. Они вместе с Р. Хабеком занимают твёрдую антироссийскую позицию [19]. Она критикует правительство А. Меркель, поставившее Германию в зависимое от России положение, выступает против совместной работы с «Газпромом», соответственно, и против проектов «Северных потоков», поддерживает антироссийские санкции Европейского союза. Но вместе с тем, её ориентиром служит многополярный мир, поэтому в ее выступлениях также звучат призывы дистанцироваться от США и проводить свою независимую политику [19]. Такими «центристскими» позициями и лозунгами, А. Бербок, как и любой центрист, обрела как союзников, так и противников. Но как раз эти самые союзники и позволили «зеленым» получить количество голосов, достаточное для формирования правительственной коалиции. А. Бербок среди всех членов нового федерального правительства долгое время являлась самым популярным политиком, опережая канцлера Олафа Шольца [9].

Анализируя результаты последних выборов в Ландтаги, а также социологические опросы оценки деятельности партии, можно проследить изменяющиеся тенденции в популярности партии «Зеленых». Рассмотрим результаты «Зеленых» на выборах в земельные парламенты с 2021 по 2024 гг. (Рис. 1).

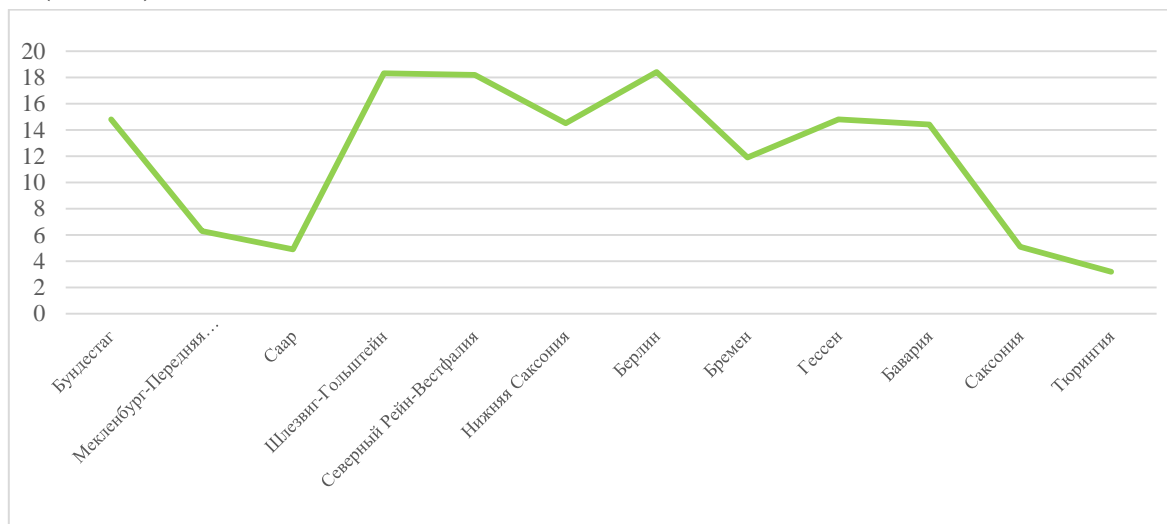

Рис. 1. Результаты партии "Союз 90/Зеленые" на выборах в земельные парламенты (по: [20]).

Мы можем видеть резкий рост популярности партии «Зеленых» на выборах в 2021–2022 г. Впоследствии происходит т.н. «турбулентный» период, который присущ также и «народным» партиям Германии на время 2022–2023 г. [4]. Но если у ХДС/ХСС после такого периода наблюдается стабильный рост, то для «Зеленых», как и для их партнеров по правительственной коалиции [21], окончание этого периода ознаменовало начало спада их популярности. Во многом это связано с неэффективными решениями коалиционного правительства. Неумение «Зелёных» поставить фактические цели правительства вперед своих целей защиты окружающей среды [21]. В самом правительстве не раз возникали споры по поводу принимаемых решений, которые не устраивали «Зелёную» часть коалиции, которая часто задерживала принятие решений. Перейдем к оценке деятельности партии «Зеленых» на современном этапе согласно данным социологического опроса.

Тренд на падение популярности партии «Зеленых» подтверждается данными графика (Рис. 2). С течением времени популярность данной партии падает вместе с популярностью некоторых политиков партии

«Зеленых» [15]. Тема экологии и защиты окружающей среды отошла на второй план для немецких избирателей. Если политикам данной партии получится вернуть внимание общественности к проблемам охраны природы, то они смогут вернуть и свою популярность.

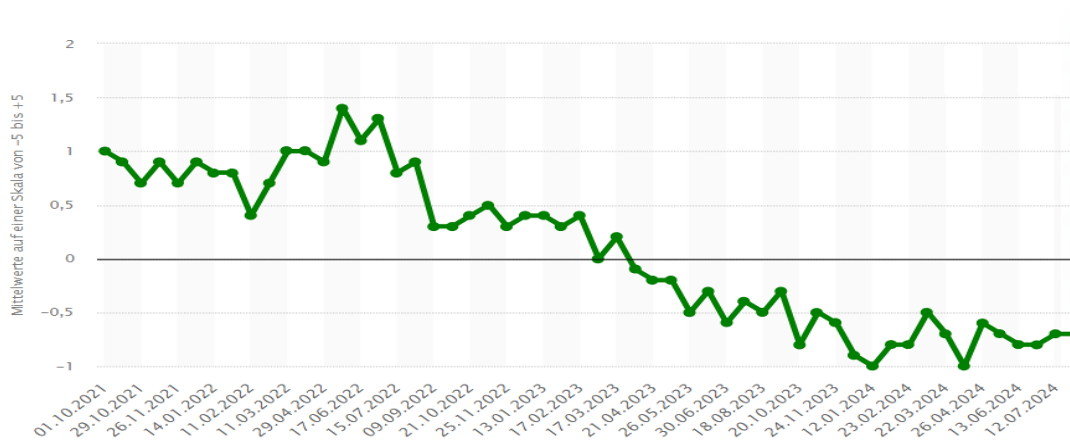

Рис. 2. Оценка деятельности партии «Зеленых» (по: [22]).

Заключение

«Народные партии» в ФРГ теряют свою популярность, все больше и больше сливаясь в своей идеологии друг с другом [17]. «Левые» уходят с политической арены даже на территориях бывшей ГДР, а отколовшийся от них Союз Сары Вагенкнехт (ССВ) пока считается новой и достаточно слабой политической силой. Праворадикальные популисты из Альтернативы для Германии (АдГ) в большинстве своем потеряли свои темы для спекуляций: коронавирус и вакцинация больше не интересуют избирателей [7]. Хотя, в восточных землях они популярны в связи с исторической предрасположенностью к популистским настроениям. Единственная партия, тема которой остается популярной до сих пор – «Зелёные». Экологические проблемы остаются актуальными во многих развитых странах – поэтому партия «Зелёных» предлагает востребованные избирателями принципы [2]. Можно утверждать, что на данном этапе политической жизни ФРГ харизматичные «Зелёные» политики имеют все меньше шансов на продолжение и развитие своей политической карьеры после окончания работы двадцатого Бундестага, т.к. не могут предложить чего-то нового.

Вследствие упомянутых нами «промахов» политиков партии «Зелёных», руководство партии прекрасно осознало ошибки своего курса.

В сентябре 2024 г. многие руководители «Зеленых» на разных уровнях подали в отставку [23]. Это подтверждает тенденцию падения доверия и интереса к партии «Зеленых», в первую очередь из-за неэффективных и неактуальных решений нынешних членов правительственной коалиции – зеленых политиков Анналены Бербок и Роберта Хабекка. Руководству партии, как и ее принципам, необходимо обновление. В противном случае АдГ или ССВ займут «освободившиеся» места «Зеленых», т.к. данные партии смогли адаптироваться и апеллировать к желаниям избирателей. Если экологическая партия сможет преодолеть внутренние противоречия и дать людям «современную» программу, то «Зелёные» снова смогут войти в правительственную коалицию в 2025 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власов Н.А. «Зелёные» в ФРГ: новая «народная партия»? // Современная Европа. 2019. № 2 (87). С. 118–128.
2. Петелин Б.В., Степанов Г.В. «Зеленая повестка» для Германии: выборы в Бундестаг 2021 г. // Таврические чтения 2021 Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. Сборник научных статей. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 09–10 декабря 2021 года / Под редакцией А.Б. Николаева. Часть 2. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2022. С. 236–242.
3. Пушкарева В.В. Новая роль зеленых в политической жизни Германии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. Вып. 1. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-rol-zelenyh-v-politicheskoj-zhizni-germanii> (дата обращения: 06.02.2024).
4. Рукавицын П.М. Кризис народных партий ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 4 (837). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-narodnyh-partiy-frg> (дата обращения: 06.02.2024).
5. Соколов А. «Зелёная» волна берлинского «светофора». 23.05.2022 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelyenaya-volna-berlinskogo-svetofora/> (дата обращения: 03.02.2024).
6. Ватулин Т. «Зеленые» в Германии. 05.08.2022 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/t-vatulin/zelyenye-v-germanii/> (дата обращения: 03.02.2024).
7. Белов В.Б. Актуальные партийно-политические тенденции в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 4. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-partiyno-politicheskie-tendentsii-v-germanii> (дата обращения: 06.02.2024).
8. Белов В. Quo vadis внешняя политика Германии при новом трехпартийном правительстве? 01.12.2021 // Российский совет по международным делам (РСМД):

[сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vneshnyaya-politika-germanii-pri-novom-trekhpartiynom-pravitelstve/?sphrase_id=87394243
(дата обращения: 15.02.2024)

9. Which of the following would you prefer to be the Federal Chancellor of Germany? (June to September 2021) // Statista (global data and business intelligence platform): [сайт]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1257185/germany-preferred-chancellor/>
(дата обращения: 05.02.2024).

10. Analyse der Bundestagswahl 2021: [сайт]. URL: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/zahlen-und-fakten/bundestagswahlen/340863/waehlerstimmen/> (дата обращения: 05.02.2024).

11. Ministerin Spiegel entschuldigt sich für Urlaub nach Flutkatastrophe – tritt aber nicht zurück. 10.04.2022 // Handelsblatt: [сайт]. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/gruenen-politikerin-ministerin-spiegel-entschuldigt-sich-fuer-urlaub-nach-flutkatastrophe-tritt-aber-nicht-zurueck/28242864.html>
(дата обращения: 17.02.2024).

12. The Greens in government: [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20210828164345/https://eu.boell.org/sites/default/files/greens_in_government.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

13. Mindestlohn von 8,50 Euro ab 2015 beschlossen // Deutscher Bundestag: [сайт]. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2014/kw27_de_tarifautonomie-286268
(дата обращения: 21.02.2024).

14. PRIS – Nuclear Reactor Usage in Germany through 2024s // International Atomic Energy Agency (IAEA): [сайт]. URL: <https://pris.iaea.org/pris/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=DE> (дата обращения: 21.02.2024).

15. Robert Habeck was Germany's Most Popular Politician. Then he Took Office. 12.01.2023 // The Financial Times: [сайт]. URL: <https://www.ft.com/content/2f481fec-c694-4d9c-aba8-989e9f3c50c7> (дата обращения: 04.03.2024).

16. Aktuelle Lage der Gasversorgung in Deutschland // Bundesnetzagentur: [сайт]. URL: https://www.bundesnetzagentur.de/DE/Gasversorgung/aktuelle_gasversorgung/start.html
(дата обращения: 09.03.2024).

17. WM in Katar – wo bleiben die Menschenrechte? 19.02.2022 // Boris Mijatovic. Bundestagsabgeordneter für Kassel [сайт]. URL: <https://www.boris-mijatovic.de/2022/10/19/wm-in-katar-wo-bleiben-die-menschenrechte-fachgesprach-am-8-november-in-berlin/> (дата обращения: 09.03.2024).

18. Moody, O. Calls for German Greens leader Annalena Baerbock to Quit over Plagiarism Claims // The Times: [сайт]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/calls-for-german-greens-leader-annalena-baerbock-to-quit-over-plagiarism-claims-gwg6bddj3>
(дата обращения: 18.02.2024).

19. Foreign Minister Annalena Baerbock in an Interview with the DPA. 30.12.2021 // Federal Foreign Office: [сайт]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/-/2504416> (дата обращения: 05.02.2024).

20. Stimmenanteile der Grünen bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern bis September 2024 // Statista (global data and business intelligence platform): [сайт]. URL:

<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/249922/umfrage/ergebnisse-der-gruenen-bei-den-landtagswahlen/> (дата обращения: 10.09.2024).

21. Ручкин Н.Д., Вовенда А.В. «Зеленые» в современном правительстве Германии. Противоречия и перспективы «светофорной» коалиции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 6 (52). С. 726–734.

22. Umfrage zur Bewertung der Parteien in Deutschland in den Jahren von 1999 bis 2024 // Statista (global data and business intelligence platform): [сайт]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1064615/umfrage/umfrage-zur-bewertung-der-parteien-in-deutschland/> (дата обращения: 10.09.2024).

23. Все руководство партии «Зеленых» в Германии ушло в отставку. 25.09.2024 // Daily Moscow: [сайт]. URL: <https://dailymoscow.ru/news/vse-rukovodstvo-partii-zelenyh-v-germanii-ushlo-v-otstavku> (дата обращения: 30.09.2024).

REFERENCES

1. Vlasov N.A. «Zelyonye» v FRG: novaya «narodnaya partiya»? [The Greens in Germany: new “people’s party”?]. *Sovremennaya Evropa*. 2019. № 2(87). p. 118–128. (In Russian).

2. Petelin B.V. «Zelenaya povestka» dlya Germanii: vybory v Bundestag 2021 [“Green agenda” for Germany: Bundestag election in 2021]. *Tavricheskie chteniya 2021 Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Sbornik nauchnih statey. V 2-h chastyah, Sankt-Peterburg, 09–10 dekabrya 2021 goda / Pod redakciej A.B. Nikolaeva. Chast' 2. Sankt-Peterburg: Centr nauchno-informacionnih tehnologij «"Asterion"» 2022. P. 236–242. (In Russian).*

3. Pushkareva V.V. Novaya rol' zelenyh v politicheskoy zhizni Germanii [New Role of the Greens in Germanys Political Life]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. Т. 4. №1. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-rol-zelenyh-v-politicheskoy-zhizni-germanii> (accessed: 06.02.2024). (In Russian).

4. Rukavicyn P.M. Krizis narodnyh partij FRG [German “People’s Parties” Crisis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*. 2019. № 4 (837). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-narodnyh-partij-frg> (accessed: 06.02.2024). (In Russian).

5. Sokolov A. «Zelyonaya» volna berlinskogo «svetofora» [Green Wave of German Traffic Light]. 23.05.2022. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*. Available at <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelyenaya-volna-berlinskogo-svetofora/> (accessed: 03.02.2024). (In Russian).

6. Vatulin T. «Zelenye» v Germanii [The Greens in Germany]. 05.08.2022 *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*. Available at <https://russiancouncil.ru/blogs/tvatulin/zelyenye-v-germanii/> (accessed: 03.02.2024). (In Russian).

7. Belov V.B. Aktual'nye partijno-politicheskie tendencii v Germanii [Current Party-Political Tendencies in Germany]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. 2019. № 4. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-partijno-politicheskie-tendentsii-v-germanii> (accessed: 06.02.2024). (In Russian).

8. Belov V. Quo vadis vneshnyaya politika Germanii pri novom trekhpartijnom pravitel'stve? [Quo Vadis Germanys Foreign Policy at New Three-Party Government]. 01.12.2021. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*. Available at

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vneshnyaya-politika-germanii-pri-novom-trekhpartynom-pravitelstve/?sphrase_id=87394243 (accessed: 15.02.2024). (In Russian).

9. Which of the following would you prefer to be the Federal Chancellor of Germany? (June to September 2021). *Statista (Global Data and Business Intelligence Platform)*. Available at <https://www.statista.com/statistics/1257185/germany-preferred-chancellor/> (accessed: 05.02.2024).

10. Analyse der Bundestagswahl 2021 [Analysis of Bundestag Election 2021]. *Friedrich-Ebert-Stiftung e.V.* Available at <https://www.fes.de/bundestagswahl> (accessed: 05.02.2024). (In German).

11. Ministerin Spiegel entschuldigt sich für Urlaub nach Flutkatastrophe – tritt aber nicht zurück. [Minister Spiegel is Sorry for Her Vacation During Flood Catastrophe – but She is not Resigning]. 10.04.2022. *Handelsblatt*. Available at <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/gruenen-politikerin-ministerin-spiegel-entschuldigt-sich-fuer-urlaub-nach-flutkatastrophe-tritt-aber-nicht-zurueck/28242864.html> (accessed: 17.02.2024). (In German).

12. The Greens in government. Available at https://web.archive.org/web/20210828164345/https://eu.boell.org/sites/default/files/greens_in_government.pdf (accessed: 01.03.2024).

13. Mindestlohn von 8,50 Euro ab 2015 beschlossen [Minimal Wage Amount at 8.50 Euro is Adopted]. *Deutscher Bundestag*. Available at https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2014/kw27_de_tarifautonomie-286268 (accessed: 21.02.2024). (In German).

14. PRIS – Nuclear Reactor Usage in Germany through 2024s. *International Atomic Energy Agency (IAEA)*. Available at <https://pris.iaea.org/pris/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=DE> (accessed: 21.02.2024).

15. Robert Habeck was Germany's Most Popular Politician. Then he Took Office. 12.01.2023. *The Financial Times*. Available at <https://www.ft.com/content/2f481fec-c694-4d9c-a6a8-989e9f3c50c7> (accessed: 04.03.2024).

16. Aktuelle Lage der Gasversorgung in Deutschland [Current gas Consumption in Germany]. *Bundesnetzagentur*. Available at https://www.bundesnetzagentur.de/DE/Gasversorgung/aktuelle_gasversorgung/start.html (accessed: 09.03.2024). (In German).

17. WM in Katar – wo bleiben die Menschenrechte? [WC in Qatar – what about human rights?]. *Boris Mijatovic. Bundestagsabgeordneter für Kassel*. Available at <https://www.boris-mijatovic.de/2022/10/19/wm-in-katar-wo-bleiben-die-menschenrechte-fachgesprach-am-8-november-in-berlin/> (accessed: 09.03.2024). (In German).

18. Moody, O. Calls for German Greens Leader Annalena Baerbock to Quit Over Plagiarism Claims. *The Times*. Available at <https://www.thetimes.co.uk/article/calls-for-german-greens-leader-annalena-baerbock-to-quit-over-plagiarism-claims-gwg6bddj3> (accessed: 18.02.2024).

19. Foreign Minister Annalena Baerbock in an Interview with the DPA. 30.12.2021. *Federal Foreign Office*. Available at <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/-/2504416> (accessed: 05.02.2024).

20. Stimmenanteile der Grünen bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern bis September 2024 [Share of Votes for the Greens in the Last State Elections in the Federal States up to September 2024]. *Statista (global data and business intelligence platform)*. Available at <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/249922/umfrage/ergebnisse-der-gruenen-bei-den-landtagswahlen/> (accessed: 10.09.2024). (In German).
21. Ruchkin N.D., Vovenda A.V. «Zelenye» v sovremennom pravitel'stve Germanii. Protivorechiya i perspektivy «svetofornoj» koalicii [The Greens in Modern German Government. Contradictions and Prospects of the “Traffic Light” Coalition]. *Evrazijskij Soyuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij*. 2023. T. 12. № 6 (52). P. 726–734. (In Russian).
22. Umfrage zur Bewertung der Parteien in Deutschland in den Jahren von 1999 bis 2024 [Survey on the Evaluation of the Parties in Germany from 1999 to 2024]. *Statista (global data and business intelligence platform)*. Available at <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1064615/umfrage/umfrage-zur-bewertung-der-parteien-in-deutschland/> (accessed: 10.09.2024). (In German).
23. Vse rukovodstvo partii «Zelenyh» v Germanii ushlo v otstavku [Leaders of the Greens Resign]. 25.09.2024. *Daily Moscow*. Available at <https://dailymoscow.ru/news/vse-rukovodstvo-partii-zelenyh-v-germanii-ushlo-v-otstavku> (accessed: 30.09.2024). (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Ручкин Никита Дмитриевич – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: nick.koulu@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6680-7802

Богданова Надежда Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8604-7306

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ruchkin Nikita D. – Student of the Higher School of the International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: nick.koulu@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6680-7802

Bogdanova Nadezhda V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8604-7306

Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024.
Одобрена после рецензирования 31.10.2024.
Принята 05.11.2024.

Received 04.09.2024.
Approved after reviewing 31.10.2024.
Accepted 05.11.2024.

научная статья
УДК: 323 (510)
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.6

Стратегия развития компании Huawei в период 2019–2022 гг.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ bahtur_zz@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7280-6466>

Гузей Яна Сергеевна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
guzej_yas@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1700-6217>

Касаткин Алексей Олегович
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
Alexkass2000@mail.ru

***Аннотация.** В современных экономических условиях встает остро вопрос конкуренции мировых компаний на глобальном уровне. Поэтому весьма важным представляется разработка инновационной стратегии развития, которая, как в случае с компанией Huawei, может не только решить проблемы выживания, но и вывести организацию на новый уровень. Huawei является ведущим в мире поставщиком для базовых станций телекоммуникаций. Являясь частным предприятием Китая, компания имеет большие возможности для успешного развития, которые построены на совокупности подходов и концепций. Обладая уникальными стратегическими ресурсами, опираясь на высоко конкурентные отрасли промышленности, компания разрабатывает «интернационализацию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ» для продвижения технологических инноваций и развития. Инновационная стратегия является главным элементом развития Huawei. Ежегодно компания выделяет большие средства на разработку новых инноваций. Такая политика определяет Huawei, как одну из самых высокотехнологичных и инновационных телекоммуникационных конгломератов в мире. Инновационная стратегия Huawei, раскрывает особенности развития компании, на основе технологий 5G, а также показывает позитивные результаты развития компании в сфере инноваций за период 2019–2021 гг., определив планы на последующие годы в этом сегменте. Huawei – активный участник инновационного предпринимательства как внутри Китая, так за пределами страны. Анализ функционирования и отчетной документации Huawei позволил обозначить основные особенности экономической стратегии Huawei в период 2019–2022 гг. Было выявлено, что деятельность компании – яркий пример эффективности инновационной политики развития, что может быть важным для других участников рынка информационно-коммуникационных технологий.*

Ключевые слова: Китай; транснациональная технологическая компания; глобализация; конкуренция предприятий; инновационная стратегия; интернационализация

Для цитирования: Бахтуридзе З.З., Гузей Я.С., Касаткин А.О. Стратегия развития компании Huawei в период 2019–2022 гг. // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 104–121. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.6.

© Бахтуридзе З.З., Гузей Я.С., Касаткин А.О., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 323 (510)

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.6

Huawei's Development Strategy for 2019–2022

Zeynab Z. Bakhturidze ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ bahtur_zz@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7280-6466>

Yana S. Guzey

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

guzej_yas@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1700-6217>

Alexey O. Kasatkin

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Alexkass2000@mail.ru

Abstract. *In the current economic environment, the issue of competition between global companies at the global level is acute. Therefore, it is very important to develop an innovative development strategy, which, as in the case of Huawei, can not only solve the problems of survival, but also take the organization to a new level. Huawei is the world's leading supplier of telecommunication base stations. As a private enterprise in China, the company has great opportunities for successful development, which are built on a set of approaches and concepts. With unique strategic resources, relying on highly competitive industries, the company is developing "internationalization of research and development" to promote technological innovation and development. Innovation strategy is the main element of Huawei's development. Every year, the company allocates large funds to the development of new innovations. This policy defines Huawei as one of the most high-tech and innovative telecommunications conglomerates in the world. Huawei's innovation strategy reveals the features of the company's development based on 5G technologies, and also shows the positive results of the company's development in the field of innovation for the period 2019–2021, defining plans for the coming years in this segment. Huawei is an active participant in innovative entrepreneurship both within China and abroad. An analysis of Huawei's operations and reporting documentation allowed us to identify the main features of Huawei's economic strategy for the period 2019–2022. It was revealed that the company's activities are a striking example of the effectiveness of innovative development policy, which may be important for other participants in the information and communication technology market.*

Keywords: China; transnational technology company; globalization; competition of enterprises; innovation strategy; internationalization

For citation: Bakhturidze, Z.Z., Guzey, Y.S., Kasatkin, A.O. Huawei's Development Strategy for 2019–2022. *Russia in the Global World*. 2024. Т. 27. Iss. 4. P. 104–121. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.6.

© Bakhturidze, Z.Z., Guzey, Y.S., Kasatkin, A.O., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Введение

Huawei technologies co. ltd (華為技術有限公司) – китайская транснациональная технологическая компания. Основанная в 1987 г., компания начинала как небольшой поставщик РВХ телефонии в городе Шэньчжэнь с уставным капиталом в 21 000 юаней [1]. Инновационные разработки компании ориентированы на потребности клиентов и развития партнерских связей. Сегодня Huawei превратилась в глобальный технологический центр с присутствием в более чем 170 странах и занятостью более 195 000 человек по всему миру [2]. Huawei – частная организация, находящаяся в полной собственности своих сотрудников, число которых составляет 96768 акционеров. Huawei Technologies Co. Ltd принадлежит 100% акций Huawei Investment & Holding Trade Union Committee. Выручка от продаж своей продукции Huawei technologies co. ltd в 2020 г. составило 891,4 млрд юаней (136,7 млрд долл. США), чистая прибыль компании превысила 64,6 млрд юаней (9,9 млрд долл. США), что на 3,2% выше предыдущего года [3]. Основное направление деятельности Huawei ориентировано на три сектора: мобильная связь, телекоммуникационные услуги и базовые сети.

Компания Huawei внедрила ряд экономических подходов для стимулирования своего роста и развития, среди которых в качестве основных следует выделить: инновационную стратегию, стратегию расширения рынка, лидерство в затратах, стратегическое партнёрство, диверсификацию продуктов и построение имиджа бренда. Эта экономическая политика развития позволила Huawei добиться значительного успеха и сохранить свои позиции лидера в технологической

отрасли. Результатом этой деятельности стало рекордное количество наград, которые были получены от ведущих мировых технологических ассоциаций [4].

Подобные успехи, конечно, не могли остаться незамеченными и не только в сфере бизнеса, но и в сфере научных исследований. Вопросы функционирования Huawei стали объектом интереса и изучения ряда экспертов. В работах И.П. Артамошкина [5] и N. Grigan [3] рассматриваются общие вопросы деятельности данной организации. В совместных работах российских и китайских ученых посвященных Huawei анализируются вопросы технологической инновации [6], маркетинговой стратегии [5]. В статьях китайских авторов Фу Кайин [7], Лю Нин [8], Чжан Шэндэ [9], Цуй Циюань [10], Цзэн Чжаочжи [11], Ли Вэньминь [12], Ван И [13], Вэйвэй Хуан [14] исследуются стратегия, конкурентоспособность, цифровой маркетинг компании.

Цель данной работы – характеристика экономической стратегии развития компании Huawei в период 2019–2022 гг. Достижению поставленной цели способствовали анализ отчетных документов Huawei, изучение статистических данных и ретроспективный анализ деятельности данной организации.

Материалы и результаты исследования

Ретроспективный обзор инновационной деятельности 2019–2022 гг.

Инновационная стратегия Huawei сосредоточена на исследованиях в области информационно-коммуникационных технологий и разработках интеллектуальных устройств и инфраструктуры в этой сфере.

Инвестиции компании в исследования и разработки на протяжении многих лет постоянно увеличивались, значительная часть бюджета шла на разработку передовых технологий и продуктов. В 2019 г. Huawei выделила 15,3% от общего дохода компании на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), это более 130 миллиардов юаней. К тому же 49% сотрудников Huawei в 2019 году активно работали в сфере исследований и инноваций [15, p. 65].

В том же 2019 г. компания Huawei начала переход от модели «Инновации 1.0» к модели «Инновации 2.0». Первая модель основывалась на удовлетворении потребительских потребностей, в то время как вторая основывается на исследованиях новых базовых технологий и предполагает совместные работы с ведущими университетами мира, а также инвестиции в лабораторные исследования [15, p. 60].

В 2020 г. бюджет Huawei на исследования и разработки увеличился на 7,8% и достиг 141 миллиарда юаней, что составило 15,9% от общей выручки компании [16, p. 63]. Компания всего за год перешла к модели «Инновации 2.0». Теоретические прорывы были совершены в сфере беспроводных сетей, сетей операторов связи и корпоративных сетей, а также видеокодеков. В отчёте за 2020 г. отмечается, что прорыв был совершен в сфере оптических сетей, мультимедиа, программного обеспечения, проектирования [16, p. 60–62]. Компания Huawei начала работать над фундаментальными технологиями, что позволит ей в дальнейшем создать новые устройства, программы и продукты.

Вложения в исследования и инновации продолжились в 2021 г. и составили 1 миллиард юаней. Процент от общего дохода увеличился на 6,5% и составил 22,4%. Согласно отчёту компании по количеству патентов, выданных в 2021 г., она заняла 1-е место в Национальном управлении интеллектуальной собственности Китая, Европейском патентном ведомстве и 5-е место в Ведомстве по патентам и товарным знакам США [17, p. 72].

Инвестиции Huawei способствовали в разработке новых технологий: 5G и IoT. По итогам компания в 2019 г. получила 16 000 патентов на 5G, и заняла лидирующее положение в этой области. У всех технологических компаний США вместе взятых было на 5% патентов меньше [18]. На 2020 г. Huawei подписала более 1000 контрактов по проектам 5G [17, p. 25]. Huawei совместно с China Mobile установили вышку 5G на высоте 6500 метров на горе Эверест [19]. Huawei активно работает над разработкой передовых технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. В 2021 г. Huawei разработала и запустила проект искусственного интеллекта с обучением с использованием 200 миллиардов параметров и разработала сумматорную нейросеть [17, p. 70].

Сотрудничество, инвестиции и открытые инновации

Одним из ключевых аспектов инновационной стратегии Huawei является ее ориентация на сотрудничество. Компания установила партнерские отношения с университетами, научно-исследовательскими институтами и другими технологическими компаниями для обмена знаниями, ресурсами и сотрудничества в области новых технологий. У Huawei партнерские отношения с более чем 30 университетами по всему миру для разработки передовых технологий. Huawei сотрудничает с такими крупными университетами, как Университет Цинхуа [20], Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина [21] и Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого [22], а также с компаниями и организациями, такими как ЮНЕСКО [23] и Ростелеком [24]. Huawei создала исследовательские центры во Франции [25] и Финляндии [26]. В частности, сотрудничество Huawei с Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого продолжается не один год и охватывает разные направления: от студенческих образовательных мероприятий до совместных исследований в передовых научных областях. Регулярные переговоры между специалистами Huawei и учеными Политеха нашли свое воплощение в целом ряде научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по заказу компании [27].

Важным аспектом инновационной стратегии Huawei является ее ориентация на открытые инновации. Компания признает важность сотрудничества и технологий с открытым исходным кодом для стимулирования инноваций и разработала несколько инициатив по продвижению открытых инноваций. Например, Huawei учредила программу OpenLab, которая направлена на развитие сотрудничества и инноваций с партнерами и заказчиками в технологической отрасли [17, p. 83]. Компания также создала Huawei Open Source Release Center, который предоставляет программное обеспечение и технологии с открытым исходным кодом разработчикам и технологическим компаниям по всему миру [28].

Инновационная стратегия Huawei также сосредоточена на улучшении существующих продуктов и услуг. Ассортимент ее продукции

охватывает широкий спектр областей: смартфоны, ноутбуки, носимые устройства и устройства для умного дома. Huawei смогла повысить производительность и надежность своих смартфонов за счет использования передовых компонентов и материалов, а также за счет внедрения инновационных производственных процессов. В 2020 г. Huawei P40 Pro был удостоен звания «Лучший камерофон» по версии международной некоммерческой ассоциации TIPA (Technical Image Press Association) и получил престижную награду TIPA World Awards 2020 [29].

По мнению Т.В. Кокуйцевой, взаимосвязь между инновациями и инвестициями является неотъемлемой частью успеха организаций, что отлично проиллюстрировано на примере Huawei. При оценке инновационных проектов на предмет возможного финансирования для дальнейшей реализации особенно важным является принятие грамотных и эффективных решений, именно они имеют решающее значение для достижения прибыли. Эта прибыль может быть направлена на различные инвестиционные задачи организации, оказывая определенное влияние на дальнейшее развитие инновационного потенциала [30].

По сути, формула долгосрочного успеха Huawei – это интеграция инновационных и инвестиционных стратегий. Выделяя финансы на научные исследования и разработки, компания смогла создавать передовые технологические решения, которые вывели ее на передовые позиции в индустрии высоких технологий. В свою очередь инвестиции Huawei в технологию 5G позиционируют ее как лидера в разработке и внедрении этой технологии. Стоит подчеркнуть важность сбалансированной инвестиционной политики, которая согласуется со стратегией инновационного развития организации, и подчеркивает необходимость инвестирования в научные продукты и исследования для обеспечения долгосрочного успеха в конкурентоспособной технологической отрасли.

*Расширение рынка, диверсификация продукции
и работа над имиджем бренда*

Основной целью стратегии расширения рынка Huawei является увеличение своей доли на мировом рынке и доходов за счет расширения

бизнеса на новые рынки. Huawei добилась успеха в достижении этой цели, применяя различные методы, такие как выход на новые рынки, расширение ассортимента своей продукции и установление стратегических партнерских отношений. Компания стремится стать мировым лидером в технологической отрасли, используя свои технологические возможности и инновационные продукты.

Huawei использует различные методы для расширения своего бизнеса на новые рынки. Одним из ключевых методов является выход на новые рынки посредством прямых инвестиций и открытий. В 2021 г. Huawei вышла на бразильский рынок с помощью 5G, облачных вычислений и искусственного интеллекта. Компания помогла Исследовательскому фонду штата Гояс в разработке прецизионного земледелия, умных ирригационных систем, систем мониторинга почвы, дронов, умных теплиц и так далее [31]. В апреле 2019 г. компания расширила свое присутствие на малазийском рынке с помощью открытия собственного учебного центра [32].

В 2022 г. проходила выставка «Mobile World Congress 2022», на которой были представлены флагманские устройства, первый принтер компании, стратегия GUIDE и решение 5G New Calling [33]. В 2019 г. Huawei подписала меморандум о взаимопонимании с крупнейшим российским оператором мобильной связи МТС по развитию технологии 5G в России [34]. Партнерство помогло Huawei расширить свой бизнес на российском рынке и укрепить свое глобальное присутствие.

Маркетинг и брендинг являются важнейшими компонентами стратегии расширения рынка Huawei. Компания использует различные маркетинговые каналы: социальные сети, поисковые системы и рекламу, для привлечения потенциальных клиентов. В июне 2019 г. Huawei заняла 47 строчку в рейтинге BrandZ «Топ-100 самых дорогих брендов мира» [35].

Выходя на новый рынок, компания начинает сотрудничать с местными операторами мобильной связи и использует это для продвижения своих продуктов и услуг. Например, Huawei заключила партнерство с MTN, ведущим оператором мобильной связи в Африке, для запуска своих последних моделей смартфонов на африканском рынке [36].

Представляется вполне закономерным, что от финансирования научных изысканий и разработок в достаточно значительной степени зависит стратегия расширения рынка компании Huawei. Так, компания создала центры исследований и разработок в различных странах, таких как Великобритания, Канада и Россия, для привлечения местных талантов и разработки продуктов, удовлетворяющих потребностям местных клиентов.

Локализация продуктов и услуг является еще одним важным аспектом стратегии расширения рынка Huawei. Компания адаптирует свои продукты и услуги к конкретным потребностям и предпочтениям клиентов на различных рынках. Huawei предлагает смартфоны с поддержкой двух SIM карт на индийском рынке, где многие клиенты пользуются этой функцией [37]. Компания разработала недорогой смартфон под названием Y series, чтобы удовлетворить потребности клиентов на развивающихся рынках, таких как Африка и Латинская Америка. Цена серии Y ниже, чем у флагманских моделей смартфонов Huawei, что делает ее более доступной для клиентов на этих рынках [38].

В работе Чунби Пэн «Стратегия интернационализации и способы продажи продуктов собственного бренда Huawei на мировом рынке», подчеркивается успешная интернационализация Huawei, что связано с эффективной стратегией продвижения бренда компании, точному позиционированию на рынке и агрессивной маркетинговой и рекламной тактике. Автор утверждает, что стратегии низкой стоимости и дифференциации продукции Huawei позволили компании выделиться на высоко конкурентном мировом рынке и утвердиться в качестве ведущего игрока в технологической индустрии [39].

Стратегия интернационализации Huawei была сосредоточена на создании сильного имиджа бренда и продвижении своей продукции с помощью стратегических партнерств, агрессивных рекламных кампаний и эффективной сегментации рынка. Точно позиционируя свою продукцию согласно конкретным актуальным потребностям рынка, Huawei эффективно продемонстрировала свое отличие от конкурентов, что поспособствовало привлечению клиентов. Наряду с маркетинговой стратегией важную роль в повышении узнаваемости бренда и стимулировании продаж также сыграла и достаточно агрессивная рекламная стратегия. В свою очередь бюджетная

политика Huawei позволила предложить высококачественную продукцию по доступным ценам, что еще больше стимулирует ее рост и экспансию на новые рынки.

Хорошо спланированная стратегия интернационализации и эффективный брендинг для обеспечения успеха глобальных организаций оказались очень важными элементами для Huawei. Ориентация Huawei на дифференциацию продукции, стратегии низких затрат и агрессивную маркетинговую тактику позволила компании зарекомендовать себя в качестве лидера в технологической отрасли и дает ценную информацию об эффективных мировых практиках ведения бизнеса.

Стратегия расширения рынка Huawei помогла компании установить прочное присутствие на развивающихся рынках, как Африка и Латинская Америка. По данным Counterpoint Research, в 2020 г. Huawei была одним из ведущих брендов смартфонов в регионе Ближнего Востока и Африки (MEA) с долей рынка 12% [40]. Компания также расширяет свой бизнес в Латинской Америке, где установила партнерские отношения с несколькими операторами мобильной связи для разработки технологии 5G [41].

Заключение

Инновационная стратегия Huawei, сосредоточенная на исследованиях, разработках и сотрудничестве, стала ключевым фактором роста и успеха компании. Приверженность компании инновациям отражается в ее значительных инвестициях в научные изыскания и разработки, партнерских отношениях с университетами и другими технологическими компаниями, а также в инициативах, способствующих открытым инновациям. Ориентация Huawei на инновации позволила компании утвердиться в качестве ведущего игрока в технологической отрасли, и ожидается, что эта ориентация будет способствовать росту и успеху компании в ближайшие годы.

В результате стратегия расширения рынка Huawei оказалась успешной в достижении поставленных целей по увеличению своей доли на мировом рынке и доходов. Компания использует различные методы, такие как выход на новые рынки, расширение своего продуктового портфеля, формирование стратегических партнерских отношений, маркетинг и

брендинг, инвестиции в исследования и разработки, а также локализацию продуктов и услуг для расширения своего бизнеса на новые территории. Компания добилась успеха в расширении своего бизнеса на новые рынки, приняв эти стратегии и используя свои технологические возможности и инновационные продукты. Стратегия расширения рынка Huawei помогла установить прочное присутствие на развивающихся рынках, таких как Африка и Латинская Америка. Эффективность стратегии расширения рынка Huawei очевидна по финансовым показателям компании и увеличению ее доли на рынке. Деятельность кампании Huawei – яркий пример эффективности инновационной стратегии развития, и это важно учитывать и другим участникам рынка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. History of Huawei // Huawei Technologies Co: [сайт]. URL: <https://www.huawei.com/minisite/whoishuawei/journey.html> (дата обращения: 05.09.2024).
2. About Huawei. Our Vision and Mission // Huawei Technologies Co: [сайт]. URL: <https://www.huawei.com/en/corporate-information> (дата обращения: 05.02.2024).
3. Grigan, N. Strategic Analysis of Huawei in Russia: SWOT and PEST Analysis // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 66. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategic-analysis-of-huawei-in-russia-swot-and-pest-analysis> (дата обращения: 16.09.2024).
4. Артамошкин И.П. Стратегическое позиционирование компании Huawei Technologies Co. Ltd на международном рынке // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79–3. С. 9–12.
5. Масюк Н.Н., Чжэн Фусюэ. Технологические инновации в бизнес-модели компании Huawei // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 260–264.
6. Маркова В.Д., Цинлин Мэн, Гэ Чжао. Маркетинговые стратегии производителей на рынке смартфонов // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 4. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-strategii-proizvoditeley-na-rynke-smartfonov> (дата обращения: 27.09.2024).
7. Фу Кайин. Исследование стратегии цифрового маркетинга компании Huawei // Экономическая наука и практика: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, июль 2020 г.). Краснодар: Новация, 2020. С. 16–20. [эл. доступ]. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/376/15779/> (дата обращения: 08.10.2024).
8. Лю Нин. SWOT-анализ международного маркетинга компании Huawei // Colloquium-journal. 2020. № 4 (56). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/swot-analiz-mezhhdunarodnogo-marketinga-kompanii-huawei> (дата обращения: 19.09.2024).
9. Чжан Шэндэ. Анализ корпоративной стратегии Huawei // Экономика и социум. 2022. № 5 (96)–1. С. 789–794.

10. Цуй Циюань. Анализ корпоративной стратегии Huawei // Экономика и социум. 2023. № 4 (107)–1. С. 1022–1025.
11. Цзэн Чжаочжи 曾昭志. Хуавэй гунсы дэ хэсинь цзинчжэн ли фэньси 华为公司的核心竞争力分析 [Анализ конкурентоспособности Huawei] // Цзинци юй гуаньли 经济与管理 [Экономика и менеджмент]. 2009. Т. 23. Вып. 7. С. 73–78.
12. Ли Вэньмин 李文明. Цие чжаньлюэ пинцзя дэ цзунхэ яньцзю 企业战略评价的综合研究 [Комплексное исследование корпоративной стратегической оценки предприятия] // Циндао кэцзи дасюэ сюэбао (шэ кэ бань) 青岛科技大学学报 (社科版) [Журнал Циндаоского университета науки и технологий (Издание «Социальные науки»)]. 2011. Т. 27. Вып. 3. С. 62–66.
13. Ван И 王毅. Хуавэй гунсы хайвай еу точжань чжаньлюэ дэ фэнсянь фэньси 华为公司海外业务拓展战略的风险分析 [Анализ рисков стратегии развития бизнеса Huawei за рубежом] // Гуандун тунсинь цзишу 广东通信技术 [Коммуникационные технологии Гуандуна]. 2006. Т. 26. Вып. 6. С. 10–13.
14. Weiwei Huang. Huawei's Competition Strategy: A Financial Perspective // Built on Value. The Huawei Philosophy of Finance Management. 2019. P. 31–82. [эл. доступ]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-13-7507-1_2 (дата обращения: 08.10.2024).
15. Huawei Annual Report. 2019 Annual Report // Huawei Investment & Holding Co.: [сайт]. URL: https://www-file.huawei.com/-/media/corporate/pdf/annual-report/annual_report_2019_en.pdf (дата обращения: 19.09.2024).
16. Huawei Annual Report. 2020 Annual Report // Huawei Investment & Holding Co.: [сайт]. URL: https://www-file.huawei.com/-/media/corp2020/annual-report/2020-pdf/annual_report_2020_en.pdf?la=en (дата обращения: 19.09.2024).
17. Huawei Annual Report. 2021 Annual Report // Huawei Investment & Holding Co.: [сайт]. URL: https://www-file.huawei.com/minisite/media/annual_report/annual_report_2021_en.pdf?version=0401 (дата обращения: 19.09.2024).
18. Huawei's 5G Patents Surpass that of All Us Companies Put Together 26.05.2019 // GizChina. Chinese Gadget Reviews: [сайт]. URL: <https://www.gizchina.com/2019/05/26/huaweis-5g-patents-surpass-that-of-all-us-companies-put-together/?ysclid=m2gi4dvvj906532298> (дата обращения: 06.10.2024).
19. Компания Huawei и China Mobile развернули «самую высокую» сеть 5G. 05.05.2020 // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: https://www.huawei.com/uz/news/uz/2020/huawei_on_everest (дата обращения: 07.10.2024).
20. Huawei, Tsinghua University sign deal to collaborate on smart cars 01.12.2021 // chEVPost.com: [сайт]. URL: <https://cnevpost.com/2021/12/01/huawei-tsinghua-university-sign-deal-to-collaborate-on-smart-cars/> (дата обращения: 07.10.2024).
21. Huawei и УрФУ подписали соглашение о сотрудничестве. 19.05.2021 // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4817335?ysclid=m2gi9f1dww128849656> (дата обращения: 07.10.2024).
22. В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого пройдет Региональный фестиваль Huawei Honor Cup 2020. 06.10.2020 // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: <https://www.huawei.ru/news/v-sankt-peterburgskom-politekhnicheskom->

universitete-petra-velikogo-proydyet-regionalnyy-festival-hu/?ysclid=m2gif0lfhu742414278 (дата обращения: 07.10.2024).

23. Партнёры Huawei // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: <https://www.huawei.ru/tech4all/partners/> (дата обращения: 07.10.2024).

24. ПАО «Ростелеком» и Huawei подписали в университете телекоммуникаций соглашение о сотрудничестве. 21.10.2021 // СПбГУТ: [сайт]. URL: <https://www.sut.ru/bonchnews/industry/21-10-2021-laboratoriya-mniic-na-baze-spbgut:-dostignuti-novie-soglasheniya-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 07.10.2024).

25. Huawei открывает свой шестой научно-исследовательский институт, специализирующийся на математике и вычислениях, во Франции. 11.10.2020 // DNS клуб: [сайт]. URL: <https://club.dns-shop.ru/digest/37489-huawei-otkryivaet-svoi-shestoi-nauchno-issledovatel'skii-institut/> (дата обращения: 07.10.2024).

26. Компания Huawei открывает лабораторию по цифровым финансам и безопасности. 28.09.2021 // Интернет-портал «Рамблер»: [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/gadgets/47288358-kompaniyahuawei-otkryvaet-laboratoriyu-po-tsifrovym-finansam-i-bezopasnosti/> (дата обращения: 07.10.2024).

27. В Международном кампусе Политеха прошел региональный фестиваль Huawei Honor Cup 2020. 13.10.2020 // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ): [сайт]. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/regional-festival-huawei-honor-cup-2020-polytech-international-campus/?ysclid=m2gieyl8cp791718843 (дата обращения: 08.10.2024).

28. Huawei Open Source Release Center: [сайт]. URL: <https://consumer.huawei.com/en/opensource/> (дата обращения: 08.10.2024).

29. Huawei P40 Series bags TIPA World Awards for Best Camera Smartphone. 16.04.2020 // Gizmochina: [сайт]. URL: <https://www.gizmochina.com/2020/04/16/huawei-p40-series-bags-tipa-world-awards-for-best-camera-smartphone/?ysclid=m2gityjk8n825278797> (дата обращения: 08.10.2024).

30. Кокуйцева Т.В. Инвестиционная политика в стратегии инновационного развития высокотехнологичной организации: пути обеспечения сбалансированности // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 2. С. 309–326.

31. «Умные» фермерские хозяйства на базе технологий 5G в Бразилии. 05.01.2021 // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: <https://www.huawei.com/uz/news/uz/2021/5g-smart-farming> (дата обращения: 09.10.2024).

32. YB Dr Ong Kian Ming Deputy Minister of International Trade and Industry visits Huawei Malaysia Global Training Centre. 15.04.2019 // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: <https://www.huawei.com/my/news/my/2019/deputy-minister-of-international-trade-industry-visits-huawei-malaysia-global-training-centre> (дата обращения: 09.10.2024).

33. Huawei представила инновационные инструменты для расширения возможностей разработчиков и совершенствования пользовательского опыта на выставке MWC 2022. 28.02.2022 // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: <https://www.huawei.ru/news/huawei-predstavila-innovatsionnye-instrumenty-dlya-rasshireniya-vozmozhnostey-razrabotchikov-i-sovershenstvovaniya-pользовательского-опыта-na-vystavke-mwc-2022> (дата обращения: 09.10.2024).

34. МТС и Huawei подписали соглашение о развитии 5G в России. 05.06.2019 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6512073?ysclid=m2giy2lkrm687361332> (дата обращения: 08.10.2024).
35. О компании Huawei // consumer.huawei.com: [сайт]. URL: <https://consumer.huawei.com/ru/about-us/> (дата обращения: 08.10.2024).
36. Huawei and MTN Sign a Joint Business Innovation MoU. 01.03.2019 // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: <https://www.huawei.com/en/news/2019/2/huawei-mtn-joint-business-innovation-mou> (дата обращения: 15.10.2024).
37. Huawei P30 Lite vs Honor 20 Lite comparison // GADGETS NOW by The Times of India: [сайт]. URL: <https://gadgetsnow.indiatimes.com/compare-mobile-phones/honor-20i-vs-huawei-p30-lite> (дата обращения: 11.10.2024).
38. Смартфоны Huawei серии Y: практичные помощники по демократичной цене. 29.05.2020 // 4PDA: Всё о мобильных устройствах и технологиях: [сайт]. URL: <https://4pda.to/2020/05/29/371851/> (дата обращения: 11.10.2024).
39. Пэн Чунби. Стратегия интернационализации и пути реализации продукции собственного бренда Huawei на мировом рынке // Экономика и социум. 2020. № 6 (73)–2. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-internatsionalizatsii-i-puti-realizatsii-produktsii-sobstvennogo-brenda-huawei-na-mirovom-rynke?ysclid=m2gj4xwdl0990569765> (дата обращения: 11.10.2024).
40. INFOGRAPHIC: CY 2020 | Mobile Market Monitor. 31.03.2021 // Counterpoint Research: [сайт]. URL: <https://www.counterpointresearch.com/insights/infographic-cy-2020/> (дата обращения: 11.10.2024).
41. TIM Brasil and Huawei Sign MoU to Transform Curitiba into the Country's First '5G City'. 04.03.2022 // Huawei Technologies Co.: [сайт]. URL: <https://www.huawei.com/en/news/2022/3/mou-tim-5g-city-2022> (дата обращения: 11.10.2024).

REFERENCES

1. History of Huawei. *Huawei Technologies Co.* Available at <https://www.huawei.com/minisite/whoishuawei/journey.html> (accessed: 05.09.2024).
2. About Huawei. Our Vision and Mission. *Huawei Technologies Co.* Available at <https://www.huawei.com/en/corporate-information> (accessed: 05.02.2024).
3. Grigan, N. Strategic Analysis of Huawei in Russia: SWOT and PEST Analysis. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. № 66. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/strategic-analysis-of-huawei-in-russia-swot-and-pest-analysis> (accessed: 16.09.2024).
4. Artamoshkin I.P. Strategicheskoye pozitsionirovaniye kompanii Huawei Technologies Co. Ltd na mezhdunarodnom rynke. [Strategic Positioning of Huawei Technologies Co. Ltd in the International Market]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2021. № 79–3. P. 9–12. (In Russian).
5. Masyuk N.N., Chzhen Fusyue. Tekhnologicheskkiye innovatsii v biznes-modeli kompanii Huawei. [Technological Innovation in Huawei's Business Model]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*. 2020. T. 9. № 3 (32). P. 260–264. (In Russian).

6. Markova V.D., Tsinlin Men, Ge Chzhao Marketingovyye strategii proizvoditeley na rynke smartfonov. [Marketing Strategies of Manufacturers in the Smartphone Market]. *Mir ekonomiki I upravleniya*. 2017. T. 17. № 4. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovyye-strategii-proizvoditeley-na-rynke-smartfonov> (accessed: 27.09.2024). (In Russian).
7. Fu Kayin. Issledovaniye strategii tsifrovogo marketinga kompanii Huawei [Research on Huawei's Digital Marketing Strategy]. *Ekonomicheskaya nauka i praktika: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Krasnodar, iyul 2020 g.)*. Krasnodar: Novatsiya, 2020. P. 16–20. Available at <https://moluch.ru/conf/econ/archive/376/15779/> (accessed: 08.10.2024). (In Russian).
8. Lyu Nin. SWOT-analiz mezhdunarodnogo marketinga kompanii Huawei. [SWOT Analysis of Huawei International Marketing]. *Colloquium-journal*. 2020. № 4 (56). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/swot-analiz-mezhdunarodnogo-marketinga-kompanii-huawei> (accessed: 19.09.2024). (In Russian).
9. Chzhan Shende. Analiz korporativnoy strategii Huawei. [Huawei Corporate Strategy Analysis]. *Ekonomika i sotsium*. 2022. № 5 (96)–1. P. 789–794. (In Russian).
10. Tsuy Tsiyuan. Analiz korporativnoy strategii Huawei. [Huawei Corporate Strategy Analysis]. *Ekonomika i sotsium*. 2023. № 4 (107)–1. P. 1022–1025. (In Russian).
11. Zeng Zhaozhi 曾昭志. Huawei gongsi de hexin jingzheng li fenxi 华为公司的核心竞争力分析 [Analysis of Huawei's Core Competitiveness]. *Jingji yu guanli 经济与管理 [Economics and Management]*. 2009. T. 23. Iss. 7. P. 73–78. (In Chinese).
12. Li Wenming 李文明. Qiye zhanlue pingjia de zonghe yanjiu 企业战略评价的综合研究 [Comprehensive Research on Corporate Strategic Evaluation]. *Qingdao keji daxue xuebao (she ke ban) 青岛科技大学学报 (社科版) [Journal of Qingdao University of Science and Technology (Social Science Edition)]*. 2011. T. 27. Iss. 3. P. 62–66. (In Chinese).
13. Wang Yi 王毅. Huawei gongsi haiwai yewu tazhan zhanlue de fengxian fenxi 华为公司海外业务拓展战略的风险分析 [Risk Analysis of Huawei's Overseas Business Expansion Strategy]. *Guangdong tongxin ji 广东通信技 [Guangdong Communications Technology]*. 2006. T. 26. Iss. 6. P. 10–13. (In Chinese).
14. Weiwei Huang. Huawei's Competition Strategy: A Financial Perspective. *Built on Value. The Huawei Philosophy of Finance Management*. 2019. P. 31–82. Available at https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-13-7507-1_2 (accessed: 08.10.2024).
15. Huawei Annual Report. 2019 Annual Report. *Huawei Investment & Holding Co.* Available at https://www-file.huawei.com/-/media/corporate/pdf/annual-report/annual_report_2019_en.pdf (accessed: 19.09.2024).
16. Huawei Annual Report. 2020 Annual Report. *Huawei Investment & Holding Co.* Available at https://www-file.huawei.com/-/media/corp2020/annual-report/2020-pdf/annual_report_2020_en.pdf?la=en (accessed: 19.09.2024).
17. Huawei Annual Report. 2021 Annual Report. *Huawei Investment & Holding Co.* Available at https://www-file.huawei.com/minisite/media/annual_report/annual_report_2021_en.pdf?version=0401 (accessed: 19.09.2024).
18. Huawei's 5G Patents Surpass that of All Us Companies Put Together 26.05.2019. *GizChina. Chinese Gadget Reviews*. Available at

- <https://www.gizchina.com/2019/05/26/huaweis-5g-patents-surpass-that-of-all-us-companies-put-together/?ysclid=m2gi4dvvj906532298> (accessed: 06.10.2024).
- 19.** Kompaniya Huawei i China Mobile razvernuli «samuyu vysokuyu» set 5G 05.05.2020. [Huawei and China Mobile Deploy 'Highest' 5G Network]. *Huawei Technologies Co.* Available at https://www.huawei.com/uz/news/uz/2020/huawei_on_everest (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
- 20.** Huawei, Tsinghua University sign deal to collaborate on smart cars 01.12.2021. *chEVPost.com*. Available at <https://cnevpost.com/2021/12/01/huawei-tsinghua-university-sign-deal-to-collaborate-on-smart-cars/> (accessed: 07.10.2024).
- 21.** Huawei i UrFU podpisali soglasheniye o sotrudnichestve. 19.05.2021. [Huawei and UrFU Signed a Cooperation Agreement]. *Kommersant*. Available at <https://www.kommersant.ru/doc/4817335?ysclid=m2gi9f1dww128849656> (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
- 22.** V Sankt-Peterburgskom politekhnicheskom universitete Petra Velikogo proydet Regionalnyy festival Huawei Honor Cup 2020. 06.10.2020. [The Regional Festival Huawei Honor Cup 2020 will be Held at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University]. *Huawei Technologies Co.* Available at <https://www.huawei.ru/news/v-sankt-peterburgskom-politekhnicheskom-universitete-petra-velikogo-proydyet-regionalnyy-festival-hu/?ysclid=m2gif0lfhu742414278> (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
- 23.** Partnery Huawei. [Huawei Partners]. *Huawei Technologies Co.* Available at <https://www.huawei.ru/tech4all/partners/> (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
- 24.** PAO «Rostelekom» i Huawei podpisali v universitete telekommunikatsiy soglasheniye o sotrudnichestve. 21.10.2020. [PJSC Rostelecom and Huawei Signed a Cooperation Agreement at the University of Telecommunications]. *SPbGUT*. Available at <https://www.sut.ru/bonchnews/industry/21-10-2021-laboratoriya-mniic-na-baze-spbgut:-dostignuti-novie-soglasheniya-o-sotrudnichestve> (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
- 25.** Huawei otkryvayet svoj shestoy nauchno-issledovatel'skiy institut, spetsializiruyushchiysya na matematike i vychisleniyakh, vo Frantsii. 11.10.2020. [Huawei Opens its Sixth Research Institute in France, Specializing in Mathematics and Computing]. *DNS klub*. Available at <https://club.dns-shop.ru/digest/37489-huawei-otkryivaet-svoi-shestoi-nauchno-issledovatel'skii-institut/> (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
- 26.** Kompaniya Huawei otkryvayet laboratoriyu po tsifrovym finansam i bezopasnosti. 28.09.2021. [Huawei Opens Digital Finance and Security Lab]. *Internet-portal "Rambler"*. Available at <https://news.rambler.ru/gadgets/47288358-kompaniyahuawei-otkryvaet-laboratoriyu-po-tsifrovym-finansam-i-bezopasnosti/> (accessed: 07.10.2024). (In Russian).
- 27.** V Mezhdunarodnom kampuse Politekha proshel regionalnyy festival Huawei Honor Cup 2020. 13.10.2020. [The Regional Festival Huawei Honor Cup 2020 was Held at the International Campus of the Polytechnic University]. *Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii universitet Petra Velikogo (SPbPU)*. Available at https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/regional-festival-huawei-honor-cup-2020-polytech-international-campus/?ysclid=m2gieyl8cp791718843 (accessed: 08.10.2024). (In Russian).
- 28.** Huawei Open Source Release Center. Available at <https://consumer.huawei.com/en/opensource/> (accessed: 08.10.2024).

- 29.** Huawei P40 Series bags TIPA World Awards for Best Camera Smartphone. 16.04.2020. *Gizmochina*. Available at <https://www.gizmochina.com/2020/04/16/huawei-p40-series-bags-tipa-world-awards-for-best-camera-smartphone/?ysclid=m2gityjk8n825278797> (accessed: 08.10.2024).
- 30.** Kokuytseva T.V. Investitsionnaya politika v strategii innovatsionnogo razvitiya vysokotekhnologichnoy organizatsii: puti obespecheniya sbalansirovannosti. [Investment Policy in the Strategy of Innovative Development of a High-Tech Organization: Ways to Ensure Balance]. *Kreativnaya ekonomika*. 2021. T. 15. № 2. P. 309–326. (In Russian).
- 31.** «Umnyye» fermerskiye khozyaystva na baze tekhnologiy 5G v Brazilii. 05.01.2021. [5G-Powered Smart Farms in Brazil]. *Huawei Technologies Co*. Available at <https://www.huawei.com/uz/news/uz/2021/5g-smart-farming> (accessed: 09.10.2024). (In Russian).
- 32.** YB Dr Ong Kian Ming Deputy Minister of International Trade and Industry visits Huawei Malaysia Global Training Centre. 15.04.2019. *Huawei Technologies Co*. Available at <https://www.huawei.com/my/news/my/2019/deputy-minister-of-international-trade-industry-visits-huawei-malaysia-global-training-centre> (accessed: 09.10.2024).
- 33.** Huawei predstavila innovatsionnyye instrumenty dlya rasshireniya vozmozhnostey razrabotchikov i sovershenstvovaniya polzovatelskogo opyta na vystavke MWC 2022. 28.02.2022. [Huawei Unveils Innovative Tools to Empower Developers and Improve User Experience at MWC 2022]. *Huawei Technologies Co*. Available at <https://www.huawei.ru/news/huawei-predstavila-innovatsionnye-instrumenty-dlya-rasshireniya-vozmozhnostey-razrabotchikov-i-sover/?ysclid=m2giwjyuae867097294> (accessed: 09.10.2024). (In Russian).
- 34.** MTS i Huawei podpisali soglasheniye o razvitii 5G v Rossii. 05.06.2019. [MTS and Huawei Sign Agreement on 5G Development in Russia]. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at <https://tass.ru/ekonomika/6512073?ysclid=m2giy2lkrm687361332> (accessed: 08.10.2024). (In Russian).
- 35.** O kompanii Huawei. [History of Huawei]. *Consumer.huawei.com*. Available at <https://consumer.huawei.com/ru/about-us/> (accessed: 08.10.2024). (In Russian).
- 36.** Huawei and MTN Sign a Joint Business Innovation MoU. 01.03.2019. *Huawei Technologies Co*. Available at <https://www.huawei.com/en/news/2019/2/huawei-mtn-joint-business-innovation-mou> (accessed: 15.10.2024).
- 37.** Huawei P30 Lite vs Honor 20 Lite comparison. *GADGETS NOW by The Times of India*. Available at <https://gadgetsnow.indiatimes.com/compare-mobile-phones/honor-20i-vs-huawei-p30-lite> (accessed: 11.10.2024).
- 38.** Smartfony Huawei serii Y: praktichnyye pomoshchniki po demokratichtoy tsene. 29.05.2020. [Huawei Y Series Smartphones: Practical Assistants at Affordable Prices]. *4PDA: Vcjo o mobilnih ustrojstvah i tehnologiyah*. Available at <https://4pda.to/2020/05/29/371851/> (accessed: 11.10.2024). (In Russian).
- 39.** Pen Chunbi. Strategiya internatsionalizatsii i puti realizatsii produktsii sobstvennogo brenda Huawei na mirovom rynke. [Internationalization Strategy and Ways of Selling Huawei's Own Brand Products on the Global Market]. *Ekonomika i sotsium*. 2020. № 6 (73)–2. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-internatsionalizatsii-i-puti-realizatsii-produktsii-sobstvennogo-brenda-huawei-na-mirovom-rynke?ysclid=m2gj4xwdl0990569765> (accessed: 11.10.2024). (In Russian).

40. INFOGRAPHIC: CY 2020 | Mobile Market Monitor. 31.03.2021. *Counterpoint Research*. Available at <https://www.counterpointresearch.com/insights/infographic-cy-2020/> (accessed: 11.10.2024).

41. TIM Brasil and Huawei Sign MoU to Transform Curitiba into the Country's First '5G City'. 04.03.2022. *Huawei Technologies Co.* Available at <https://www.huawei.com/en/news/2022/3/mou-tim-5g-city-2022> (accessed: 11.10.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, доцент, и.о. директора Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-7280-6466

Гузей Яна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: guzej_yas@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-1700-6217

Касаткин Алексей Олегович – выпускник Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: Alexkass2000@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bakhturidze Zeynab Z. – Doctor of Political Science, Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru; ORCID 0000-0001-7280-6466

Guzey Yana S. – PhD in history, associate professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: guzej_yas@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-1700-6217

Kasatkin Alexey O. – Graduate of the Higher School of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: Alexkass2000@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024.
Одобрена после рецензирования 29.10.2024.
Принята 29.10.2024.

Received 20.10.2024.
Approved after reviewing 29.10.2024.
Accepted 29.10.2024.

научная статья
УДК: 339
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.7

Об эффективности межгосударственных санкционных мер в условиях современной глобализированной экономики (на примере действий США против компании Huawei в период президентства Д. Трампа)

Глухов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
vicerector.me@spbstu.ru

Мелентьева Надежда Ивановна ✉
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия
✉ nimspsb@mail.ru

Мелентьев Максим Юрьевич
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, Россия
maxmelentevm7@mail.ru

***Аннотация.** Вступление Китайской Народной Республики во Всемирную торговую организацию в 2001 году, способствовало ее быстрому экономическому росту. Примерно с этого времени обозначилась быстро набирающая силу тенденция к постепенному занятию Китаем лидирующих позиций по основным экономическим показателям в мире. В данной статье на основе анализа деловой и научной периодики, представленной специальными изданиями, включая электронные издания, сделаны обобщающие выводы относительно возможных путей развития межгосударственных экономических отношений в сегменте высоких технологий (микроэлектроника, технологии системы глобальной беспроводной связи, робототехника и т.п.) между Китаем и США в условиях взаимных санкционных ограничений.*

В качестве методов исследования были использованы: обобщение фактографических и статистических данных и наблюдений (в том числе рассмотренных в исторической ретроспективе) на основе построения инфографики и комментариев к ней с использованием методов структурного, математико-статистического и системного анализа, экономико-политологического анализа, включающего рассмотрение проблемы взаимоотношений между странами как на уровне критически значимых сфер хозяйственной жизни, так и на уровне межстрановых отношений.

В качестве научного результата в статье представлен вывод о том, что в долгосрочной перспективе возможно значительное усиление экономической роли КНР на мировой арене, при одновременном ослаблении США, что, возможно, будет способствовать снижению всеобщего уровня политического и экономического

сотрудничества в мире. Проводимая США политика санкционного давления на Китай, особенно на его высокотехнологические компании, такие как Huawei, направлена на вытеснение их с мирового IT-рынка. Эти действия вступают в противоречия с национальными интересами обеих стран. Рассмотренная ситуация показывает неоднозначность санкционной политики в условиях глобальной взаимообусловленности мировых экономик, даже в случае, если инициатором санкционных ограничений выступает такая мощная экономика как экономика США.

Ключевые слова: КНР; США; американо-китайские экономические отношения; противостояние; санкционная политика; технологические войны; компания Huawei

Для цитирования: Глухов В.В., Мелентьева Н.И., Мелентьев М.Ю. Об эффективности межгосударственных санкционных мер в условиях современной глобализированной экономики (на примере действий США против компании Huawei в период президентства Д. Трампа) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 122–136. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.7.

© Глухов В.В., Мелентьева Н.И., Мелентьев М.Ю., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 339

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.7

On the Effectiveness of Interstate Sanctions Measures in the Context of a Modern Globalized Economy (Using the Example of the US Actions Against Huawei During the Presidency of D. Trump)

Vladimir V. Glukhov
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
vicerector.me@spbstu.ru

Nadezhda I. Melenteva ✉
Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
✉ nimspsb@mail.ru

Maksim Yu. Melentev
Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russia
maxmelentevm7@mail.ru

Abstract. *The People's Republic of China's accession to the World Trade Organization in 2001 contributed to its rapid economic growth. Around this time, a rapidly gaining momentum has indicated a trend for China to gradually take the leading position in the world in terms of key economic indicators. In this article, based on the analysis of business and scientific periodicals presented by special publications, including electronic publications, generalized conclusions are made regarding the possible ways of development of interstate economic relations in the segment of high technologies (microelectronics, global wireless*

communication system technologies, robotics, etc.) between China and the United States under the conditions of mutual sanctions restrictions.

The research methods used were: generalization of factual and statistical data and observations (including those considered in the historical retrospective) based on the construction of infographics and comments to it using the methods of structural, mathematical-statistical and system analysis, economic-political analysis, including consideration of the problem of relations between countries both at the level of critically important spheres of economic life and at the level of inter-country relations.

As a scientific result, the article presents the conclusion that in the long term a significant strengthening of China's economic role on the world stage is possible, while weakening the United States, which will probably contribute to a decline in the overall level of political and economic cooperation in the world. The U.S. policy of sanctions pressure on China, especially on its high-tech companies such as Huawei, is aimed at pushing them out of the global IT market. These actions conflict with the national interests of both countries. The considered situation shows the ambiguity of sanctions policy in the context of global interconnectedness of world economies, even if the initiator of sanctions restrictions is such a powerful economy as the U.S. economy.

Keywords: China; the United States; US-Chinese economic relations; confrontation; sanctions policy; technology wars; Huawei

For citation: Glukhov, V.V., Melenteva, N.I., Melentev, M.Yu. On the Effectiveness of Interstate Sanctions Measures in the Context of a Modern Globalized Economy (Using the Example of the US Actions Against Huawei During the Presidency of D. Trump). *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 4. P. 122–136. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.7.

© Glukhov, V.V., Melenteva, N.I., Melentev, M.Yu., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Введение

С начала XXI в. быстро набирающее обороты экономическое соперничество между США и Китаем с наибольшей остротой проявлялось в отраслях, определяющих точки роста современного экономического развития. Прежде всего это отразилось на отраслях экономики, опирающихся на высокие технологии (сфера IT, электроника, роботы и т.п.). Так уже в 2008 г. правительство США выдвинуло серьезные обвинения китайским компаниям Huawei и ZTE. Суть обвинений заключалась в создании китайскими компаниями угроз для информационной безопасности США. В результате американцы запретили своим компаниям покупать произведенное Huawei и ZTE оборудование в Китае, а китайским компаниям было запрещено приобретать стартапы,

созданные в США. Все эти действия имели главную цель – создать преимущественные возможности для США на фоне быстро развивающихся технологий в КНР, что, в конечном счете, привело к началу противостояния между двумя странами, которое в дальнейшем получило название «технологические войны». Во время правления президента Д. Трампа резко увеличились санкционные меры со стороны США по отношению к высокотехнологичным китайским компаниям [1]. В период 2018–2019 гг. администрация президента США установила протекционистские санкции, целью которых было добиться преимущества в торговле с Китаем. Введенные санкции затронули 216 китайских компаний, в результате чего торговое сальдо между США и КНР в 2020 г. уменьшилось на 34 млрд. долл. по сравнению с 2019 г. [2].

Такая ситуация не могла не вызывать беспокойства и американских корпораций, что со временем проявилось в постепенном изменении политики активного партнерства, начало которого было заложено еще во времена Г. Киссинджера. Набиравший экономическую мощь Китай стал рассматриваться как главный и основной экономический конкурент, угрожающий геополитическим интересам США. С наибольшей силой эта ситуация проявилась с момента вступления в должность Президента США Дональда Трампа, который обвинил Китай в захвате американской интеллектуальной собственности, в стремлении получить новейшие американские технологии, в создании односторонних экономических преимуществ для китайских компаний перед высокотехнологичными американскими корпорациями, используя рычаги государственной поддержки. Итогом усиления этого противостояния явились ограничительные меры со стороны правительства США, направленные на снижение возможностей торговой экспансии высокотехнологичной продукции Китая на рынки США. Особое внимание в санкционной политике США было уделено китайским компаниям – производителям современной электроники. Целью этих ограничительных мер было ослабление позиций китайских электронных гигантов, играющих значительную роль в обеспечении политического и экономического развития КНР. С особой остротой это противостояние проявилось в санкционной политике в отношении компании Huawei. В частности, американское правительство неоднократно обвиняло компанию Huawei в

нарушении неприкосновенности частной жизни американцев, в нарушении прав на интеллектуальную собственность, а также в создании шпионской сети 5G во всем мире. Предлогом для действий против этой компании послужило принятие Китаем закона о национальной разведке, который дал китайским спецслужбам неограниченные полномочия по сбору данных в глобальном масштабе в режиме трансграничного мониторинга компаний и частных лиц.

Целью данной статьи является анализ и формулировка выводов относительно некоторых важных моментов, касающихся особенностей конкурентной борьбы между двумя крупнейшими экономиками мира в части высокотехнологичных производств.

Что касается истории вопроса, то следует отметить, что в отечественной литературе большое внимание уделяется различным формам противостояния между США и КНР. «Торговая война» и проявление экономической санкций против Китая со стороны США анализируются в исследованиях В.Б. Супяна [5], Д.В. Гордиенко [6]. А.С. Юньюшкиной, К.А. Шаповаловой, Е.Ю. Катковой [7]. Технологическое противостояние анализируется в работах: В.В. Евсеев [8], Л.А. Гамза [9], К.В. Бабаева [4]. В работах китайских и российских аналитиков: Н.Н. Масюк, Чжэн Фусюэ [10], Пэн Чунби [11], Чжан Шэндэ [12], Цуй Циюань [13] большое внимание уделено деятельности компании Huawei. При этом российские исследователи особое внимание уделяют политике санкций США в отношении компании Huawei [3].

Материалы и результаты исследования

Если противостояние между США и Китаем в сфере высоких технологий (в профиле микроэлектроники) рассматривать на причинном уровне, то напрашивается вывод о том, реальной базой конфликта стала ситуация, когда компания Huawei, являющаяся одним из «локомотивов» промышленной электроники Китая, вышла на одно из первых мест в мире по производству смартфонов. Как считают эксперты из Canalys: «II квартал 2020 г. стал первым за девять лет, когда первенство по числу проданных смартфонов не досталось Samsung или Apple» [3, с. 54]. Однако из-за действий Правительства США (по данным того же Canalys) «продажи смартфонов Huawei за период с апреля по июнь 2020 г.

снизились сразу на 27% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, и до 28% от суммарных поставок компании» [там же]. Американские санкции против компании Huawei наиболее ярко проявились в мае 2019 г. Они привели к существенным потерям для Huawei – по данным экономических аналитиков компания к апрелю 2021 г. выбыла из пятерки ведущих производителей смартфонов [4, с. 49].

Серьезным поводом для начала «большого» противостояния в технологической сфере между США и КНР стало принятие Китаем 28 июня 2017 г. Закона о национальной разведке. Согласно этому закону китайские IT компании должны предоставлять любые данные по запросу китайскому правительству [14]. В частности, закон о национальной разведке, предоставляет китайским спецслужбам:

- полномочия по мониторингу и расследованию иностранных и отечественных лиц и организаций;
- право обыскивать помещения, конфисковывать имущество и мобилизовать отдельных лиц или организации для шпионажа;
- законное основание для работы, как в Китае, так и за его пределами.

Введение в действие данного закона, заставило Индию, Австралию, США запретить работу китайских компаний, либо ограничивать их действия на территории своих стран. Что касается США, то в этой стране под жесткие ограничения попали кроме компании Huawei, также такие компании как Tencent, Byte Dance и другие.

Американское правительство неоднократно обвиняло компанию Huawei в нарушении неприкосновенности частной жизни американцев, в нарушении прав на интеллектуальную собственность, а также в создании шпионской сети 5G во всем мире. Все это, а также подверженность прямому влиянию на китайский бизнес со стороны Коммунистической Партии Китая (далее – КПК) привели к тому, что президент США Дональд Трамп подписал 15 мая 2019 г. указ по защите информационной инфраструктуры США, и, в связи с этим ввел чрезвычайное положение [15]. С подписанием данного указа американское правительство получило право контролировать все сделки, имеющие отношение к информационным технологиям, а также

накладывать запрет в случае, если будет выявлено, что сделка наносит ущерб национальной безопасности США.

В этот же день американское Правительство внесло компанию Huawei и 70 ее дочерних компаний в черный список из-за угрозы национальной безопасности [16]. Одновременно Министерство торговли США выдвинуло против компании Huawei обвинение о поставках оборудования Ирану. Эти обвинения были выдвинуты в связи с американскими санкциями против Ирана на запрет реализации его ядерной программы.

19 мая 2019 г. администрация Дональда Трампа согласилась дать отсрочку на три месяца для введения санкций в отношении Huawei. Сделано это было для того, чтобы американские компании, использующие оборудование Huawei, смогли найти аналоги и заменить их, а также на подготовку всех формальностей по выходу технологических компаний США из текущих сделок. Однако Министерство торговли США заявило, что решение о запрете сотрудничества будет окончательно принято через 90 дней.

20 мая 2019 г., компания Google заявила о полном прекращении сотрудничества с компанией Huawei. Прекращение сотрудничества в основном коснулось ограничения работы и доступа к американской операционной системе Android устанавливаемой на китайские смартфоны Huawei, а также прекращение сотрудничества по развитию 5G технологий.

На момент введения ограничений, многие американские компании, такие как Broadcom, Qualcomm, Micron Technology, Intel и другие являлись поставщиками микрочипов для продукции Huawei. Ниже на рис. 1 представлен график, который отражает доходы компаний технологического сектора США на момент подписания Д. Трампом указа о введении режима чрезвычайного положения для защиты информационной инфраструктуры США.

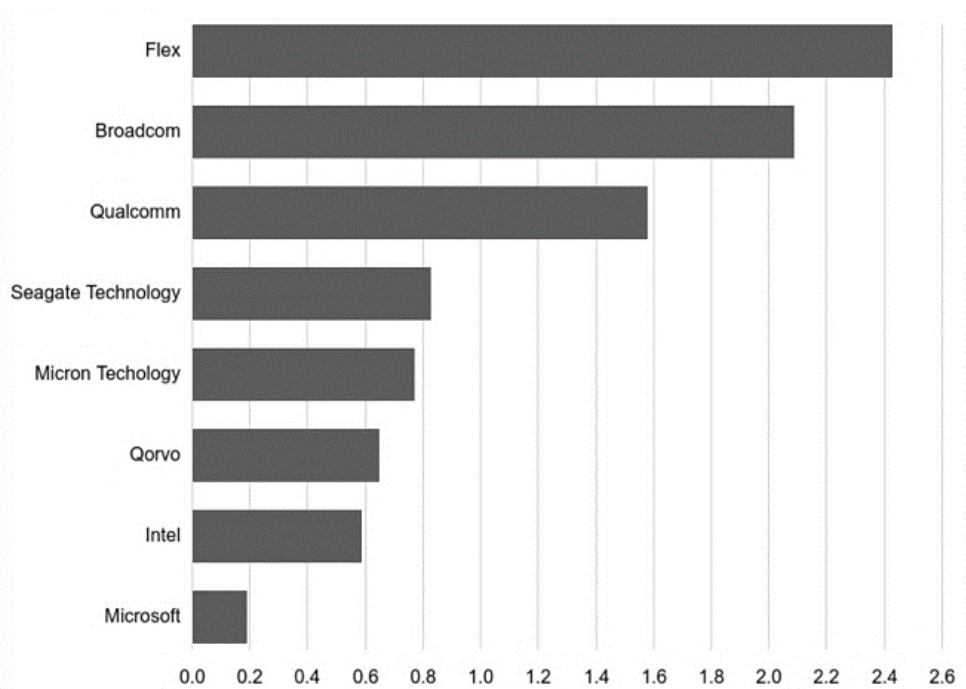

Рис.1. Доходы ИТ-корпораций США от продаж американского оборудования компании Huawei в млрд. юаней (по: [17])

Как видно из графика, большинство компаний, занимающихся производством полупроводников, микрочипов, а также устройств для хранения памяти, в совокупности, имели весомую долю в продажах оборудования для компании Huawei. В то же время, на момент подписания указа от 15 мая 2019 г., совокупный объем продаж китайского оборудования на американском рынке американским компаниям составил 347 млн. долларов США. «Эти компании лишаются одного из крупнейших потребителей их продукции и, соответственно, потенциальной прибыли», – утверждал Сергей Дейнека, финансовый аналитик «БКС Премьер» [17].

Другой важной проблемой стал тот факт, что в основном оборудование для обеспечения связи используется американскими операторами в сельской местности. Для реализации указа 15 мая 2019 г., американские компании были вынуждены покупать новое оборудование, проводить его установку и настройку, что вызвало дополнительные расходы. При этом процесс обновления оборудования может растянуться в США от 10 до 30 лет.

Представитель компании Huawei Чейз Скиннер прокомментировал новость о запрете, сказав, что она не является неожиданной, и что этот запрет окажет негативное влияние, прежде всего на сельских жителей на

всей территории США, так как используемые для цифрового подключения сети, зависят прежде всего от Huawei [18].

Для самой компании Huawei данные ограничения грозили тем, что пользователи смартфонов и планшетов Huawei были поставлены в затруднительное положение, поскольку они основывались на программном обеспечении, разработанном Google и Microsoft. Поэтому этот удар касался более миллиарда пользователей смартфонов компании по всему миру.

10 июля 2019 г. в результате плодотворных переговоров на саммите Большой двадцатки G20 Дональд Трамп согласился смягчить санкции в отношении компании Huawei. Министр торговли США Уилбур Росс подтвердил на конференции по экспортному контролю, что правительство будет выдавать лицензии до тех пор, пока нет угрозы национальной безопасности США, однако о полной амнистии компании говорить не приходится [19].

13 августа 2019 г. начался новый этап в технологической войне. На этот раз в США вступил закон о запрете использования оборудования компаний Huawei и ZTE в государственном секторе. Данные действия были направлены, прежде всего, на борьбу с развитием сетей 5G, которые по мнению правительства США, могут быть использованы с целью шпионажа.

С момента введения указа о введении режима чрезвычайного положения для защиты информационной инфраструктуры США американское правительство активно призывало другие страны к введению аналогичных ограничений в сотрудничестве с компанией Huawei [20]. О запрете работы корпорации на своей территории уже заявили Австралия, Новая Зеландия, Канада и др. В Великобритании проходили дискуссии по поводу сотрудничества с китайской корпорацией. Британское правительство сделало выбор в пользу ускоренной цифровизации и создания сети 5G в стране в партнерстве с корпорацией Huawei [21].

Летом 2020 г. компании Huawei пришлось столкнуться с более глобальной проблемой – нехваткой чипов для производства смартфонов. Основными производителями чипов в мире являются американские и азиатские компании. Все японские и южнокорейские компании лояльные к политике США, поддержали американские санкции.

8 августа 2020 г. компания Huawei заявила о том, что «чипы для смартфонов заканчиваются из-за санкций США». Проблема заключалась в

том, что производство чипов Kirin, разработанных собственными инженерами Huawei, прекратилось 15 сентября. Они производились подрядчиками Taiwan Semiconductor Manufacturing Co (TSMC), которые основаны на производственных технологиях США. У Huawei не было возможности производить собственные чипы [22].

18 августа 2020 г. правительство США ужесточило ограничения в отношении Huawei, добавив еще 38 дочерних компаний в черный список Министерства торговли США. Сделано это было с целью предупредить Huawei от поставок через третьи страны [23].

Всего за один год компания Huawei потеряла 21,5% выручки по сравнению с 2019 г., что отражено в таблице ниже. Очевидно, что ключевую роль в этом сыграли американские санкции.

Таблица

Ведущие Топ-5 компаний-производителей смартфонов в мире в 2019–2020 гг. (по: [24])

Компания	2020 доля рынка	2019 доля рынка	Изменение год к году
Samsung	20,6%	21,6%	-9,8%
Apple	15,9%	13,9%	+7,9%
Huawei	14,6%	17,5%	-21,5%
Xiaomi	11,4%	9,2%	+17,6%
Vivo	8,6%	8,0%	+1,5%
Другие	28,7%	29,8%	-9,4%
Всего	100%	100%	-5,9%

Нельзя отрицать, что санкции в отношении смартфонов компании Huawei оказались достаточно эффективными. Уменьшение доли в данном секторе мотивировало Huawei развивать другие направления и выходить на новые рынки. В итоге в марте 2021 г. компания сообщила о росте выручки на 3,8% по сравнению с 2019 г. [24].

Санкции США против компании Huawei, способствовали, таким образом, развитию новых инновационных проектов, к ним, в частности, можно отнести разработку более 30 проектов систем связи 5G, а также более 40 тыс. технологических решений по всему миру, связанных с 5G [25]. Huawei сумело поставить новые задачи инновационного развития, как внутри Китая, так и за его пределами.

Заключение

Если руководствоваться буквой и духом международных соглашений, конвенций, договоров и международных кодексов, декларирующих взаимовыгодное сотрудничество государств и их национальных экономик, то необходимо признавать точку зрения, в соответствии с которой противоречия, складывающиеся между странами, не должны приводить к дальнейшим разногласиям в политической и экономической сферах. Сотрудничество между странами является главным направлением при выходе из экономического тупика. Миру требуется развитие стабильной экономики во всех странах для противодействия кризисным социально-политическим ситуациям. Поэтому налаживание торговых отношений между США и КНР будет содействовать сотрудничеству не только между двумя странами, но и будет гарантом развития стабильного экономического миропорядка.

В долгосрочной перспективе возможно значительное усиление экономической роли КНР на мировой арене, при одновременном ослаблении США, что, возможно, будет способствовать снижению всеобщего уровня политического и экономического сотрудничества в мире. Проводимая США политика санкционного давления на Китай, особенно на его высокотехнологические компании, такие как Huawei, направлена на вытеснение их с мирового IT-рынка. Эти действия вступают в противоречия с национальными интересами обеих стран. Рассмотренная ситуация показывает неоднозначность санкционной политики в условиях глобальной взаимообусловленности мировых экономик, даже если инициатором санкционных ограничений выступает такая мощная экономика как экономика США.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабаев К. Конец санкционной дипломатии. 16.03.2022 // Россия в глобальной политике. [эл. доступ]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konecz-sankczionnoj-diplomatii/> (дата обращения: 14.10.2024).
2. The People's Republic of China. China Trade & Investment Summary // The Office of the United States Trade Representative (USTR): [сайт]. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (дата обращения: 14.10.2024).
3. Дзегеленок Н.П., Нелидов Г.А. Китайско-американские отношения в условиях американский санкций и пандемии (на примере компании Huawei) // Теория и практика современной науки. 2021. № 5 (71). С. 52–58.

4. Бабаев К.В. Технологические компании Китая как направление американского удара в контексте антироссийских санкций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 42–55.
5. Супян В.Б. Америко-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 9. С. 23–32.
6. Гордиенко Д.В. Торговая война и санкционная борьба США и КНР // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2021. № 1. С. 68–88.
7. Юнюшкина А.С., Шаповалова К.А., Каткова Е.Ю. Торговая война США с Китаем как попытка вернуть глобальное лидерство // Международные отношения. 2021. № 2. С. 55–68.
8. Евсеев В.В. Торговая и технологическая война США и Китая // Геоэкономика энергетики. 2019. Т. 7. № 3. С. 110–130.
9. Гамза Л.А. Технологическое противостояние США и Китая в АТР // Россия и АТР. 2020. № 3 (109). С. 110–133.
10. Масюк Н.Н., Чжэн Фусюэ. Технологические инновации в бизнес-модели компании Huawei // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 260–264.
11. Пэн Чунби. Анализ стратегии интернационализации компании Huawei // Экономика и социум. 2020. № 6 (73)–2. С. 182–186.
12. Чжан Шэндэ. Краткий анализ стратегии глобализации Huawei // Экономика и социум. 2022. № 3 (94)–1. С. 549–552.
13. Цуй Цюань. Глобализация экономики компании Huawei // Экономика и социум. 2023. № 4 (107)–1. С. 1016–1021.
14. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя цинбао фа 中华人民共和国国家情报法 [Закон о национальной разведке Китайской Народной Республики]. 27.06.2017 // China Law Translate: [сайт]. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/national-intelligence-law-of-the-p-r-c-2017/> (дата обращения: 14.10.2024).
15. Трамп подписал указ о защите информационно-коммуникационных сетей США от иностранных угроз. 15.05.2019 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6435221> (дата обращения: 14.10.2024).
16. China's Huawei, 70 Affiliates Placed on U.S. Trade Blacklist. 16.05.2019 // Reuters: [сайт]. URL: <https://www.reuters.com/article/business/chinas-huawei-70-affiliates-placed-on-us-trade-blacklist-idUSKCN1SL2W4/> (дата обращения: 14.10.2024).
17. Жертвы торговой войны: кто выиграет и проиграет от претензий США к Huawei? // BBC News Russia: [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48343119> (дата обращения: 14.10.2024).
18. В США вступил в силу запрет на оборудование Huawei и ZTE. 13.08.2019 // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2019/08/13/v-ssha-vstupil-v-silu-zapret-na-oborudovanie-huawei-i-zte.html> (дата обращения: 14.10.2024).
19. US to Start to Relax Huawei Ban, Announces White House. 11.07.2019 // Sky News: [сайт]. URL: <https://news.sky.com/story/us-to-start-to-relax-huawei-ban-announces-white-house-11760134> (дата обращения: 14.10.2024).
20. Трамп подписал указ о защите информационно-коммуникационных сетей США от иностранных угроз. 15.05.2019 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6435221> (дата обращения: 14.10.2024).

21. Британские спецслужбы посоветовали Джонсону сотрудничать с Huawei по 5G. 28.01.2020 // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/01/28/britanskie-specsluzhby-posovetovali-dzhonsonu-sotrudnichat-s-huawei-po-5g.html> (дата обращения: 09.06.2024).
22. Huawei: Smartphone Chips Running out Under US Sanctions. 08.08.2020 // The Associated Press: [сайт]. URL: <https://apnews.com/general-news-270e93e985733a4d086c06a01375cea0> (дата обращения: 09.06.2024).
23. U.S. Tightening Restrictions on Huawei Access to Technology, Chips. 18.08.2020 // Reuters: [сайт]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-huawei-tech-idUSKCN25D1CC> (дата обращения: 14.10.2024).
24. Исследование мирового рынка смартфонов // Интернет-портал TAdviser: [сайт]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_\(мировой_рынок\)#.D0.9A.D0.BE.D1.80.D0.BE.D1.82.D0.BA.D0.BE_.D0.B8_.D0.BD.D0.B0.D0.B3.D0.BB.D1.8F.D0.B4.D0.BD.D0.BE](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_(мировой_рынок)#.D0.9A.D0.BE.D1.80.D0.BE.D1.82.D0.BA.D0.BE_.D0.B8_.D0.BD.D0.B0.D0.B3.D0.BB.D1.8F.D0.B4.D0.BD.D0.BE) (дата обращения: 14.10.2024).
25. Research & Development // Huawei Technologies Co.: [сайт] URL: <https://www.huawei.com/en/about-huawei/corporate-information/research-development> (дата обращения: 14.10.2024).

REFERENCES

1. Babaev K. Konec sankcionnoj diplomatii [The End of Sanctions Diplomacy]. 16.03.2022. *Rossiya v global'noj politike*. Available at <https://globalaffairs.ru/articles/konecz-sankczionnoj-diplomatii/> (accessed: 14.10.2024). (In Russian).
2. The People's Republic of China. China Trade & Investment Summary. *The Office of the United States Trade Representative (USTR)*. Available at <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (accessed: 14.10.2024).
3. Dzegelenok N.P., Nelidov G.A. Kitajsko-amerikanskije otnosheniya v usloviyah amerikanskij sankcij i pandemii (na primere kompanii Huawei) [Sino-American Relations in the Context of American Sanctions and a Pandemic (Using the Example of Huawei)]. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki*. 2021. № 5 (71). P. 52–58. (In Russian).
4. Babaev K.V. Tekhnologicheskie kompanii Kitaya kak napravlenie amerikanskogo udara v kontekste antirossijskij sankcij [China's Technology Companies as a Direction of American Strike in the Context of Anti-Russian Sanctions]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*. 2022. № 27. P. 42–55. (In Russian).
5. Supyan V.B. Amerikano-kitajskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniya: prichiny krizisa i ego perspektivy [American-Chinese Trade and Economic Relations: Causes of the Crisis and its Prospects]. *Rossijskij vnesheekonomicheskij vestnik*. 2019. № 9. P. 23–32. (In Russian).
6. Gordienko D.V. Torgovaya vojna i sankcionnaya bor'ba SSHA i KNR [Trade War and Sanctions Struggle between the USA and China]. *Vestnik Moskovskogo finansovojuridicheskogo universiteta*. 2021. № 1. P. 68–88. (In Russian).
7. Yunyushkina A.S., Shapovalova K.A., Katkova E.Yu. Torgovaya vojna SShA s Kitaem kak popytka vernut' global'noe liderstvo [The US Trade War with China as an Attempt to Regain Global Leadership]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. № 2. P. 55–68. (In Russian).
8. Evseev V.V. Torgovaya i tekhnologicheskaya vojna SShA i Kitaya [The Trade and Technological War between the USA and China]. *Geoekonomika energetiki*. 2019. T. 7. № 3. P. 110–130. (In Russian).

9. Gamza L.A. Tekhnologicheskoe protivostoyanie SSHA i Kitaya v ATR [Technological Confrontation between the USA and China in the Asia-Pacific Region]. *Rossiya i ATR*. 2020. № 3 (109). P. 110–133. (In Russian).
10. Masyuk N.N., Chzhen Fusyue. Tekhnologicheskie innovacii v biznes-modeli kompanii Huawei [Technological Innovations in Huawei's Business Model]. *Azimut nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 2020. T. 9. № 3 (32). P. 260–264. (In Russian).
11. Pen Chunbi. Analiz strategii internacionalizacii kompanii Huawei [Analysis of Huawei's Internationalization Strategy]. *Ekonomika i socium*. 2020. № 6 (73)–2. P. 182–186. (In Russian).
12. Chzhan Shende. Kratkij analiz strategii globalizacii Huawei [A Brief Analysis of Huawei's Globalization Strategy]. *Ekonomika i socium*. 2022. № 3 (94)–1. P. 549–552. (In Russian).
13. Cuj Ciyuan'. Globalizaciya ekonomiki kompanii Huawei [Globalization of the Huawei Economy]. *Ekonomika i socium*. 2023. № 4 (107)–1. P. 1016–1021. (In Russian).
14. Zhonghua renmin gongheguo guojia qingbao fa 中华人民共和国国家情报法 [Law on National Intelligence of the People's Republic of China]. 27.06.2017. *China Law Translate*. Available at <https://www.chinalawtranslate.com/national-intelligence-law-of-the-p-r-c-2017/> (accessed: 14.10.2024). (In Chinese).
15. Tramp podpisal ukaz o zashchite informacionno-kommunikacionnyh setej SSHA ot inostrannyh ugroz [Trump Signed a Decree on the Protection of US Information and Communication Networks from Foreign Threats]. 15.05.2019. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6435221> (accessed: 14.10.2024). (In Russian).
16. China's Huawei, 70 Affiliates Placed on U.S. Trade Blacklist. 16.05.2019. *Reuters*. Available at <https://www.reuters.com/article/business/chinas-huawei-70-affiliates-placed-on-us-trade-blacklist-idUSKCN1SL2W4/> (accessed: 14.10.2024).
17. Zhertvy torgovoj vojny: kto vyigraet i proigraet ot pretenzij SSHA k Huawei? [Victims of the Trade War: Who will Win and Lose from the US Claims agaInst Huawei?]. *BBC News Russia*. Available at <https://www.bbc.com/russian/features-48343119> (accessed: 14.10.2024). (In Russian).
18. V SShA vstupil v silu zapret na oborudovanie Huawei i ZTE [A Ban on Huawei and ZTE Equipment has Come into Force in the United States]. 13.08.2019. *Rossiyskaya gazeta*. Available at <https://rg.ru/2019/08/13/v-ssha-vstupil-v-silu-zapret-na-oborudovanie-huawei-i-zte.html> (accessed: 14.10.2024). (In Russian).
19. US to Start to Relax Huawei Ban, Announces White House. 11.07.2019. *Sky News*. Available at <https://news.sky.com/story/us-to-start-to-relax-huawei-ban-announces-white-house-11760134> (accessed: 14.10.2024).
20. Tramp podpisal ukaz o zashchite informacionno-kommunikacionnyh setej SSHA ot inostrannyh ugroz [Trump Signed a Decree on the Protection of U.S. Information and Communication Networks from Foreign Threats]. 15.05.2019. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6435221> (accessed: 14.10.2024). (In Russian).
21. Britanskije spetssluzhby posovetovali Dzhonsonu sotrudnicat' s Huawei po 5G [British Intelligence Agencies Advised Johnson to Cooperate with Huawei on 5G]. 28.01.2020. *Rossiyskaya gazeta*. Available at <https://rg.ru/2020/01/28/britanskije-spetssluzhby-posovetovali-dzhonsonu-sotrudnicat-s-huawei-po-5g.html> (accessed: 09.06.2024). (In Russian).

22. Huawei: Smartphone Chips Running out Under US Sanctions. 08.08.2020. *The Associated Press*. Available at <https://apnews.com/general-news-270e93e985733a4d086c06a01375cea0> (accessed: 09.06.2024).

23. U.S. Tightening Restrictions on Huawei Access to Technology, Chips. 18.08.2020. *Reuters*. Available at <https://www.reuters.com/article/us-usa-huawei-tech-idUSKCN25D1CC> (accessed: 14.10.2024).

24. Issledovanie mirovogo rynka smartfonov [Research on the Global Smartphone Market]. *Internet-portal TAdviser*. Available at [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_\(мировой_рынок\)#.D0.9A.D0.BE.D1.80.D0.BE.D1.82.D0.BA.D0.BE_.D0.B8_.D0.BD.D0.B0.D0.B3.D0.BB.D1.8F.D0.B4.D0.BD.D0.BE](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Смартфоны_(мировой_рынок)#.D0.9A.D0.BE.D1.80.D0.BE.D1.82.D0.BA.D0.BE_.D0.B8_.D0.BD.D0.B0.D0.B3.D0.BB.D1.8F.D0.B4.D0.BD.D0.BE) (accessed: 14.10.2024). (In Russian).

25. Research & Development. *Huawei Technologies Co.* Available at <https://www.huawei.com/en/about-huawei/corporate-information/research-development> (accessed: 14.10.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Глухов Владимир Викторович – доктор экономических наук, профессор, советник ректора СПбПУ, профессор кафедры ЮНЕСКО. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: vicerector.me@spbstu.ru

Мелентьева Надежда Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга. Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

E-mail: nimpspb@mail.ru

Мелентьев Максим Юрьевич – ассистент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

E-mail maxmelentevm7@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Glukhov Vladimir V. – Doctor of Economics, Professor, Advisor to the Rector of SPbPU, UNESCO Chair at SPbPU. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: vicerector.me@spbstu.ru

Melenteva Nadezhda I. – Doctor of Economics, Professor, Department of Marketing. Saint-Petersburg State University of Economics.

E-mail: nimpspb@mail.ru

Melentev Maksim Yu. – Assistant of the Department of Advertising and Public Relations, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Postgraduate student, Saint-Petersburg State University of Economics.

E-mail maxmelentevm7@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024.
Одобрена после рецензирования 06.10.2024.
Принята 29.10.2024.

Received 04.09.2024.
Approved after reviewing 06.10.2024.
Accepted 29.10.2024.

научная статья
УДК: 314.748
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.8

Специфика внешней миграции в России на современном этапе: проблемы и механизмы регулирования

Кучумова Екатерина Валентиновна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ kuchumova_ev@spbstu.ru

Гафаров Мидхат Сеидахмет оглы
Бакинский Государственный Университет, Баку, Азербайджан
msqafarov@mail.ru

Саблина Марина Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
sablina_ma@spbstu.ru

***Аннотация.** В предлагаемой статье рассматриваются особенности внешней миграции в Российской Федерации на современном этапе, акцентируется внимание на текущих проблемах и механизмах их регулирования. В исследовании представлены экспертные мнения, нормативные документы, статистические данные с целью выявления ключевых тенденций и вызовов, с которыми сталкивается страна в области миграционной политики. Изучение проблемы дефиниций в научной литературе является важным для понимания различных аспектов миграционных процессов. Основное внимание уделено анализу специфики миграционной привлекательности России, объясняемой как экономическими, так и социальными факторами; вопросам социальной интеграции мигрантов, правовому регулированию миграционных потоков; влиянию внешней миграции на экономическое развитие России. Обсуждаются существующие нормативные механизмы регулирования миграционных потоков, выявляются как их сильные, так и слабые стороны. Результаты работы акцентируют внимание на необходимости пересмотра ключевых аспектов иммиграционной политики в России, направленных на повышение экономического уровня наиболее уязвимых регионов и укрепление сотрудничества с постсоветскими странами и Китаем. Статья предлагает рекомендации по совершенствованию миграционной политики, направленные на обеспечение устойчивого социально-экономического развития и укрепление национальной безопасности.*

Ключевые слова: Российская Федерация; страны СНГ; миграционные процессы; внешняя миграция; иммиграционная политика

Для цитирования: Кучумова Е.В., Гафаров М.С., Саблина М.А. Специфика внешней миграции в России на современном этапе: проблемы и механизмы регулирования // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 137–163. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.8.

© Кучумова Е.В., Гафаров М.С., Саблина М.А., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 314.748

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.8

Specifics of External Migration in Russia at the Present Stage: Issues and Regulatory Mechanisms

Ekaterina V. Kuchumova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ kuchumova_ev@spbstu.ru

Midhat S. Gafarov

Baku State University, Baku, Azerbaijan
msqafarov@mail.ru

Marina A. Sablina

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
sablina_ma@spbstu.ru

Abstract. *The proposed article examines the features of external migration in the Russian Federation at the present stage, with a focus on current challenges and mechanisms for their regulation. The study presents expert opinions, regulatory documents, and statistical data aimed at identifying key trends and challenges facing the country's migration policy. Analyzing definitions of migration in scientific literature is crucial for understanding various aspects of migration processes. The primary focus is on analyzing the specific factors that make Russia attractive for migration, driven by both economic and social factors; issues of social integration of migrants; legal regulation of migration flows; and the impact of external migration on Russia's economic development. The article discusses existing regulatory mechanisms for controlling migration flows, highlighting both their strengths and weaknesses. The results emphasize the need to revise key aspects of Russia's immigration policy to enhance the economic level of its most vulnerable regions and strengthen cooperation with post-Soviet countries and China. The article offers recommendations for improving migration policy aimed at ensuring sustainable socio-economic development and enhancing national security.*

Keywords: Russian Federation; CIS countries; migration processes; external migration; immigration policy

For citation: Kuchumova, E.V., Gafarov, M.S., Sablina, M.A. Specifics of External Migration in Russia at the Present Stage: Issues and Regulatory Mechanisms. *Russia in the Global World*. 2024. T. 27. Iss. 4. P. 137–163. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.8.

© Kuchumova, E.V., Gafarov, M.S., Sablina, M.A., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Введение

Проблемам миграции всегда было отведено особое место в процессе общественной жизнедеятельности в силу того, что миграция выступает одним из путей демографического развития как отдельных регионов, так и государства в целом. Неконтролируемые миграционные потоки могут оказать негативное влияние на социально-экономическую составляющую, поэтому они требуют всесторонней и объективной оценки со стороны гражданского общества и государства, требуют выработки надлежащей миграционной политики и нормативно-правового регулирования.

Основная задача предлагаемого исследования – рассмотреть современные миграционные процессы в России и предложить способы их улучшения. В связи с этим проведен анализ текущих проблем и нормативных механизмов регулирования внешней миграции в России для выявления ключевых вызовов. Предложена оценка факторов, формирующих миграционную привлекательность России, с акцентом на их экономическое и социальное воздействие. Выявлены основных направлений по оптимизации миграционной политики, способствующей социально-экономическому развитию и национальной безопасности страны.

Объект исследования определяется как внешняя миграция в Российской Федерации на современном этапе, соответственно, предмет исследования – текущие проблемы и механизмы регулирования миграционных процессов в России.

Исследование опирается на изучение нормативных документов, анализ экспертных мнений, использование статистических данных, а также дескриптивный анализ научной литературы для определения дефиниций и оценки существующих механизмов миграционной политики.

По вопросу определения понятия «миграция» в российском научном дискурсе существует множество точек зрения, и каждое выдвигаемое определение подвергается критике, дополнению и уточнению со стороны учёного сообщества.

Вопрос миграции как процесса остро встал в постсоветской России в контексте значительных социальных и экономических преобразований. Эти изменения обусловили необходимость в пересмотре существующих

подходов к миграционной политике и интеграции мигрантов. Переход от централизованной системы управления к рыночной экономике и расширение международных связей потребовали разработки новых стратегий в области миграции. В условиях быстро меняющегося геополитического и экономического ландшафта эффективное регулирование миграционных процессов стало ключевым элементом государственной политики, направленной на обеспечение устойчивого развития и социальной стабильности.

Например, данный вопрос подробно рассматривается такими авторами, как Ж. Зайончковская, В. Мукомель, А. Ястребова, Е. Волосенкова, П. Кабаченко, Е. Тарасова, С. Блантер, Е. Нагайцева, Л. Карачурина, С. Рязанцев и др.

Авторы данной статьи разделяют подход Л.Л. Рыбаковского, согласно которому «миграция представляет собой процесс перемещения лиц через территориальную границу определённой страны с целью смены постоянного места жительства навсегда или на длительное время, либо с постоянным возвращением к постоянному месту жительства» [1, С. 121].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена значительным влиянием миграционных процессов на экономическую динамику и конкурентоспособность государств на международной арене. В современных условиях, когда поток иммигрантов не полностью компенсирует миграционные предпочтения отдельных стран, особенно России, важно пересмотреть и адаптировать иммиграционную политику.

Новизна данной обзорной статьи заключается в многоаспектном анализе современных особенностей внешней миграции в России и систематизации актуальных проблем и механизмов их регулирования. В отличие от предыдущих исследований, работа интегрирует последние статистические данные и нормативные изменения, что позволяет более точно определить текущие тенденции и вызовы в миграционной политике.

Материалы, результаты исследования

Проблема терминологии

Несмотря на множество существующих определений миграции, за период длительного формирования понимания миграционных процессов сложилось общее мнение в отечественной литературе по вопросу

ключевого критерия, который будет отражать сущность миграционных процессов и будет отделять их от иных перемещений. В качестве такого критерия выступает самое общее понимание: это перемещение лиц между различными населенными пунктами. Данный общий критерий признается большинством теоретиков.

При этом одного критерия для определения сущности миграционных процессов недостаточно, так как в таком случае не исключаются возможные перемещения, например, с целью получения услуг – медицинских, образовательных и т. п. Именно поэтому Л.Л. Рыбаковский дополняет первый критерий еще одним: наличие фиксации перемещений между различными населенными пунктами [1, с. 122].

Представляя собой «территориальное перемещение мигрантов, связанное с пересечением границ государства с целью постоянного или временного изменения места жительства» в миграционном процессе Л.Л. Рыбаковский выделяет следующие стадии:

- первоначальная, или исходная, стадия, которая выражается в процессе формирования территориальной подвижности;
- основная стадия, то есть непосредственное перемещение;
- итоговая стадия, связанная с адаптацией мигрантов на новой территории [2].

Миграционный процесс может рассматриваться как правовое понятие, в котором все стадии являются закономерными и подчиненными нормативному регулированию - как национальному законодательству, так и международному. Вопрос определения понятия миграционных процессов с точки зрения международного права на сегодняшний день остается открытым. Следует учитывать, что правовая дефиниция должна быть конкретизирована и полноценно отражать явление для ее однозначного применения и понимания.

На основании Устава Международной организации по миграции 1987 г., миграцию можно обобщенно определить, как процесс перемещения людей, который может происходить как через международные границы, так и внутри одной страны. Этот термин включает в себя все формы перемещения, не ограничиваясь временными рамками, характеристиками участников или причинами, побуждающими к перемещению [3].

Миграционный процесс является своего рода индикатором, отражающим уровень развития определенного государства. Если в государстве существует массовый поток мигрантов, это говорит о достаточно высоком уровне жизни в стране, а отток квалифицированных специалистов, наоборот, говорит о существующих проблемах. Миграционным процессам в различных государствах в силу их исторического, природно-географического и социально-экономического развития характерны собственные направления, которые отражают специфические особенности межтерриториального распределения населения. Миграционные процессы в XXI веке выступают одним из ключевых движущих факторов социально-культурных, политических и экономических трансформаций не только в странах, в которые направлены миграционные потоки, но и в странах выезда. Вместе с тем миграционные потоки различны не только по направленности, но и по их интенсивности, факторам, оказавшим на них влияние, в том числе фактор миграционной привлекательности государства.

Сами по себе факторы миграции образуются в силу объективных условий, в которых находится субъект. При этом ключевым будет то, что такие факторы воздействуют на миграцию опосредованно: через анализ факторов мигрант формирует собственные мотивы для смены места жительства.

Для регионов, которые имеют приграничное расположение, близость к государству может выступать также фактором притяжения миграционных потоков, особенно если одно из них имеет более высокий уровень экономического и, как следствие, социального развития.

Миграционные процессы в современных реалиях характеризуются неравномерностью и направленностью на территории с высоким уровнем развития информационных технологий. Высокий уровень жизни выступает одним из ключевых факторов привлекательности для мигрантов той или иной территории.

Теоретиками, например, Н.В. Мелиховой, выделяется множество факторов, оказывающих влияние на привлекательность территории: «они объединены по признакам:

- демографический фактор: коэффициент естественного прироста населения, плотность населения и т.д.;

- социальный фактор: уровень безработицы, уровень преступности;
- экономический фактор: ВВП и ВРП на душу населения;
- фактор уровня жизни населения: размер прожиточного минимума и заработной платы» [4].

Преимуществом перечисленных факторов можно считать то, что большинство из них субъект может проверить за счет существующих статистических данных, учитывая, что российская национальная статистика включает в себя информацию по большинству из перечисленных факторов. Как показывает практика, указывать на полную зависимость интенсивности миграционных процессов от всех ранее перечисленных факторов будет неверным. Например, к населению Центрального региона в 2015 г. прибавилось 1,23%, учитывая, что плотность населения составляла 46 чел/км², когда в Северо-Западном регионе показатель был равен 8,6. Однако в Центральном регионе ВРП на душу населения составлял 451537 руб. в год, а в Северо-Западном регионе 384166 руб. в год [5].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что один из факторов может превалировать над другим и в большей степени оказывать влияние на миграционные потоки. В действительности можно утверждать, что официальная статистика учитывает только тех лиц, что заехали на территории легально и имеют регистрацию, но так или иначе такой же вывод можно сделать по вопросу учета доходов и безработицы.

Таким образом, для более полноценной и всесторонней оценки миграционной привлекательности регионов России необходимо совершенствовать статистическую базу. Потенциально доступный рынок труда оказывает влияние на миграционные потоки, в первую очередь высококвалифицированных специалистов. Так, в период с 2011 по 2018 гг. квалифицированные мигранты прибывали только в те крупные регионы, в котором увеличивалось количество рабочих мест, для которых обязательно высшее образование, в особенности в наукоёмких отраслях (высокотехнологичные производства). За указанный период Московская область и Москва привлекли порядка 12–15% всех квалифицированных мигрантов, 10% пришлось на Санкт-Петербург [6].

Влияние экономических факторов и географического положения на приток мигрантов можно наблюдать на примере таких регионов, как Крайний Север, отличающихся менее благоприятными климатическими условиями. Второй регион – Северный Кавказ, характеризующийся сложной социально-экономической обстановкой и специфической институциональной средой [7].

Однако, следует выделять не только социальные и экономические факторы, но и особенности законодательства, трудности въезда в страну, сложность адаптации субъекта и непосредственно сложившийся имидж государства в контексте миграции и миграционной политики. Введение изменений в миграционную политику страны, например, упрощение порядка предоставления мигрантам права пребывать на территории страны и осуществлять трудовую деятельность, получения медицинской страховки и четкая регламентация требований к знанию русского языка, законодательства и истории государства к мигрантам оказывают влияние на повышение миграционной привлекательности страны в глазах иностранных субъектов.

В пункте 9 «Конвенции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622, «... Центрами миграционной привлекательности для иностранных граждан становятся в первую очередь крупные экономически развитые города европейской части России, а также приграничные территории Сибири и Дальнего Востока [8].

Миграционная привлекательность России может использоваться в качестве инструмента реализации «мягкой силы» страны в первую очередь в странах Центральной Азии. Активная деятельность по созданию привлекательного образа России в глазах мигрантов реализуется прежде всего посредством взаимодействия со странами СНГ, из которых наблюдается основной миграционный поток. «Россотрудничество» и фонд «Русский мир», деятельность которых направлена на проведение множества мероприятий в странах СНГ для продвижения культуры и русского языка, способствуют созданию положительного образа страны. Так, 2023 г. в странах СНГ был объявлен годом русского языка, что обусловило развитие многочисленных международных языковых

программ, проведение разных научных конференций и форумов по вопросам развития языка и коммуникации, совершенствования образования (в т. ч. русскоязычного) на теории стран СНГ.

Проблемы социальной интеграции мигрантов

Несмотря на активизацию деятельности по усилению миграционной привлекательности страны, так или иначе остается актуальным ряд проблем, связанных с миграцией. Например, это касается проблемы социальной интеграции мигрантов в российской практике.

Надлежащими условиями для полноценной интеграции мигрантов являются следующие: безопасность нахождения и проживания субъекта на территории страны, возможность воссоединиться с семьей, предоставленная возможность участвовать в натурализации и борьба с дискриминационными движениями в обществе.

В контексте России, как отмечает В.И. Мукомель, наиболее проблемным является безопасность проживания мигранта на территории страны и существующая дискриминация. Мигранты в России подвержены дискриминации в первую очередь в сфере труда, покупки и съема жилищных помещений и при взаимодействии с правоохранительными органами [9].

Следует отметить тот факт, что Российской Федерацией не была подписана Конвенция МОТ №97 «О трудящихся-мигрантах» от 1 июля 1949 г., а также №143 «О злоупотреблениях в области миграции и обеспечении трудящимся мигрантам равенства возможностей и обращения» от 24 июня 1975 г. [10]. Данное обстоятельство также может оказывать влияние на международную привлекательность России для мигрантов, в особенности для высококвалифицированных специалистов. Формирование положительного образа страны для зарубежных мигрантов возможно посредством формирования программ первичной адаптации, интеграции мигрантов в социум, при этом такие программы должны быть для мигрантов бесплатными.

Миграционные процессы оказывают влияние на количественную и качественную деформацию структуры общества, населения государства. При этом такое влияние зачастую оказывает более высоким, нежели естественные процессы движения населения, как смертность и рождаемость. Так, в соответствии с прогнозом социально-экономического

развития России до 2027 г., структура населения по возрастному признаку будет меняться: увеличится число населения старше трудоспособного возраста, при этом количество лиц трудоспособного возраста значительно снизится. Такая тенденция, несомненно, приведет к нагрузке на трудоспособное население [11].

Происходящие демографические изменения, сокращение численности трудоспособного населения приводят к усилению роли миграции населения в процессе создания трудового потенциала в стране, однако миграционные процессы оказывают весомое влияние на развитие общества и экономическую безопасность государства.

Миграция предоставляет возможность покрыть дефицит рабочей силы, но при этом следует учитывать, что происходящие в силу миграционных процессов деформация структуры населения может также повысить социальную напряженность, что так или иначе воздействует на экономическую безопасность государства, особенно в условиях существования стихийной миграции.

Д.В. Житин отмечает, что именно миграционные процессы, как показывает практика, могут в короткий промежуток времени радикально изменить региональные социально-демографические структуры и, как следствие, повлиять на уровень социального и экономического развития [12].

Деятельность органов государственной власти, как показывает практика, в основном концентрировалась на существующих проблемах внешней миграции, что вызвано изменением геополитической обстановки и нашло отражение в текущем законодательстве. Так, в пункте 3 обновленной «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 12 мая 2023 г. особый акцент сделан на вопросах реализации миграционной политики, касающихся национальной безопасности Российской Федерации и противодействия экстремизму, связанными с международной миграцией, что доказывает возросшую актуальность государственного регулирования в этой сфере [13].

Особенности международной миграции в России на современном этапе

По своей сущности международная, или, как ее еще называют, внешняя миграция, является неким составным элементом существующей системы межгосударственных отношений.

Распад Советского Союза, появление на международной арене независимых акторов и объединение части из них в Содружество Независимых Государств (СНГ), позволили расширить взаимодействие стран и установить контакты, что впоследствии оказало влияние на миграционный обмен. Изменение социально-экономической и политической составляющей оказало влияние на межгосударственную миграцию. Закрепление безвизового режима между странами-участницами СНГ, укрепление социально-экономических, культурных связей повлияло на миграционные потоки населения между различными государствами.

Например, в целях развития дружественных отношений и правового урегулирования и создания благоприятных условий пребывания граждан между Российской Федерацией и Республикой Казахстан было заключено Соглашение о порядке пребывания граждан двух государств в пределах их территорий [14].

Помимо Казахстана, Россия имеет соглашения с Узбекистаном, которое было заключено в 2000 г., также Азербайджаном, Арменией, Белоруссией и другими странами.

Существующие особенности международной миграции в России теоретики обуславливают появлением такого феномена, как ближнее зарубежье, после чего внутренняя миграция между союзными республиками перешла в международную, а, следовательно, требовала иных подходов к регулированию.

Переходя к рассмотрению вопроса притока населения в Россию, следует отметить, что в первой половине 1990-х годов иммиграционные потоки в Россию в большинстве своем имели вынужденный характер, и состояли из этнических мигрантов с преобладанием русского населения, которое проживало на территориях бывшего СССР [15].

По мнению Л.Л. Рыбаковского, в тот период на миграцию в большей степени оказала влияние политическая нестабильность и существовавшие межнациональные конфликты. Однако впоследствии миграционные потоки приобрели иной – экономический – характер, так как на передний план вышли именно трудовые цели граждан [16].

Российский рынок труда виделся привлекательным и более перспективным для многих жителей стран СНГ, ряд которых имел более низкий уровень жизни, в первую очередь в данном случае следует

выделить страны Центральной Азии: Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Переломным моментом в динамике миграционных процессов стал 2010 г. в связи с экономическим кризисом, но наибольшую интенсивность миграция приобрела в 2015 г. вследствие конфликта на Донбассе и притоком беженцев в Россию. В дальнейшем приток мигрантов из Украины уменьшился и по данным Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, число мигрантов, остающихся в России на продолжительное время, в 2018 г. стало самым низким за весь постсоветский период – 125 800 иностранных граждан [17].

При исследовании миграции из стран СНГ на территорию России уделяется внимание следующим направлениям:

- социально-экономическому;
- макроэкономическому;
- правовому (в т. ч. – нелегальным миграционным процессам).

Социально-экономическое направление теоретики связывают с образованием теневого рынка труда, в отношении которого де-факто не распространяются существующие трудовые нормы, в том числе не предусмотрен механизм защиты, либо он сведен к минимуму в силу чего создаются основы для увеличения практик криминальной направленности. Макроэкономическое направление обуславливается ненадлежащим контролем миграционных потоков из стран СНГ, при условии, что такой фактор оказывает влияние на рыночную экономику страны и создает условия для дальнейшего дисбаланса. В условиях распространения «дешевой рабочей силы» замедляется развитие и финансирование множества отраслей. Наиболее значимым направлением является правовое, а именно – нелегальная миграция, которая оказывает влияние на рост правонарушений и преступлений, в особенности бытовой преступности в пределах концентрации нелегальных мигрантов, которые в силу своего незаконного пребывания ограничены в трудоустройстве и, по сути, являются крайне социально незащищенными гражданами.

Как показывает практика, наибольшее число прибывших в Россию приходится на страны ближнего зарубежья, т. е. СНГ.

Например, трудовые потоки из Кыргызстана начались после распада СССР, что было характерно и для иных стран ближнего зарубежья. Условно миграционный процесс можно разделить на несколько этапов.

Первый пришелся на период с 1991 г. по 2000 г., в большей степени из Кыргызстана выезжали этнические русские. Второй этап начинается с 2000 г. по настоящее время и характеризуется трудовой миграцией в силу существующих обстоятельств, которые вынуждали население переезжать в другие страны с целью получения заработка [18, с. 26].

Также следует отметить, что вступление Кыргызстана и других стран в Евразийский экономический союз, несомненно, оказало влияние на усиление миграционных потоков, так как это позволило упростить порядок нахождения на территории России.

В силу сложившихся обстоятельств в 2020 г. и начавшейся пандемии, странами были введены ограничения, что оказало влияние на количество прибывающих лиц. Так на 2020 г. число зарегистрированных мигрантов было меньше на 318 тысяч нежели в 2019 г., о чем свидетельствуют данные МВД Российской Федерации [19].

По данным Федеральной службы государственной статистики РФ за 2023 г. преобладают иммиграционные потоки из Таджикистана (171234 человек), Кыргызстана (54162 человек). Узбекистан из стран СНГ занимает лишь 6-е место [20].

Вторую группу стран с тенденцией увеличения числа мигрантов в Россию составляет Китайская Народная Республика. Статистические данные отражают, что миграционные потоки из Китая уступают странам Центральной Азии, но в контексте отдельных регионов она имеет существенное значение: Дальневосточный – 65%, Центральный – 8%, Северо-Западный – 7%.

Причиной роста миграционных потоков можно выделить:

- улучшение двусторонних отношений между странами;
- переход к рыночной экономике и образование широкого рынка труда;
- отток населения в крупные регионы и, как следствие, потребность в рабочей силе, т.к. именно для Дальневосточного федерального округа характерна высокая потеря трудоспособного населения.

Одним из благоприятных последствий возрастающих миграционных потоков из КНР исследователи считают интеграцию России в Азиатско-Тихоокеанский регион: поскольку Дальний Восток выступает в качестве одного из ключевых направлений экономического развития России, оказание согласованной поддержки мигрантам и стандартизация управления миграционными процессами повлияет на совершенствование стратегического партнерства России и Китая [21, с. 231].

Более подробно следует рассмотреть миграционные потоки в период пандемии, а также после ослабления правил въезда на территорию России. Обуславливается это в первую очередь тем, что пандемия оказала влияние на миграционные процессы в силу того, что Россия, как и многие страны, закрыла границы. В период 2020 г. в России наблюдалось резкое сокращение количество трудовых мигрантов, так и иностранных граждан в целом. Если в 2019 г. в России присутствовало порядка 18 миллионов иностранных граждан, то к 2020 г. их число уменьшилось до 9 млн. Из них 2 миллиона пересекли границу с целью дальнейшего трудоустройства (в 2019 г. – 5 миллионов) и 256 тысяч приехало на учебу (в 2019 г. – 638 тысяч) [22].

Указывая данные по трудовым мигрантам, в первую очередь следует вести речь о странах ближнего зарубежья: Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и т.д.

Так, в 2020 г. на Узбекистан пришелся 1 млн трудовых мигрантов, на Таджикистан 507 тысяч, а на Кыргызстан – 190 тысяч граждан. В 2021 г. в сравнении с 2020 г. число трудовых мигрантов сократилось на 35%, а если сравнить с 2019 г., то на 38%. Такое сокращение связано в первую очередь с тем, что в большинстве отраслей экономики в период пандемии сократились рабочие места. И возникшая безработица стала одним из факторов сокращения потоков мигрантов, в том числе это отразилось и на теневом рынке труда. Еще одним фактором сокращения потоков мигрантов стали введенные правительством России ограничения на въезд.

Органы государственной власти предприняли попытку улучшить положение мигрантов, но в данном случае речь идет только о правовом положении иностранных гражданах, о чем свидетельствует Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и

лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции» [23].

Смягчение порядка пребывания мигрантов на территории России слабо компенсировало понесенные в период 2020–2021 гг. потери экономического характера. Такие отрасли экономики, как строительство, сельское хозяйство, розничная торговля и различные услуги, в которых преобладало использование труда мигрантов, особенно ощутили на себе ослабление миграционных потоков в силу возвращения большинства мигрантов на родину.

В этом смысле пандемия была показательным примером значимости трудовых миграционных потоков и постоянной потребности российского государства в притоке как высококвалифицированных, так и неквалифицированных специалистов для удовлетворения спроса на трудовую силу.

Обсуждение результатов исследования

В научном сообществе обсуждаются различные аспекты внешней миграции в России на современном этапе: основные источники миграционных потоков, экономическая привлекательность, демографические проблемы и механизмы регулирования миграционного потока, социальная адаптация иммигрантов в российском обществе, борьба с нелегальной миграцией.

В условиях современной России экономические и политические факторы оказывают значительное влияние на направления и объемы внешней миграции. Экономическая нестабильность может стать как стимулом, так и препятствием для миграционных потоков. С одной стороны, стабильные экономические условия привлекают рабочую силу, а с другой – экономические трудности могут вынудить людей искать возможности за пределами страны.

На привлечение трудовых иммигрантов из стран бывшего СССР влияют такие социально-экономические факторы, как «оптимизация производства и проблема моногородов, повлекшие перемещения работников, оборудования, структурных подразделений предприятий в другие регионы; развитие крупного бизнеса: федеральных торговых сетей, финансовых учреждений, операторов связи и др., перемещавших в

регионы производственные процессы, структурные подразделения, персонал; локализация производств иностранных компаний в России; рост международных инвестиций в развитие российских компаний; «офшоризация» российской экономики; развитие информационных технологий; смена поколений; пандемия, возможность удалённой работы; геополитические факторы, связанные со стремлением России к формированию многополярного мира» [24].

Политические и правовые факторы, включая законодательство о миграции и международную политику, также играют ключевую роль в формировании миграционных потоков, определяя доступность работы и образования для мигрантов. Так, в статье А. Полешко приведены последние новеллы в нормативных актах, касающиеся изменений в миграционной политике России в 2024–2025 гг., где собраны «важнейшие нововведения и потенциальные изменения, как на федеральном, так и на региональном уровнях» [25].

На сегодняшний день внешняя миграция сопряжена с рядом проблем, отличающихся от прежних лет. Ранее основной акцент делался на необходимость управления потоками неквалифицированной рабочей силы, а в настоящее время всё больше внимания уделяется интеграции высококвалифицированных специалистов и решению вопросов с нелегальной миграцией. Возникают также сложности, связанные с увеличением культурного и языкового барьеров между мигрантами и местным населением, так как «С распадом Советского Союза эффект единой советской идентичности перестал существовать в подавляющем большинстве государств, образовавшихся на постсоветском пространстве» [26, с. 78].

Существующие механизмы регулирования миграции в России обладают множеством недостатков, и их эффективность часто подвергается критике. Для повышения действенности необходимо внедрение более гибких политик, которые учитывают особенности рынка труда и региональные различия. Совершенствование процедур разрешения на работу и усовершенствование мониторинга нелегальной миграции также могут способствовать более эффективному управлению [27].

Влияние миграционных потоков на социально-экономическое развитие российских регионов неравномерно. В ряде регионов мигранты

становятся ключевым элементом рабочей силы, способствуя экономическому росту. Однако другие регионы могут испытывать социальное напряжение из-за недостаточной интеграции мигрантов и конкуренции за рабочие места [28].

Для смягчения демографических вызовов, связанных с миграцией, важно развивать политику социальной интеграции, которая включает языковые курсы и образовательные программы для мигрантов. Учет демографических особенностей регионов поможет разработать более точечные меры поддержки [29].

Международные миграционные тренды существенно влияют на процессы в России. Глобализация и рост миграционных потоков обуславливают необходимость России следовать международным стандартам и практикам в области миграции, чтобы оставаться конкурентоспособной. Так, в своей статье исследователи Н.В. Вологина и С.Н. Погодин отмечают: «Конец XX столетия был обусловлен новым подходом к миграционной политике. Главное внимание было обращено на существующую сегрегацию в таких областях как образование, занятость, жилищная политика, и в целом на борьбу с дискриминацией иммигрантов. Решение этих проблем власти видели в стимулировании самостоятельной активности иммигрантов и вовлечении их в социальную жизнь шведского общества» [30, с. 84]. Интеграция же мигрантов в российское общество варьируется, и на неё влияют факторы, такие как культурные различия, уровень образования и поддержка или её отсутствие со стороны местных властей. Успешная интеграция требует усилий по обе стороны и готовности к диалогу.

Для улучшения восприятия и интеграции мигрантов необходимо внедрение образовательных и культурных инициатив, направленных на взаимопонимание и сотрудничество. Важную роль в этом играют как правительственные программы, так и проекты неправительственных организаций.

Развитие технологий и цифровизация активно меняют процессы управления миграцией, облегчая сбор данных и мониторинг миграционных потоков. Это дает возможность более эффективного управления миграционной политикой, однако требует инвестиций в новые технологические решения и кадровую подготовку.

Международная кооперация является ключевым элементом в решении миграционных вопросов, где Россия могла бы принимать активное участие. Сотрудничество в рамках миграционных соглашений и обмен опытом с другими странами может помочь России в разработке более эффективных стратегий управления.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что Россия активно принимает и использует трудовые ресурсы въезжающих на территорию граждан, в первую очередь из стран СНГ, имеющих основную цель – получение надлежащего уровня заработной платы. В период с 2000 по 2024 гг. тенденции миграционных потоков неоднократно менялись в силу экономических и политических факторов, но, так или иначе, в России одной из ключевых проблем остается проблема регулирования трудовой миграции. От того, в каком направлении будет развиваться миграционная ситуация в стране, и какие цели поставят органы власти при реализации миграционной политики, зависят непосредственно дальнейшие темпы экономической модернизации страны.

Проблема ненадлежащего урегулирования миграционных процессов выступает в качестве одного из ключевых направлений деятельности существующих органов власти, поэтому существует необходимость усовершенствования миграционной политики страны, повышения ее качества. Именно переход к политике активных действий оказывает влияние на регулирование направлений миграционных потоков. Отсутствие систематизации законодательных актов по вопросам миграции, несомненно, приводит к возникновению коллизий в миграционном праве, но также затрудняет ознакомление субъектов с действующим законодательством. Отсутствие концептуальной ясности в миграционной политике приводит к непоследовательности решений государственных органов и понижению миграционной привлекательности России для высококвалифицированных специалистов [31].

Также это оказывает влияние на неспособность сформировать необходимые инструменты для структурирования потока рабочей силы в соответствии с существующим спросом на рынке труда. Управление миграционными процессами и их оптимизация требует надлежащего контроля за потоками иммигрантов [32, С. 25]. Недооценка реально существующих масштабов миграционных процессов возникает именно в

связи с ненадлежащим качеством миграционной статистики, что приводит к трудности формирования концептуальной четкости миграционной политики.

На сегодняшний день перед Россией стоит ряд вызовов, а именно:

- усиливающаяся тенденция незаконной миграции и развитие теневого рынка труда (это можно связать с самой экономической системой России, а также с существующими барьерами правового характера); такая тенденция оказывает негативное влияние на саму культуру трудовых отношений;

- снижение уровня миграционной привлекательности для зарубежных граждан, что является отчасти итогом отсутствия концептуальности и непоследовательности миграционной политики. Де-факто, заявляя о заинтересованности в привлечении мигрантов, де-юре органы власти ужесточают миграционную политику, формируют административные барьеры для легального пребывания на территории;

- существующие антимиграционные настроения в обществе. Видится, что в первую очередь это может быть связано с трудностями в интеграции мигрантов с российское сообщество.

Однако, несмотря на складывающиеся отрицательные условия в демографической области и области трудового рынка, реализуемая политика так или иначе остается крайне противоречивой. Противоречия возникают между теми, кто выступает за формирование либеральной модели привлечения миграционных потоков и теми, кто, наоборот, высказывается о необходимости ужесточения политики миграции [33, с. 70].

Вопрос интеграции мигрантов до сих пор остается открытым, так как важность интеграции мигрантов связана не только с социально-экономическим аспектом, но и непосредственно с национальной безопасностью. Если эту проблему рассматривать с правовой точки зрения, то мигранты в России практически не ограничены в правах, за исключением права избирать и быть избранным, в вопросе легального трудоустройства, так как для этого требуется вид на жительство. Однако, в действительности практика показывает, что мигранты сталкиваются с дискриминацией, и, в некоторой степени, маргинализацией, в силу чего необходимо принимать решения, которые обеспечат права зарубежных граждан, понизят уровень социального исключения и теневой занятости [34].

Нелегальная миграция и, как следствие, теневая занятость – насущная проблема, и как показывает мировой опыт, ужесточение политики миграции государством не уменьшает теневую занятость, а наоборот – ограничивает пути легального трудоустройства зарубежных граждан [33, с. 76.].

В таких условиях следует развивать международное сотрудничество, уделив особое внимание развитию единого рынка труда в пределах ЕАЭС, формированию необходимых институтов, в компетенцию которых будет входить вопрос координации трудовой миграции в рамках Союза. Затрагивая вопрос развития межгосударственного сотрудничества, следует выделить еще одно наиболее перспективное направление: взаимодействие в рамках межгосударственного союза пяти государств – БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР), которое является базисом для создания миграционных потоков между странами такой организации.

Заключение

В результате исследования было выявлено, что на данный момент не существует единого подхода к определению понятий «миграция», «международная миграция», «внешняя миграция». Исследователи вопросов миграции предлагают своё толкование научных и правовых дефиниций. Авторами данной статьи исследована специфика миграционной привлекательности Российской Федерации для граждан стран Центральной Азии и Китая, а также проведен анализ внешней миграции в России: был сделан вывод о том, что миграционные процессы оказывают существенное влияние на экономическое развитие российского государства, его конкурентоспособность на международной арене.

В предложенном исследовании определены пути оптимизации миграционных процессов в России:

- необходимо пересмотреть некоторые параметры внутренней миграционной политики;
- повысить экономический уровень развития наиболее уязвимых регионов;
- усилить межгосударственное сотрудничество со странами постсоветского пространства;

- изучить новые пути развития в вопросах регулирования миграции в рамках межгосударственных объединений.

Проанализированы тенденции внешней миграции, анализ которых показывает, что Россия остается значимой страной назначения для мигрантов, главным образом, из стран СНГ, с устойчивыми потоками трудовой миграции.

Выявлены проблемы в социальной и экономической интеграции мигрантов, что обусловлено как нормативными барьерами, так и социально-культурными различиями.

Исследование обнаружило как сильные, так и слабые стороны существующих нормативных механизмов регулирования миграцией, выделив необходимость их пересмотра для повышения адаптивности и эффективности.

Таким образом, современное развитие в области управления миграцией в России нуждается в реформировании и оптимизации государственных механизмов, также необходимо совершенствовать статистический учёт миграционных потоков, так как актуальная структура управления миграционными процессами в настоящее время показывает недостаточную эффективность в их регулировании. В процессе разработки государственных миграционных стратегий важен учет общественных потребностей. В настоящее время требуется усиление привлекательности России для наиболее образованных мигрантов, что будет способствовать нормализации экономической и демографической сферы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ, 2003. 239 с.
2. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. М.: Экон-Информ, 2017. 234 с.
3. Устав Международной организации по миграции // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608397454> (дата обращения: 22.10.2024).
4. Мелихова Н. В. Моделирование влияния социально-экономических факторов на формирование трудовых ресурсов региона: автореф... дис. кан. эконом. наук. М.: 2006. [эл. доступ]. URL: <https://www.dissercat.com/content/modelirovanie-vliyaniya-sotsialno-ekonomicheskikh-faktorov-na-formirovanie-tudovykh-resurso/read> (дата обращения: 23.10.2024).
5. Сабетова Т. В. Факторы миграционной привлекательности стран и регионов // Образование, наука и производство. 2014. № 4 (9). С. 36–40.
6. Баринаева В.А., Земцов С.П., Зинов В.Г., Кидяева В.М., Красносельских А.Н., Куракова Н.Г., Семенова Р.И., Федотов И.В., Халимова С.Р., Хафизов Р.Р., Царева

- Ю.В. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». 2020 / под ред. С.П. Земцова М.: РАНХиГС, АИРР, 2020. 119 с.
7. Баринаева В.А., Земцов С.П. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92–116.
 8. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // ГАРАНТ. Информационно-правовое обеспечение: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72092260/> (дата обращения: 12.10.2024).
 9. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. 245 с.
 10. Конвенция Международной организации труда № 97 «О трудящихся-мигрантах» // ГАРАНТ. Информационно-правовое обеспечение: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/2541192/?ysclid=lenemvx1rc512538952> (дата обращения: 14.10.2024).
 11. Прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. 30 сентября 2024 // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskog_o_razvitiya/materials.html (дата обращения: 03.11.2024).
 12. Житин Д.В. Методологические основы управления миграционными процессами // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. № 1. С. 117–128.
 13. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы от 12 мая 2023 г // ГАРАНТ. Информационно-правовое обеспечение: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/72092260/#block_1000 (дата обращения: 16.10.2024).
 14. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о порядке пребывания граждан Российской Федерации на территории Республики Казахстан и граждан Республики Казахстан на территории Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902357735> (дата обращения: 16.10.2024).
 15. Рудакова О.В., Баранов А.С. Россия на мировом рынке труда // Территория науки. 2013. № 2. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-na-mirovom-rynke-truda> (дата обращения: 30.09.2024).
 16. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве: [монография] / Л. Л. Рыбаковский и др.; под ред. Л. Л. Рыбаковского; Российская акад. наук, Ин-т социально-политических исслед. Москва: Academia, 2009. 431 с.
 17. Ломская Т. Приток мигрантов в Россию достиг исторического минимума. Страна становится менее привлекательной для жителей СНГ. 08.04.2019 // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/08/798624-chislo-migrantov-rossii> (дата обращения: 29.09.2024).
 18. Мамырканов М.А. Внешняя трудовая миграция Кыргызстана в Российскую Федерацию (особенности и последствия): дис. ... канд. социол. наук. 22.00.04. Бишкек.: Национальный университет. 2015. 190 с.
 19. Официальная статистика. Ежемесячные оперативные данные по миграции населения: число прибывших и число выбывших // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 30.09.2024).
 20. Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 12.11.2024).

21. Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. университет, 2009. 412 с.
22. Официальная статистика за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 30.09.2024).
23. Указ Президента РФ от 18.04.2020 N 274 (ред. от 02.01.2021) «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350638/ (дата обращения: 30.09.2024).
24. Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В. Релокация как социально-экономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 97–123.
25. Полешко А. Изменения в миграционной политике РФ в 2024–2025 годах. 16.10.2024 // MIGRON миграционное агентство: [сайт]. URL: <https://migron.ru/stati/izmeneniya-migratsionnaya-politika-rf-2024-2025/> (дата обращения: 23.10.2024).
26. Любина Д.Е., Саблина М.А., Кучумова Е.В. Теоретические подходы к изучению этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // Россия в глобальном мире. 2020. № 16 (39)–17 (40). С. 69–85.
27. Воронина Н.А. Правовые механизмы защиты прав мигрантов в Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3 (55). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-mehanizmy-zaschity-prav-migrantov-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 03.11.2024).
28. Аржаев Ф.И., Андрюхин В.Ю. Вклад миграционных потоков из стран СНГ в экономический рост России на современном этапе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-migratsionnyh-potokov-iz-stran-sng-v-ekonomicheskij-rost-rossii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 03.11.2024).
29. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20. № 1. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-migrantov-vyzovy-politika-sotsialnye-praktiki> (дата обращения: 17.10.2024).
30. Вологина Н.В., Погодин С.Н. Причины межкультурных конфликтов и адаптация иммигрантов в Швеции // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 84–96.
31. Прудников А.С. Некоторые направления по совершенствованию правового регулирования в сфере внешней трудовой миграции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 192–195.
32. Тюркин М.Л. Миграционная система России: концептуальные организационно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. 543 с.
33. Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски: [сб. статей] / [отв. ред. Ал. А. Громыко]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук, Ин-т лингвоцивилизационных и миграционных процессов при фонде «Русский мир». М.: ИЕ РАН, 2020. 188 с.
34. Миграция и национальная безопасность. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс, 2003. Вып. 11. 148 с.

REFERENCES

1. Rybakovskiy L.L. Migratsiya naseleniya (voprosy teorii) [Population Migration (Issues of Theory)]. M.: ISPI, 2003. 239 p. (In Russian).
2. Rybakovskiy L.L. Istoriya i teoriya migratsii naseleniya Kn. 2. Migratsiya naseleniya: yavleniye, ponyatiye, determinanty. [History and Theory of Population Migration. Book 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, Determinants]. M.: Ekon-Inform, 2017. 234 p. (In Russian).
3. Ustav Mezhdunarodnoy organizatsii po migratsii [Constitution of the International Organization for Migration]. *Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. Available at <https://docs.cntd.ru/document/608397454> (access: 22.10.2024). (In Russian).
4. Melikhova N.V. Modelirovanie vliyaniya sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na formirovanie trudovykh resursov regiona. [Modeling the Impact of Socio-Economic Factors on the Formation of the Labor Resources of the Region]: avtoref... dis. kan. ekonom. nauk. M.: 2006. Available at <https://www.dissercat.com/content/modelirovanie-vliyaniya-sotsialno-ekonomicheskikh-faktorov-na-formirovanie-trudovykh-resurso/read> (access: 23.10.2024). (In Russian).
5. Sabetova T.V. Faktory migratsionnoy privlekatelnosti stran i regionov [Factors of Migration Attractiveness of Countries and Regions]. *Obrazovaniye, nauka i proizvodstvo*. 2014. № 4 (9). P. 36–40. (In Russian).
6. Barinova V.A., Zemcov S.P., Zinov V.G., Kidjaeva V.M., Krasnosel'skih A.N., Kurakova N.G., Semenova R.I., Fedotov I.V., Halimova S.R., Hafizov R.R., Careva Ju.V. Nacional'nyj doklad «Vysokotekhnologichnyj biznes v regionah Rossii» [National Report "High-Tech Business in Russia's Regions"]. 2020 / pod red. S.P. Zemcova M.: RANHiGS, AIRR, 2020. 119 p. (In Russian).
7. Barinova V.A., Zemtsov S.P. Predprinimatelstvo i instituty: yest li svyaz na regionalnom urovne v Rossii [Entrepreneurship and Institutions: Is There a Connection at the Regional Level in Russia]. *Voprosy ekonomiki*. 2018. № 6. P.92–116. (In Russian).
8. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.10.2018. № 622 «O Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019–2025 gody» [Decree of the President of the Russian Federation of 31.10.2018. No. 622 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025"]. *GARANT. Informacionno-pravovoe obespechenie*. Available at <https://base.garant.ru/72092260/> (access: 12.10.2024). (In Russian).
9. Migranty, migrantofobii i migracionnaya politika [Migrants, Migrantophobia, and Migration Policy]. Otv. red. V.I. Mukomel'. M.: NP "Central'nyj Dom advokata", Moskovskoe bjuro po pravam cheloveka, "Academia", 2014. 245 p. (In Russian).
10. Konventsiya Mezhdunarodnoy organizatsii truda № 97 «O trudyashchikhsya-migrantakh» [Convention of the International Labour Organization No. 97 "On Migrant Workers"]. *GARANT. Informacionno-pravovoe obespechenie*. Available at <https://base.garant.ru/2541192/?ysclid=lenemvxlrc512538952> (access: 14.10.2024). (In Russian).
11. Prognoz sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na 2025 god i na planovyy period 2026 i 2027 godov. 30 sentyabrya 2024 [Forecast of the Socio-Economic Development of the Russian Federation for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027. September 30, 2024]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii*. Available at https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/materials.html (access: 03.11.2024). (In Russian).

12. Zhitin D.V. Metodologicheskiye osnovy upravleniya migratsionnymi protsessami. [Methodological Foundations of Migration Process Management]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2012. № 1. P. 117–128. (In Russian).
13. Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019–2025 gody ot 12 maya 2023 g. [Concepts of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025 from May 12, 2023]. *GARANT. Informacionno-pravovoe obespechenie*. Available at https://base.garant.ru/72092260/#block_1000 (access: 16.10.2024). (In Russian).
14. Soglasheniye mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Kazakhstan o poryadke prebyvaniya grazhdan Rossiyskoy Federatsii na territorii Respubliki Kazakhstan i grazhdan Respubliki Kazakhstan na territorii Rossiyskoy Federatsii [Agreement between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the Procedure for the Stay of Citizens of the Russian Federation on the Territory of the Republic of Kazakhstan and Citizens of the Republic of Kazakhstan on the Territory of the Russian Federation]. *Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. Available at <https://docs.cntd.ru/document/902357735> (access: 16.10.2024). (In Russian).
15. Rudakova O.V., Baranov A.S. Rossiya na mirovom rynke truda [Russia in the Global Labor Market]. *Territoriya nauki*. 2013. № 2. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-na-mirovom-rynke-truda> (access: 30.09.2024). (In Russian).
16. Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetском prostranstve [Transformation of Migration Processes in the Post-Soviet Space]. [monografiya]. L.L. Rybakovskiy i dr.; pod red. L.L. Rybakovskogo; Rossiyskaya akad. nauk, In-t sotsial'no-politicheskikh issled. Moskva: Academia, 2009. 431 p. (In Russian).
17. Lomskaya T. Pritok migrantov v Rossiyu dostig istoricheskogo minimuma. Strana stanovitsya meneye privlekatelnoy dlya zhiteley SNG [The Influx of Migrants to Russia Has Reached a Historical Minimum. The Country Is Becoming Less Attractive to Residents of the CIS]. *Vedomosti*. Available at <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/08/798624-chislo-migrantov-rossii> (access: 29.09.2024). (In Russian).
18. Mamyrganov M.A. Vneshnyaya trudovaya migratsiya Kyrgyzstana v Rossiyskuyu Federatsiyu (osobennosti i posledstviya) [External Labor Migration of Kyrgyzstan to the Russian Federation (Characteristics and Consequences)]: dis. ... kand. sotsiol. nauk. 22.00.04. Bishkek.: Natsionalnyy universitet. 2015. 190 p. (In Russian).
19. Ofitsialnaya statistika. Yezhemesyachnyye operativnyye dannyye po migratsii naseleniya: chislo pribyvshikh i chislo vybyvshikh [Official Statistics. Monthly Operative Data on Population Migration: Number of Arrivals and Departures]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*. Available at <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (access:30.09.2024). (In Russian).
20. Chislennost i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii [Population Size and Migration of the Russian Federation]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*. Available at <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (access:12.11.2024). (In Russian).
21. Ponkratova L.A., Zabijako A.P., Kobyzov R.A. Russkie i kitajcy: jetnomigracionnyye processy na Dal'nem Vostoke [Russians and Chinese: Ethno-Migration Processes in the Far East]. Pod red. A.P. Zabijako. Blagoveshensk: Amurskij gos. universitet, 2009. 412 p. (In Russian).

- 22.** Ofitsialnaya statistika za 2020 god [Official Statistics for the Year 2020]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki*. Available at <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (access: 30.09.2024). (In Russian).
- 23.** Ukaz Prezidenta RF ot 18.04.2020 N 274 (red. ot 02.01.2021) «O vremennykh merakh po uregulirovaniyu pravovogo polozheniya inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii v svyazi s ugrozoy dal'neyshego rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)» [Decree of the President of the Russian Federation No. 274 dated 04/18/2020 (as amended on 01/02/2021) "On Temporary Measures to Regulate the Legal Status of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation in Connection with the Threat of Further Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19)"]. *Konsultant Plus*. Available at https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350638/ (access: 30.09.2024). (In Russian).
- 24.** Belosludtsev A.N., Dzyuba Ye.V. Relokatsiya kak sotsialno-ekonomicheskiy i pravovoy institut [Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution]. *Rossiya v globalnom mire*. 2023. T. 26. Vyp. 2. P. 97–123. (In Russian).
- 25.** Poleshko A. Izmeneniya v migratsionnoy politike RF v 2024–2025 godakh [Changes in the Migration Policy of the Russian Federation in 2024–2025]. 16.10.2024. *MIGRON migratsionnoye agentstvo*. Available at <https://migron.ru/stati/izmeneniya-migratsionnaya-politika-rf-2024-2025/> (access: 23.10.2024). (In Russian).
- 26.** Lyubina D.Ye., Sablina M.A., Kuchumova Ye.V. Teoreticheskiye podkhody k izucheniyu etnopoliticheskikh konfliktov na postsovetском prostranstve [Theoretical Approaches to the Study of Ethnopolitical Conflicts in the Post-Soviet Space]. *Rossiya v globalnom mire*. 2020. № 16 (39)–17 (40). P. 69–85. (In Russian).
- 27.** Voronina N.A. Pravovyye mekhanizmy zashchity prav migrantov v Rossiyskoy Federatsii [Legal Mechanisms for Protecting the Rights of Migrants in the Russian Federation]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2016. № 3 (55). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-mekhanizmy-zaschity-prav-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii> (access: 03.11.2024). (In Russian).
- 28.** Arzhayev F. I., Andryukhin V. Yu. Vklad migratsionnykh potokov iz stran SNG v ekonomicheskiy rost Rossii na sovremennom etape [Contribution of Migration Flows from CIS Countries to Russia's Economic Growth at the Modern Stage]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i socialnye peremeny*. 2023. № 4. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-migratsionnykh-potokov-iz-stran-sng-v-ekonomicheskiy-rost-rossii-na-sovremennom-etape> (access: 03.11.2024). (In Russian).
- 29.** Mukomel V.I. Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsialnyye praktiki [Integration of Migrants: Challenges, Policy, Social Practices]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. Migratsiya i natsionalnaya bezopasnost [Migration and National Security]. *Nauchnaya seriya: Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir*. Gl. red. V.A. Iontsev. M.: MAKS-Press, 2003. Vyp. 11. 148 p. (In Russian).
- 30.** Vologina N.V., Pogodin S.N. Prichiny mezhkulturnykh konfliktov i adaptatsiya immigrantov v Shvetsii [Causes of Intercultural Conflicts and Immigrant Adaptation in Sweden]. *Rossiya v globalnom mire*. 2023. T. 26. Vyp. 2. P. 84–96. (In Russian).
- 31.** Prudnikov A.S. Nekotoryye napravleniya po sovershenstvovaniyu pravovogo regulirovaniya v sfere vneshney trudovoy migratsii [Some Directions for Improving Legal Regulation in the Field of External Labor Migration]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2022. № 3. P. 192–195. (In Russian).

32. Tyurkin M.L. Migratsionnaya sistema Rossii: kontseptualnyye organizatsionno-pravovyye osnovy [Migration System of Russia: Conceptual Organizational and Legal Foundations]: dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva, 2010. 543 p. (In Russian).

33. Upravleniye migratsiyey i modeli migratsionnoy politiki: vozmozhnosti i riski [Migration Management and Models of Migration Policy: Opportunities and Risks]: [sb. statey]. [otv. red. Al. A. Gromyko]; Federalnoye gos. byudzhethnoye uchrezhdeniye nauki In-t Yevropy Rossiyskoy akad. nauk, In-t lingvotsivilizatsionnykh i migratsionnykh protsessov pri fonde «Russkiy mir». M.: IE RAN, 2020. 188 p. (In Russian).

34. Migratsiya i natsionalnaya bezopasnost [Migration and National Security]. *Nauchnaya seriya: Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir*. Gl. red. V.A. Iontsev. M.: MAKS-Press, 2003. Vyp. 11. 148 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Кучумова Екатерина Валентиновна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: kuchumova_ev@spbstu.ru

Гафаров Мидхат Сеидахмет оглы – доктор юридических наук, профессор юридического факультета. Бакинский Государственный Университет.

E-mail: msqafarov@mail.ru

Саблина Марина Александровна – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: sablina_ma@spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Kuchumova Ekaterina V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: kuchumova_ev@spbstu.ru

Gafarov Midhat S. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Faculty of Law. Baku State University.

E-mail: msqafarov@mail.ru

Sablina Marina A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: sablina_ma@spbstu.ru

Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024.
Одобрена после рецензирования 20.11.2024.
Принята 24.11.2024.

Received 08.11.2024.
Approved after reviewing 20.11.2024.
Accepted 24.11.2024.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.9

Электронное участие (e-participation) как область исследований: библиометрический анализ

Болгов Радомир Викторович ✉
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ rbolgov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4663-8072>

Аннотация. Исследование направлено на содействие лучшему пониманию литературы в области электронного участия (e-participation), демонстрации возможности использования программного обеспечения, предназначенного для автоматизированной обработки информационных массивов, загружаемых из библиографических баз данных, в целях наукометрического анализа такой сложной междисциплинарной области исследований, как электронное участие. Проведен описательный анализ публикаций и авторов, чтобы определить области знаний, в которых задействована концепция электронного участия; проанализирована концептуальная структура исследовательской области с помощью инструментов библиометрии, что позволяет создать карту важнейших изучаемых тем. На этом основании автором предлагаются будущие направления исследований. Всего проанализировано 1946 публикаций из базы цитирования Scopus за период 1968-2022 гг. Полученные результаты указали на возможность эффективного использования функционала программного обеспечения для анализа междисциплинарных тенденций в мировой науке. Автор приходит к выводу, что данная область исследований достигла точки «зрелости». Количество публикаций растет, но не такими взрывными темпами, как это было 10-15 лет назад. Появляются новые журналы, растут их кварталы, снижается доля публикаций материалов конференций (с ростом количества журнальных статей), что свидетельствует о росте качества исследований.

Ключевые слова: политическое управление; электронное участие; библиометрический анализ; область исследования; цифровизация

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Для цитирования: Болгов Р.В. Электронное участие (e-participation) как область исследований: библиометрический анализ // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. № 4. С. 164–180. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.9.

© Болгов Р.В., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.9

E-participation as a Research Area: A Bibliometric Analysis

Radomir V. Bolgov ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉ rbolgov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4663-8072>

Abstract. *The study aims to promote a better understanding of the literature in the field of e-participation, as well as to demonstrate the possibility of using software designed for automated processing of information arrays downloaded from bibliographic databases for scientometric analysis of such a complex interdisciplinary research area as e-participation. A descriptive analysis of publications and authors was conducted to identify the areas of knowledge in which the concept of e-participation is involved; the conceptual structure of the research area was analyzed using bibliometric tools, which allows creating a map of the most important topics studied. Based on this, the author suggests future research directions. A total of 1946 publications from the Scopus citation database for the period 1968–2022 were analyzed. The results indicated the possibility of effectively using the functionality of the software for analyzing interdisciplinary trends in world science. The author concludes that this research area has reached the point of "maturity". The number of publications is growing, but not at such an explosive rate as it was 10-15 years ago. New journals are appearing, their quartiles are growing, the share of publications of conference proceedings is decreasing (with an increase in the number of journal articles), which indicates an increase in the quality of research.*

Keywords: political governance; e-participation; bibliometric analysis; research area; digitalization

Funding: The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00364 “Institutional Transformation of E-Participation Governance in Russia: a Study of Regional Peculiarities” (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>)

For citation: Bolgov, R.V. E-participation as a Research Area: A Bibliometric Analysis. *Russia in the Global World*. 2024. T. 27. Iss. 4. P. 164–180. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.9.

© Bolgov, R.V., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Введение

С 1990-х годов исследователи стали более подробно изучать роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обсуждении политических вопросов и принятии решений. С начала 2000-х годов стало появляться больше исследований, посвященных в основном способам

использования интернет-технологий и сервисов электронного участия в системе управления и критериям оценки успешности их внедрения. С начала 2010-х годов появился огромный массив работ, направленных на изучение практик использования социальных сетей и их преимуществ для взаимодействия граждан с государством. Однако стоит отметить, что развитие области исследований электронного участия через социальные сети было медленным, поскольку многие эмпирические результаты были опубликованы только после 2012 года. Кроме того, многие исследования социальных сетей были связаны с областями электронного правительства и электронной демократии, а не с электронным участием.

В литературе по электронному участию, во-первых, большинство исследований рассматривают данный феномен как вертикальную коммуникацию, поскольку акцент делается на взаимодействии политиков с гражданами и преимуществах, которые ИКТ приносят политическим субъектам, вовлеченным в различные процессы политической системы (электронное голосование, электронная кампания). Второй момент связан с тем, что сфера электронного участия в основном сосредоточена на политическом процессе и редко охватывает исследования гражданской активности в проектах электронного участия, инициированных и управляемых правительством. Более того, наблюдается отсутствие работ, посвященных именно изучению способов и инициатив вовлечения граждан в процессы разработки государственной политики и принятия политических решений, поскольку на практике электронное участие выступает в первую очередь как метод односторонней коммуникации, а не как инструмент, позволяющий гражданам де-факто участвовать в таких процессах.

В последние годы было предпринято несколько попыток библиометрического анализа электронного управления и электронного участия. Так, стоит упомянуть работы М. Виммер и С. Шерер [1], Д. Корралеса-Гарая и соавторов [2], Д. Равшеля и соавторов [3], а также А. Чугунова, Ф. Кронбергера и Ю. Кабанова [4].

Настоящее исследование призвано способствовать лучшему пониманию литературы в области электронного участия тремя способами. Во-первых, автор проводит описательный анализ статей и авторов, чтобы определить области знаний, в которых задействована концепция

электронного участия. Во-вторых, проанализирована концептуальная структура исследовательской области с помощью библиометрического анализа, который позволяет создать карту важнейших изучаемых тем. В-третьих, мы предлагаем будущие направления исследований. Основная цель предлагаемой публикации – продемонстрировать возможности использования программного обеспечения, предназначенного для автоматизированной обработки информационных массивов, загружаемых из библиографических баз данных, для наукометрического анализа такой сложной междисциплинарной области исследований, как электронное участие (e-participation).

Исследовательский подход

Мы соглашались с И. Зупичем и Т. Чатером [5], согласно которым стандартный процесс библиометрического анализа включает в себя пять этапов (планирование исследования, сбор данных, анализ данных, визуализация данных и интерпретация).

1. Планирование исследования: выбор библиографической базы данных для сбора данных (Scopus).

Всего мы нашли 1946 публикаций за период 1968–2022 гг. при следующем поиске:

KEY ("electronic participation" OR "e-participation" OR "digital participation" OR "virtual participation" OR "e-democracy" OR "electronic democracy") OR TITLE-ABS-KEY ("digital democracy" OR "virtual democracy" OR "participatory democracy").

2. Сбор данных включал:

- поиск в Scopus на основе выбранной стратегии поиска.
- экспорт полученных библиографических записей в форматы Plain Text и Bib;
- загрузка сборника (Plain Text) на Biblioshiny [6];
- экспорт коллекции из Biblioshiny в файл Excel;
- импорт той же коллекции в формате Bib в Mendeley для просмотра.

3. Анализ данных включал в себя:

3.1. автоматическую проверку на дублирование (как в библиотеке Mendeley, так и в файле Excel, экспортированном из Biblioshiny);

3.2. проверку заголовков, рефератов и ключевых слов каждой записи в Mendeley, удаление ненужных записей в Mendeley и Excel, как описано ниже. Следуя подходу Lan & Anders [7], мы исключили анализ обзоров, редакционных статей и предисловий, поскольку они отражали весьма ограниченный взгляд на рассматриваемую тему.

Следуя Деккеру и Беккерсу [8], мы выбрали набор критериев включения статей в корпус:

- Английский язык, Рецензируемые статьи.
- Оригинальные исследования (эмпирические и теоретические исследования; за исключением редакционных статей, обзоров, превью, предисловий и т. д.)
- Соответствие вопросам исследования. Были исключены статьи, которые:
 - а) не касаются электронного участия;
 - б) рассматривают неполитические темы электронного участия (искусство, культура и т. д.);
 - в) обращаются к другому контексту (например, здравоохранению, образованию или частному сектору).

3.3. очистку авторских ключевых слов итогового корпуса в Excel:

После очистки ключевых слов в Mendeley и удаления дубликатов мы отобрали 1265 публикаций.

После очистки ключевых слов в Bibloishiny и удаления дубликатов мы получили 1220 публикаций.

3.4. загрузку итоговой коллекции (Excel) на Bibloishiny и проведение различных библиометрических операций (например, расчет основных библиометрических показателей, выявление наиболее продуктивных авторов и др.);

3.5. анализ сети совместного появления ключевых слов, анализ сети коллаборации авторов.

4. Визуализация данных осуществлялась с использованием функционала Biblioshiny и VOSviewer; использовались графики Excel (например, для визуализации годовой научной продукции и частотного распределения областей исследований).

5. Качественная интерпретация результатов направлена на определение ключевых направлений исследований, тем и отношений между авторами в исследованиях электронного участия. Это позволяет обнаружить значимые пробелы в этой области исследований, обнаружить параллели в различных исследованиях и представить предложения для будущих исследований.

Интерпретация результатов

Автором проанализированы ведущие области знаний, журналы («источники»), организации, авторы (исследователи), представленные страны, финансирующие организации и темы.

Согласно полученным данным, доминирующей областью знаний являются социальные науки (1813 статей), за ними следуют информатика (466 статей) и гуманитарные науки и искусства (301). Следует отметить, что рост публикаций, начавшийся в 2000-е годы, в последние годы стабилизировался (120–150 публикаций в год) (рис. 1). Мы видим, что эта область исследований достигла точки «зрелости». Количество публикаций не более, чем 10–15 лет назад.

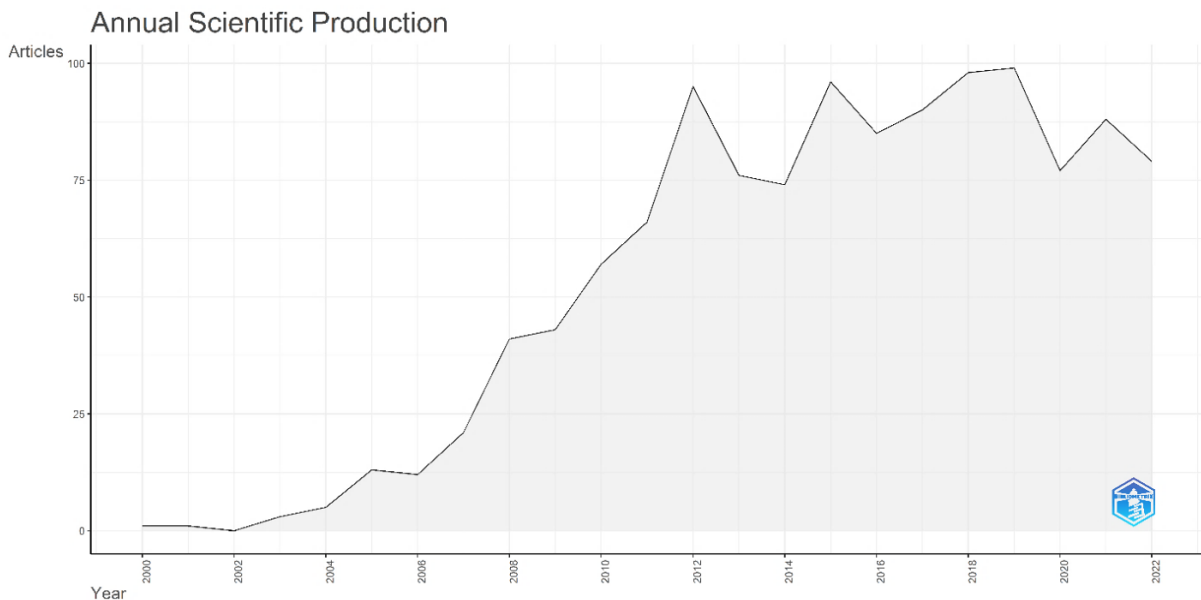

Рис. 1. Публикационная активность, по годам

Журналами (в терминах Scopus «источники») с наибольшим количеством статей в этой области являются Government Information Quarterly, International Journal of Electronic Governance, E-journal of E-democracy and Open Government, Information Communication and Society,

Information Polity (рис. 2). Появляются новые журналы, растут их квантили, снижается доля публикаций материалов конференций (одновременно с ростом количества журнальных статей), что свидетельствует о росте качества исследований.

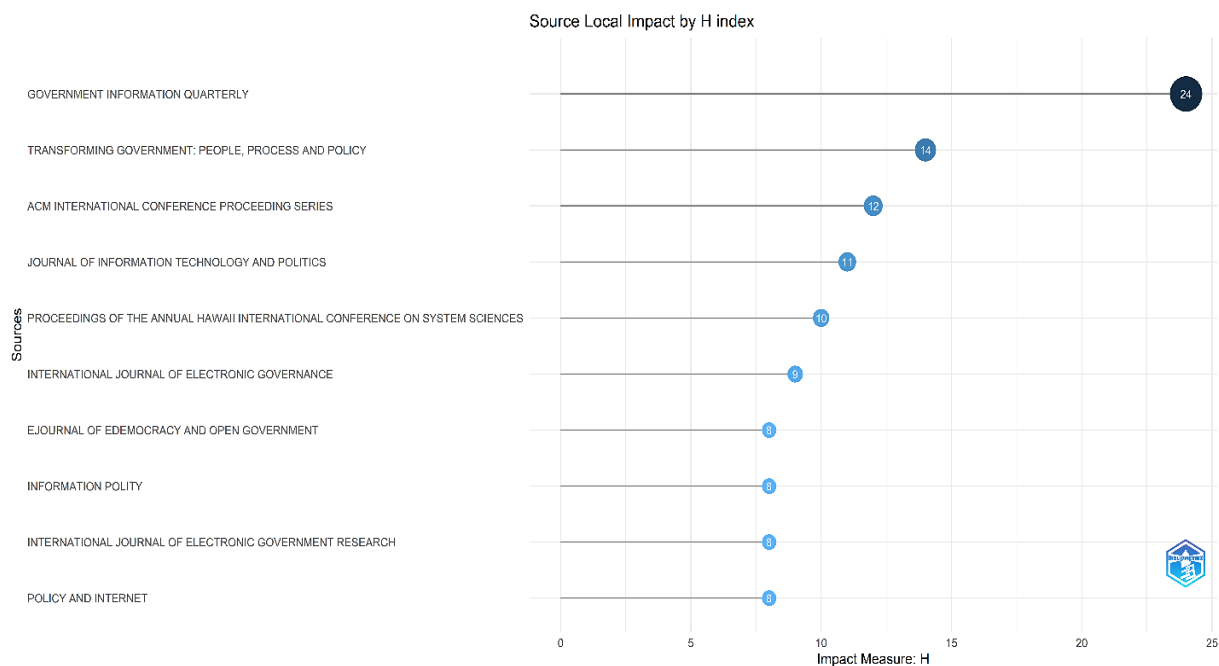

Рис. 2. Наиболее продуктивные издания

Проанализированы составы авторских коллективов, показаны несколько групп наиболее продуктивных авторов, в некоторой степени изолированных друг от друга (рис. 3).

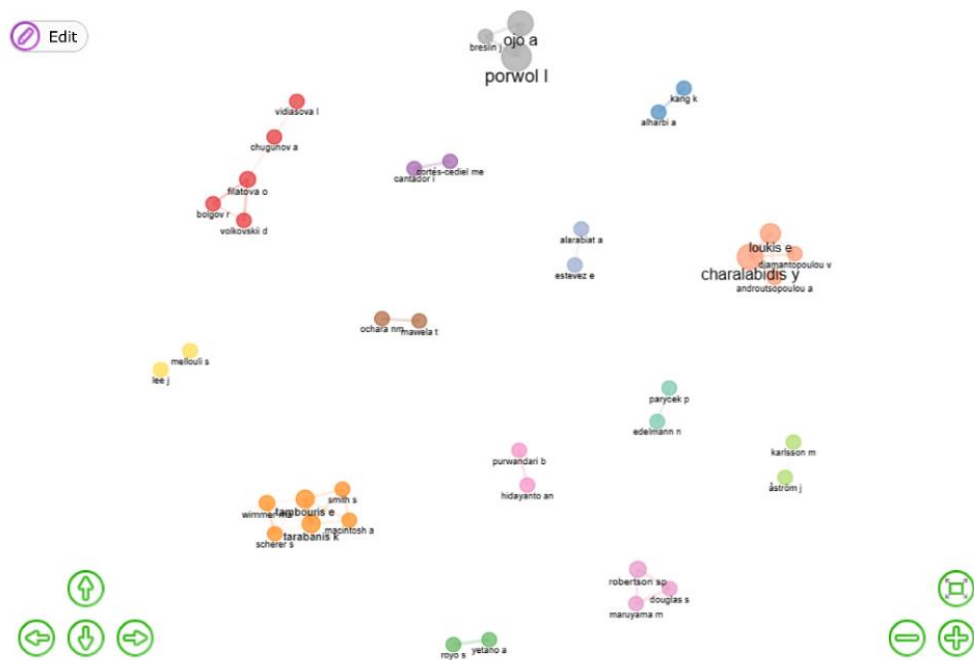

Рис. 3. Сеть совместного появления авторов

Основные темы – партиципаторная демократия (386 статей), демократия (346 статей), электронная демократия (304), электронное участие (283). Основными финансирующими организациями являются структуры ЕС (Европейская комиссия, Седьмая рамочная программа, Horizon 2020). Наиболее продуктивными странами являются США (500), Великобритания (282), Испания (142) и Бразилия (100).

В частности, автором публикации проанализировано как термины соотносятся и используются вместе (рис.4). Наиболее распространенными терминами были «участие», «онлайн», «гражданин» и «умный город». Можно отметить, что ученые фокусируются преимущественно на национальных кейсах и платформах, а также на перспективах и технологиях. Это означает, что в настоящее время в исследованиях электронного участия доминирует институциональный подход. «Участие» является крупнейшим узлом в сети, за ним следуют «онлайн», «гражданин» и «умный город» (рис.4). Мы видим несколько сегментов сети. Например, «красный» сегмент показывает одновременное появление слов «электронное участие», «электронное правительство», «социальные сети» и «общественность», что указывает на центральную роль правительства и социальных сетей в электронном участии [9]. «Синий» сегмент показывает одновременное появление слов «умный», «город»,

Мы видим, что электронное участие – это область, которая включает в себя множество сфер и широкий спектр методов.

Первый этап исследования показал, что существуют значительные пробелы в области изучения эффектов электронного участия. Данная тема недостаточно представлена в литературе. Его исследование сталкивается с такими проблемами, как отсутствие общепринятого определения электронного участия и сложность количественной оценки последствий электронного участия. Зачастую трудно понять, что является причиной/фактором, а что является следствием электронного участия. Различные авторы показывают, что одно и то же явление (например, открытые данные) может быть как драйвером [10], так и эффектом электронного участия [11]. Кроме того, эффекты электронного участия не всегда положительны, а некоторые исследования демонстрируют его негативные последствия [10]. Остается неясным, может ли электронное участие изменить правительственные институты и политическую практику.

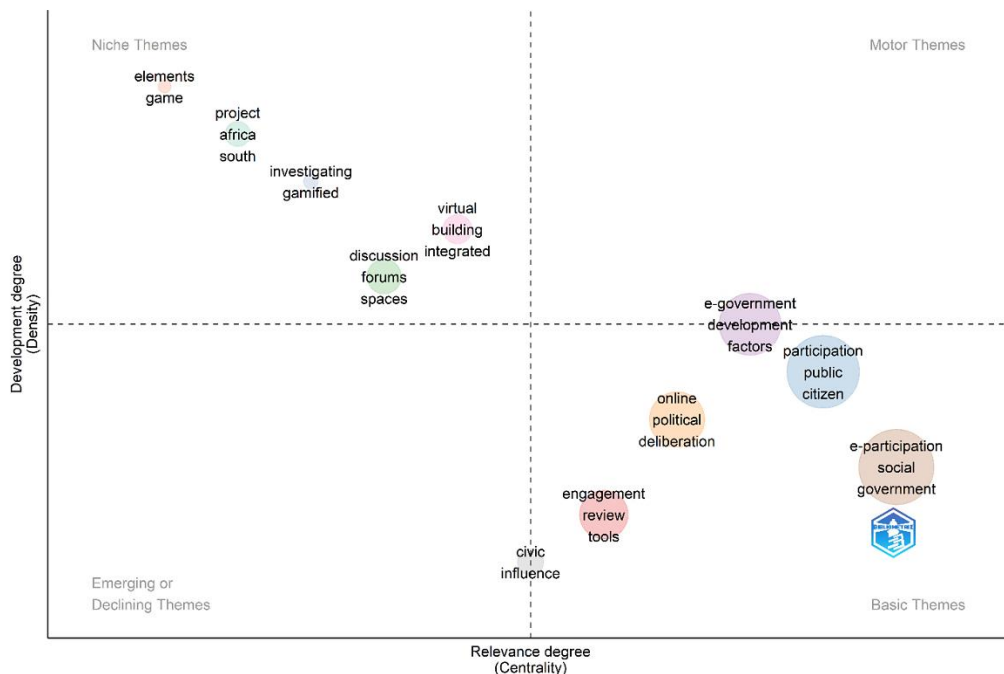

Рис. 5. Тематическая карта

Второй этап исследования, касающийся эффектов электронного участия, включал работу с существующим набором данных путем

создания соответствующих фильтров: эффект, воздействие, влияние, взаимосвязь, корреляция, результат, последствие, (как) фактор, (как) движущая сила, детерминанта, показатель.

Исследования эффектов электронного участия можно разделить на несколько групп: исследования политических и правовых основ; исследования по использованию инструментов электронного участия; изучение возможностей инструментов оценки эффективности электронного участия; исследование опыта государств на муниципальном, региональном и национальном уровнях, а также сравнительные исследования. Ряд исследований, изучающих влияние электронного участия, сосредоточен на национальных примерах, анализируя опыт стран с разным уровнем экономического развития и демократии.

Таблица 1

Исследования эффектов электронного участия

Эффект	Публикации
Рост/снижение коррупции	Lee K., Choi S.O., Kim J., Jung M. [12]
Увеличение/снижение уровня преступности	Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N. [13]
Снижение уровня теневой экономики	Sacchi A., Santolini R., Schneider F. [14]
Устойчивое развитие и экономический рост	Aradeh O., Van Belle J. P., Budree A. [15]
Расширение прав и возможностей граждан	Zolotov M.N., Oliveira T., Casteleyn S. [16]
Вовлечение граждан в политический процесс	Porwol L., Ojo A., Breslin J. [17]
Влияние на качество политических решений	Porwol L., Ojo A., Breslin J. [18]
Повышение качества законодательства	Jukic T., Vintar M. [19]
Повышение открытости правительства	Kumar N., Vragov R. [11]
Расширение возможностей либеральной демократии	Nam T. [20]
Увеличение/снижение доверия к правительству	Xin G., Esembe E.E., Chen J. [21]
Социальные эффекты (т.е. увеличение социальных расходов)	You K.H., Lee J.K., Kang H., Go E. [22]
Эффекты для бизнеса	Pudas R.H. [23]
Влияние на городское управление	Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N. [13]

Исследователи отмечают как положительные, так и отрицательные эффекты электронного участия, такие как (Табл. 1): рост/снижение коррупции, рост/снижение уровня преступности, снижение уровня теневой экономики, устойчивое развитие и экономический рост, расширение прав и

возможностей граждан, вовлечение граждан в политический процесс, влияние на качество политических решений, улучшение качества законодательства, повышение открытости правительства, расширение возможностей либеральной демократии, повышение/снижение доверия к правительству, социальные эффекты (включая увеличение социальных расходов), эффекты для бизнеса и городского управления.

Библиометрическое исследование помогло нам предложить несколько направлений исследования электронного участия, которые следует развивать в будущем. Первое наблюдение – это отсутствие исследований, изучающих стратегию электронного участия и ее качество в кризисных ситуациях. Кроме того, электронное участие не всегда имеет положительные эффекты. Это влияние требует дальнейшего изучения.

Ограничения исследования

Следует отметить, что выбор ключевых слов для поиска определяется нашими первоначальными знаниями в этой области исследований. Этот факт повлиял на полученные результаты (рис. 4). Мы искали данные в Scopus, традиционно используемом для этих целей. В качестве областей исследовательского интереса можно выделить «Авторы», «Ключевые слова», «Заглавия», «Источник» и «Год публикации». Web of Science (WoS) имеет более качественные и разнообразные данные, чем Scopus. Однако преимуществом Scopus является индексация большего количества материалов конференций, а не только журнальных статей, а также большего числа публикаций по социальным и гуманитарным наукам, чем WoS. При этом книги в выборку не включены. Этот факт может некоторым образом повлиять на полученные результаты.

Дискуссия и выводы

Библиометрическое исследование помогло нам предложить несколько направлений исследований электронного участия, которые следует развивать в будущем. Первым заметным наблюдением является отсутствие исследований, изучающих стратегию электронного участия и ее качество в условиях геополитического шока (пандемии, войны, санкций, экологического кризиса и т. д.). Электронное участие ранее изучалось в периоды определенности, но наши библиометрический анализ показал

недостаток теоретических данных и эмпирических исследований электронного участия в кризисных ситуациях. Следующая исследовательская идея заключается в понимании того, что представляет собой электронное участие и какие последствия оно имеет. Лишь в нескольких исследованиях было предложено определение электронного участия и описан его процесс с точки зрения вклада и преимуществ. Однако электронное участие не всегда имеет позитивные эффекты. Это влияние должно быть изучено глубже.

Проведенное исследование продемонстрировало возможности автоматического обнаружения различных моделей публикаций электронного участия. Электронное участие, наряду со смежными направлениями, изучается с позиций разных областей. Полученные результаты указали на возможность эффективного использования функционала программного обеспечения для анализа междисциплинарных тенденций в мировой науке. Используя не совсем репрезентативную выборку, мы обнаружили ряд вопросов, которые могут представлять интерес для дальнейшего изучения.

Можно сделать вывод, что данное направление исследований достигло точки «зрелости». Количество публикаций растет, но не такими взрывными темпами, как это было 10-15 лет назад. Появляются новые журналы, растут их квартили, снижается доля публикаций материалов конференций (с ростом количества журнальных статей), что свидетельствует о росте качества исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Scherer, S., Wimmer, M.A. Trust in E-participation: Literature Review and Emerging Research Needs // Proceedings of the 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '14). ACM, New York, 2014. P. 61–70. <https://doi.org/10.1145/2691195.2691237>.
2. Corrales-Garay, D., Ortiz-de-Urbina-Criado, M., Mora-Valentín, E.-M. Knowledge Areas, Themes and Future Research on Open Data: A Co-Word Analysis // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. Iss. 1. P. 77–87. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.10.008>.
3. Ravšelj, D., Umek, L., Todorovski, L., Aristovnik, A. Review of Digital Era Governance Research in the First Two Decades: A Bibliometric Study // Future Internet. 2022. 14 (5). 126. <https://doi.org/10.3390/fi14050126>.
4. Chugunov, A.V., Cronemberger, F., Kabanov, Y. Contextualizing Smart Governance Research: Literature Review and Scientometrics Analysis // Communications in Computer

- and Information Science. 2018. Vol. 858. P. 102–112. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02843-5_9.
5. Zupic, I., Čater, T. Bibliometric Methods in Management and Organization // *Organizational Research Methods*. 2015. Vol. 18. Iss. 3. P. 429–472. <https://doi.org/10.1177/1094428114562629>.
 6. Aria, M., Cuccurullo, C. Bibliometrix: An R-tool for Comprehensive Science Mapping Analysis // *Journal of Informetrics*. 2017. Vol. 11. Iss. 4. P. 959–975. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2017.08.007>.
 7. Lan, Z., Anders K.A. Paradigmatic View of Contemporary Public Administration Research: An Empirical Test // *Administration & Society*. 2000. Vol. 32. Iss. 2. P. 138–165. <https://doi.org/10.1177/00953990022019380>.
 8. Dekker, R., Bekkers, V. The Contingency of Governments' Responsiveness to the Virtual Public Sphere: A Systematic Literature Review and Meta-Synthesis // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32. Iss. 4. P. 496–505. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.007>.
 9. Bolgov, R., Chernov, I., Katsy, D., Ivannikov, I. Battle in Twitter: Comparative Analysis of Online Political Discourse (cases of Macron, Trump, Putin, and Medvedev) // *Communications in Computer and Information Science*. 2019. Vol. 947. P. 374–383. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13283-5_28.
 10. Bolgov, R., Filatova, O. ICT Support of Open Budget as a Tool to Fight Corruption: Cases of EAEU Countries // *Central and Eastern European eDem and eGov Days 2022. Conference Proceedings*. Austrian Computer Society, ACM, 2022. P. 73–77. <https://doi.org/10.1145/3551504.3551511>.
 11. Kumar, N., Vragov, R. Active Citizen Participation Using ICT Tools // *Communications of the ACM*. 2009. Vol. 52. Iss. 1. P. 118–121. <https://doi.org/10.1145/1435417.1435444>.
 12. Lee, K., Choi, S.O., Kim, J., Jung, M. A Study on the Factors Affecting Decrease in the Government Corruption and Mediating Effects of the Development of ICT and E-Government-A Cross-Country Analysis // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2018. Vol. 4. Iss. 3. <https://doi.org/10.3390/joitmc4030041>.
 13. Bolgov, R., Ermolina, M., Vasilyeva, N. Open Budget Effects for Urban Development: Russia's Cases // *ACM International Conference Proceeding Series. 3rd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia, EGOSE 2016*; St. Petersburg; Russian Federation. 2016. P. 184–188. <https://doi.org/10.1145/3014087.3014116>.
 14. Sacchi, A., Santolini, R., Schneider, F. On the Effects of E-Participation on Shadow Economy: A Worldwide Empirical Analysis // *German Economic Review*. 2022. Vol. 23. Iss. 3. P. 463–491. <https://doi.org/10.1515/ger-2021-0076>.
 15. Aradeh, O., Van Belle, J.P., Budree, A. ICT-Based Participation in Support of Palestinian Refugees' Sustainable Livelihoods: A Local Authority Perspective // *International Conference on Social Implications of Computers in Developing Countries*. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 129–141.
 16. Zolotov, M.N., Oliveira, T., Casteleyn, S. Continued Intention to Use Online Participatory Budgeting: The Effect of Empowerment and Habit // *11th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2018*. P. 209–216. <https://doi.org/10.1145/3209415.3209461>.

17. Mertes, A., Fischer, D., Bruesch, C., Andermatt, K.C. The Perceived Advantages of e-Participation and its Impact on Citizens' Willingness to Engage: Findings from the Canton of Zurich // *Swiss Yearbook of Administrative Sciences*. 2022. 13(1). P. 131–148.
18. Porwol, L., Ojo, A., Breslin, J. Structuring e-Participation Perspectives: Mapping and Aligning Models to Core Facets // *Proceedings of the 14th Annual International Conference on Digital Government Research*. 2013. P. 224–234. <https://doi.org/10.1145/2479724.2479756>.
19. Jukic, T., Vintar, M. E-Voting in Slovenia: The View of Parliamentary Deputies // *Electronic Voting 2006-2nd International Workshop, Co-organized by Council of Europe, ESF TED, IFIP WG 8.6 and E-Voting*. CC. Gesellschaft fur Informatik eV, 2006. P. 237–248.
20. Nam, T. A tool for Liberty or Oppression? A Cross-National Study of the Internet's Influence on Democracy // *Telematics and Informatics*. 2017. Vol. 34. Iss. 5. P. 538–549. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.11.004>.
21. Xin, G., Esembe, E.E., Chen, J. The Mixed Effects of e-Participation on the Dynamic of Trust in Government: Evidence from Cameroon // *Australian Journal of Public Administration*. 2023. Vol. 82. Iss. 1. P. 69–95. <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12569>.
22. You, K.H., Lee, J.K., Kang, H., Go, E. Participatory or Deliberative Democracy? Exploring the Mediation Effects of Perceived Online Deliberation and Online Interactive Activities on Social Outcomes // *Telematics and Informatics*. 2015. Vol. 32. Iss. 2. P. 205–214. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2014.08.004>.
23. Pudas, R.H. An Investigation into E-participation. 2014. [эл. доступ]. URL: https://essay.utwente.nl/66191/1/Pudas_BA_Management%20and%20governance.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

REFERENCES

1. Scherer, S., Wimmer, M.A. Trust in E-participation: Literature Review and Emerging Research Needs. *Proceedings of the 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '14)*. ACM, New York, 2014. P. 61–70. <https://doi.org/10.1145/2691195.2691237>.
2. Corrales-Garay, D., Ortiz-de-Urbina-Criado, M., Mora-Valentín, E.-M. Knowledge Areas, Themes and Future Research on Open Data: A Co-Word Analysis. *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36. Iss. 1. P. 77–87. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.10.008>.
3. Ravšelj, D., Umek, L., Todorovski, L., Aristovnik, A. Review of Digital Era Governance Research in the First Two Decades: A Bibliometric Study. *Future Internet*. 2022. 14 (5). 126. <https://doi.org/10.3390/fi14050126>.
4. Chugunov, A.V., Cronemberger, F., Kabanov, Y. Contextualizing Smart Governance Research: Literature Review and Scientometrics Analysis. *Communications in Computer and Information Science*. 2018. Vol. 858. P. 102–112. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02843-5_9.
5. Zupic, I., Čater, T. Bibliometric Methods in Management and Organization. *Organizational Research Methods*. 2015. Vol. 18. Iss. 3. P. 429–472. <https://doi.org/10.1177/1094428114562629>.
6. Aria, M., Cuccurullo, C. Bibliometrix: An R-tool for Comprehensive Science Mapping Analysis. *Journal of Informetrics*. 2017. Vol. 11. Iss. 4. P. 959–975. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2017.08.007>.

7. Lan, Z., Anders K.A. Paradigmatic View of Contemporary Public Administration Research: An Empirical Test. *Administration & Society*. 2000. Vol. 32. Iss. 2. P. 138–165. <https://doi.org/10.1177/00953990022019380>.
8. Dekker, R., Bekkers, V. The Contingency of Governments' Responsiveness to the Virtual Public Sphere: A Systematic Literature Review and Meta-Synthesis. *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32. Iss. 4. P. 496–505. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.007>.
9. Bolgov, R., Chernov, I., Katsy, D., Ivannikov, I. Battle in Twitter: Comparative Analysis of Online Political Discourse (cases of Macron, Trump, Putin, and Medvedev). *Communications in Computer and Information Science*. 2019. Vol. 947. P. 374–383. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13283-5_28.
10. Bolgov, R., Filatova, O. ICT Support of Open Budget as a Tool to Fight Corruption: Cases of EAEU Countries. *Central and Eastern European eDem and eGov Days 2022. Conference Proceedings*. Austrian Computer Society, ACM, 2022. P. 73–77. <https://doi.org/10.1145/3551504.3551511>.
11. Kumar, N., Vragov, R. Active Citizen Participation Using ICT Tools. *Communications of the ACM*. 2009. Vol. 52. Iss. 1. P. 118–121. <https://doi.org/10.1145/1435417.1435444>.
12. Lee, K., Choi, S.O., Kim, J., Jung, M. A Study on the Factors Affecting Decrease in the Government Corruption and Mediating Effects of the Development of ICT and E-Government-A Cross-Country Analysis. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2018. Vol. 4. Iss. 3. <https://doi.org/10.3390/joitmc4030041>.
13. Bolgov, R., Ermolina, M., Vasilyeva, N. Open Budget Effects for Urban Development: Russia's Cases. *ACM International Conference Proceeding Series*. 3rd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia, EGOSE 2016; St. Petersburg; Russian Federation. 2016. P. 184–188. <https://doi.org/10.1145/3014087.3014116>.
14. Sacchi, A., Santolini, R., Schneider, F. On the Effects of E-Participation on Shadow Economy: A Worldwide Empirical Analysis. *German Economic Review*. 2022. Vol. 23. Iss. 3. P. 463–491. <https://doi.org/10.1515/ger-2021-0076>.
15. Aradeh, O., Van Belle, J.P., Budree, A. ICT-Based Participation in Support of Palestinian Refugees' Sustainable Livelihoods: A Local Authority Perspective. *International Conference on Social Implications of Computers in Developing Countries*. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 129–141.
16. Zolotov, M.N., Oliveira, T., Casteleyn, S. Continued Intention to Use Online Participatory Budgeting: The Effect of Empowerment and Habit. *11th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2018*. P. 209–216. <https://doi.org/10.1145/3209415.3209461>.
17. Mertes, A., Fischer, D., Bruesch, C., Andermatt, K.C. The Perceived Advantages of e-Participation and its Impact on Citizens' Willingness to Engage: Findings from the Canton of Zurich. *Swiss Yearbook of Administrative Sciences*. 2022. 13(1). P. 131–148.
18. Porwol, L., Ojo, A., Breslin, J. Structuring e-Participation Perspectives: Mapping and Aligning Models to Core Facets. *Proceedings of the 14th Annual International Conference on Digital Government Research*. 2013. P. 224–234. <https://doi.org/10.1145/2479724.2479756>.

19. Jukic, T., Vintar, M. E-Voting in Slovenia: The View of Parliamentary Deputies. *Electronic Voting 2006-2nd International Workshop*, Co-organized by Council of Europe, ESF TED, IFIP WG 8.6 and E-Voting. CC. Gesellschaft fur Informatik eV, 2006. P. 237–248.
20. Nam, T. A tool for Liberty or Oppression? A Cross-National Study of the Internet's Influence on Democracy. *Telematics and Informatics*. 2017. Vol. 34. Iss. 5. P. 538–549. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.11.004>.
21. Xin, G., Esembe, E.E., Chen, J. The Mixed Effects of e-Participation on the Dynamic of Trust in Government: Evidence from Cameroon. *Australian Journal of Public Administration*. 2023. Vol. 82. Iss. 1. P. 69–95. <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12569>.
22. You, K.H., Lee, J.K., Kang, H., Go, E. Participatory or Deliberative Democracy? Exploring the Mediation Effects of Perceived Online Deliberation and Online Interactive Activities on Social Outcomes. *Telematics and Informatics*. 2015. Vol. 32. Iss. 2. P. 205–214. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2014.08.004>.
23. Pudas, R.H. An Investigation into E-participation. 2014. Available at https://essay.utwente.nl/66191/1/Pudas_BA_Management%20and%20governance.pdf (accessed: 02.05.2024).

Сведения об авторах / Information about authors

Болгов Радомир Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО.
E-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Bolgov Radomir V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of World Politics at Saint Petersburg State University; Senior Researcher of e-Governance Center at ITMO University.
E-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072
Author declares no conflict interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024.
Одобрена после рецензирования 28.11.2024.
Принята 30.11.2024.

Received 08.07.2024.
Approved after reviewing 28.11.2024.
Accepted 30.11.2024.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья
УДК: 32+338.1
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.10

Создание свободных экономических зон в Китайской Народной Республике (историко-политологический анализ)

Калашникова Наталья Павловна
Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
nerush50@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

Павлова Ольга Константиновна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ pavlova_ok@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

***Аннотация.** Начиная с середины XX века, в связи с глобальными процессами в мировой экономике, стали возникать свободные экономические зоны (далее СЭЗ). На современном этапе главной целью СЭЗ стало привлечение иностранных инвестиций, новых технологий, прогрессивного управленческого опыта, увеличение и диверсификация экспорта и в конечном итоге, ускорение экономического развития стран, поэтому они получили широкое распространение во многих государствах мира. Особое внимание на создание и развитие СЭЗ обращено в Китайской Народной Республике, которая является одной из лидеров мировой экономики. За сорок лет проведения политики «реформ и открытости» экономика страны достигла впечатляющих результатов. По мнению многих аналитиков, такой результат был достигнут благодаря созданию и функционированию СЭЗ. Их деятельность в Китае способствовала привлечению огромных иностранных инвестиций, китайские компании получили доступ к передовым научно-техническим производствам, а также к современным методам их управления. Статья посвящена анализу истории создания и расширению СЭЗ в КНР, которые являются локомотивами в развитии экономики страны. В предлагаемом исследовании обозначены причины и предпосылки по созданию СЭЗ, особое внимание уделено историко-политологическому экскурсу формирования и деятельности таких зон, опыт которых наглядно показывает, что их успех неразрывно связан с переходом к открытой экономике. В работе раскрыты этапы создания СЭЗ в Китае, настоящее время такие структуры вступили в новый период своего совершенствования. Создаются экспериментальные зоны свободной торговли, которые выступают не только как способ решения экономических проблем, но являются важнейшим фактором экономического роста. Это направление*

становится ключевым стратегическим направлением ЦК КПК в деле продвижения политики реформ и открытости в новую эпоху.

Ключевые слова: мировая экономика; международные экономические отношения; свободные экономические зоны; региональная политика; Дэн Сяопин; политика реформ и открытости

Для цитирования: Калашникова Н.П., Павлова О.К. Создание свободных экономических зон в Китайской Народной Республике (историко-политологический анализ) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 181–200. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.10.

© Калашникова Н.П., Павлова О.К., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 32+338.1

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.10

Creation of Free Economic Zones in the People's Republic of China (Historical and Political Analysis)

Natalya P. Kalashnikova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
nerush50@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7667-0383>

✉ Olga K. Pavlova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ pavlova_ok@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

Abstract. *Since the middle of the twentieth century, in connection with global processes in the world economy, free economic zones (FEZ) began to arise. Over the past decades, they have spread widely in many countries of the world. The main goal of the FEZ was to attract foreign investment, new technologies, progressive management experience, increase and diversify exports and, ultimately, accelerate the economic development of the country. The People's Republic of China is one of the leaders in the global economy. Over forty years of implementing the policy of "reform and openness", the country's economy has achieved impressive results. According to many analysts, this result was achieved thanks to the creation and operation of the FEZ. Their activities in China have contributed to attracting huge foreign investments, Chinese companies have gained access to advanced scientific and technical production facilities, as well as modern management methods. The reasons and prerequisites for the creation of the FEZ are outlined. The article is devoted to the analysis of the history of the creation and functioning of FEZ in the People's Republic of China, which are the locomotives in the development of the country's economy. Special attention is paid to the historical and political science background of the formation and activity of the FEZ. The experience of FEZ activities clearly shows that their success is inextricably linked with the transition to an open economy. The work reveals the stages of the creation of FEZ in China. Currently, FEZs have entered a new period of their improvement. Experimental free trade zones are being created, which I advocate not only as a way to solve economic problems, but also as an important factor in economic growth. This direction is becoming a key strategic step of the CPC Central Committee in promoting the policy of reform and openness in the new era.*

Keywords: world economy; international economic relations; free economic zones; regional policy; Deng Xiaoping; reform and openness policy

For citation: Kalashnikova, N.P., Pavlova, O.K. Creation of Free Economic Zones in the People's Republic of China (Historical and Political Analysis). *Russia in the Global World*. 2024. Т. 27. Iss. 4. P. 181–200. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.10.

© Kalashnikova, N.P., Pavlova, O.K., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Введение

В мировой экономической практике за последние несколько десятилетий прошедшего XX века, во многих странах мира широкое распространение получили свободные экономические зоны (далее СЭЗ). Эти зоны представляют собой территории, которые характеризуются относительно свободной системой экономического управления и хорошими условиями для обеспечения быстрого экономического развития. Во многих странах мира СЭЗ стали центрами по привлечению иностранных инвестиций, развитию экспорта, созданию импорта замещения и, в конечном счете, быстрого экономического роста.

Одним из примеров создания и успешной деятельности свободных экономических зон по праву может считаться Китайская Народная Республика. В 1980-е годы КНР вступила в новый этап экономического развития, который был обусловлен кардинальными изменениями в стратегических приоритетах государственной политики. В качестве наиболее эффективного инструмента решения экономических задач выступило создание и реализация СЭЗ. Главной целью этих зон стало привлечение инвестиций из-за рубежа. СЭЗ во многом стали важнейшим фактором экономического роста страны в XX–XIX веке. Это обусловило лидирующее положение Китая в мировой экономике [1].

Концепция СЭЗ возникла, по мнению исследователей, ещё в эпоху античности. В 167 г. до н.э. Императорский Рим определил статус острова Делос, находящегося в архипелаге Киклады, как «свободной гавани». Этот статус давал острову право пользоваться беспошлинной торговлей с иностранцами. Они в свою очередь освобождались от налогов и пошлин. Так была создана первая свободная торговая зона [2]. В Средние века, в

1547 г. Ливорно (Италия) получила статус «города свободной торговли». Позже этот статус получили Генуя, Венеция и Марсель и другие.

В настоящее время в мире насчитывается более 5 тысяч СЭЗ, большинство из которых расположены в Азии. На территории Китая располагается 2543 зоны [3, с. 168]. Высокие темпы развития экономики Китая во многом связаны с деятельностью СЭЗ.

При анализе деятельности СЭЗ, необходимо дать определение самому понятию. Во многих изданиях можно встретить различные названия, такие как – «специальная экономическая зона», «самоуправляющаяся экономическая зона». Понятие свободной экономической зоны выдвинул Дэн Сяопин. Первоначально он предложил в 1979 г. создать – «экспортную зону», в которой должны находиться китайские предприятия, которые будут производить товары для их продажи за границу. Дэн Сяопин представил проект такой «экспортной зоны». Однако при реализации этого проекта, стало понятно, что «экспортная зона» носит очень одностороннее направление. В этой связи Дэн Сяопин расширил формулировку до понятия «специальная экономическая зона» [4].

Предлагаемое исследование ставит перед собой цель проанализировать исторический опыт Китайской Народной Республики по созданию и деятельности СЭЗ. В этой связи были поставлены следующие задачи: проанализировать и оценить историю возникновения СЭЗ, а также этапы их деятельности в Китае. Теоретической основой статьи стали исследования по теории деятельности современных СЭЗ, в рамках общенаучных методов анализа, синтеза, а также исторический и системный подходы.

Авторы детально проанализировали работы российских и китайских ученых по вопросам возникновения и деятельности СЭЗ. В работах Э.С. Алпатовой [5], В.И. Кравчука [6], П.В. Павлова и Е.К. Защитиной [7] раскрыты теоретические вопросы деятельности свободных экономических зон. Общие вопросы экономической реформы в КНР в конце XX века нашли отражение в фундаментальной монографии В.Я. Портякова [8], анализ влияния негативных факторов в экономике страны получил освещение в коллективной монографии «Экономика Китая: анализ влияния негативных факторов», опубликованной в 2020 г. [9]. Особое

внимание отечественные аналитики уделяют специфичным вопросам деятельности СЭЗ в Китае, чему посвящены исследования: В.Я. Портнякова и С.В. Степанова [10], С.Г. Тер-Акопова [11], Н.А. Козловой [12], А.Д. Тужилина [13], М.М. Ильясовой [14], М.М. Максимовой, Д.Д. Милека, Е.А. Селемёновой [15] и др.

Деятельность свободных экономических зон по привлечению иностранных инвестиций в Китай проанализированы в статье И.М. Майорова и М.В. Щеглова [16], функционирование зоны Шэньчжэнь рассмотрена в работе М.В. Силенко [17]. Следует отметить плодотворное сотрудничество российских и китайских ученых по анализу деятельности СЭЗ в КНР, что нашло отражение в работах: А.Е. Зубарева и Го Шу Хун [18], Н.Н. Котляров и Гао Тяньмин [19]. Анализ китайской научной литературы о СЭЗ Китая представлен в статье В.Я. Портнякова [20].

Среди большого количества работ китайских авторов, посвященных данной проблеме, следует выделить работы, Фэй Юйлу [21], Ван Сичжэ [22], посвященные истории возникновения и реализации СЭЗ в Китае. Общие вопросы функционирования СЭЗ получили освещение в работах: Ван Юнцзинь и Чжан Гофэн [23], Ли Сютин и Ян Вэймяо [24], Ли Кайцзэ [25]. Функционирование свободной экономической зоны в Шэньчжэне отражены в статье Чжан Фэй [26], в Шанхае – в исследованиях Ван Лихуэй и Лю Чжихун [27], в Хэнань Ван Юаньлун [28].

Материалы и результаты исследования

Термин СЭЗ, был обнародован в 1973 г. в японском городе Киото, на «Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур» [29]. В документе конвенции сказано: «свободная зона – это часть территории договаривающейся стороны, в пределах которой помещенные туда товары обычно рассматриваются как находящиеся за пределами таможенной территории в отношении ввозных пошлин и налогов»; далее указано, СЭЗ «представляют собой ограниченную часть территории страны с беспошлинным таможенным и торговым режимом, где производящие продукцию соответствующие организации пользуются рядом налоговых и финансовых льгот. Целью их создания наряду с развитием международных экономических отношений является решение стратегических экономических, социальных, внешнеторговых или научно-

технических задач страны в целом или отдельной ее территории» [29, Специальное приложение D].

Условия, определившие создание СЭЗ в Китае, были следующими. Первое, использовать их как форму обмена между КНР и остальным миром. Второе, в качестве эксперимента с экономическими реформами. Третье, близость к Гонконгу, Макао и Тайваню для создания более выгодных условий в привлечении иностранного бизнеса и реализации принципа «одна страна, две системы». Четвертое, реально ли сосуществование социалистической и капиталистической систем в рамках одного государства. Пятое, реальный механизм привлечения зарубежных технологий и инвестиций.

Важным историческим моментом для начала создания СЭЗ стал Третий пленум ЦК Коммунистической Партии Китая 11-го созыва, проходивший в Пекине в декабре 1978 г. Пленум принял решение о начале реализации политики реформ и открытости. С этого исторического момента начался переход к конкретным экономическим преобразованиям в Китае [30]. По настоянию Дэн Сяопина Пленум принял решение о начале политики «реформ и открытости», предусматривающей переход социалистического государства к рыночной экономике [31, с. 146–147]. Как отметил Дэн Сяопин, эта политика стала «второй китайской революцией» [32].

На первом этапе экономических преобразований в КНР наблюдались серьезные структурные проблемы. Одна треть валового внутреннего продукта (ВВП) приходилась на сельскохозяйственный сектор страны, в котором было занято 70% населения. При этом в городах проживало 18%, а за чертой бедности находилось 67% населения [33]. У государства не было внутренних резервов для изменений социально-экономической ситуации.

Политическое руководство КНР в 1979 г. приняло решение о создании СЭЗ. Официально о создании СЭЗ было принято на XV сессии Всекитайского Совета Народных Представителей (ВСНП), Пятого созыва 26 августа 1980 г. Сессия приняла документ «Положение о специальной экономической зоне в провинции Гуандун» [34]. Юридическое закрепление о создании особых экономических зон (ОЭЗ), приняло Министерство юстиции КНР в 1981 г.: «Временные положения ОЭЗ в провинции Гуандун для контроля над въездом в Китай и выездом из Китая персонала», «Временные положения по регистрации предприятий и их управлениям в

ОЭЗ провинции Гуандун», «Временные положения по оплате труда в ОЭЗ провинции Гуандун», «Временные положения по управлению земельными ресурсами в ОЭЗ в Шэньчжэне» [35, с. 1275]. В Конституции КНР 1982 г. законодательно были закреплены положения о СЭЗ [36].

Результатом всей этой политики стало создание в 1980 г. первых СЭЗ в гг. Шэньчжэне, Чжухае, Шаньтоу и Сямэне. Особенностью этих зон стало то, что все они находились в приморских провинциях Гуандун и Фуцзянь. Шэньчженская СЭЗ располагалась рядом с Гонконгом, Чжухай и Сямынь с Макао и с Тайванем. Создание этих зон, полностью повторяло условия экономической деятельности Гонконга, Макао и Тайваня, а именно: полную административную и законодательную независимость, специальный режим допуска к либерально капиталистическому типу экономики [37].

Уже через год, в 1981, на долю этих четырех СЭЗ приходилось 60% всего притока иностранных инвестиций (далее ПИИ) в КНР, причем 51% всех ПИИ приходилось на зону в Шэньчжэне. На четыре СЭЗ в 1985 г. по совокупному ПИИ составили 20% или 1,2 млрд. долларов [38].

В 1984 г. в 14 портовых городах были открыты СЭЗ, на побережье Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. С 1984 по 1988 годы в 12 портовых городах были созданы 14 зон технико-экономического развития. В 1988 г. появилась пятая СЭЗ в районе Хайнянь. С 1990 по 1992 годы Государственный Совет КНР, утвердил создания 13 беспошлинных зон. В 2010 г. были созданы СЭЗ в Хоргосе и Кашгаре [18].

Деятельность СЭЗ в КНР преследовала следующие цели:

– экономическую – вовлечение произведенных Китаем товаров в мировую экономическую систему; использование иностранных инвестиций для создание высокотехнологических и наукоемких продуктов; расширение промышленных производств на экспорт; увеличение валютных поступлений;

– социальную – комплексное решение развития регионов; повышение занятости, качественное образование, подготовка высоко квалифицированных специалистов;

– инновационную – применение современных технологий, организацию новых форм бизнеса, активное использование мировых научных достижений.

Особенностью в деятельности СЭЗ в Китае является разумное сочетание, с одной стороны планово-распределительной системы социализма, с другой стороны рыночного экономического механизма капиталистической системы. Такое сочетание стало историческим опытом в экономической деятельности, которое сочетается с принципами централизованного планирования, которое играет ведущую роль, с рыночным регулированием, выступающим как вспомогательная сила [39, с. 337].

По мнению В.П. Колесова и его коллег, выделяется пять историко-политологических этапов в формировании СЭЗ в Китае [40, с. 176]. Первый, с 1979 г. по 1985 г.: формируется организационно-правовая система СЭЗ. Второй, с 1986 г. по 1991 г.: развивается экспортная направленность производства. Третий, с 1992 г. по 1998 г.: развитие СЭЗ с открытостью внешнеполитической деятельности Китая. Четвертый, с 1998 г. по 2001 г.: закреплением за КНР мировой экономической державы, с ведущим местом в глобальной экономике. Пятый, с 2001 по настоящее время, который характеризуется новой вехой в хозяйственном развитии Китая.

Важнейшим направлением дальнейшего совершенствования свободной экономической зоны, стало возникновение экспериментальной зоны свободной торговли (далее ЭЗСТ). Целью такой зоны стало привлечение в Китай новых, самых передовых в мире правил и норм ведения торговли, а также инвестиционной и финансовой политики. Первая зона в таком формате возникла в 2013 г. в Шанхае [41]. В августе того же года Государственный Совет КНР одобрил создание этой зоны. 18 сентября 2013 г. был опубликован проект «Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли», а 29 сентября она начала свою работу [42].

За сорок лет проведения экономических реформ экономика Китая показала впечатляющие темпы: Валовый внутренний продукт страны в 2022 г. превзошел уровень 1978 г. в 44 раза и в три раза превзошел среднегодовые темпы роста мировой экономики за это же время [43]. Однако сложное положение в мировой экономике и, прежде всего, в торговле не могло не сказаться на СЭЗ Китая. С 2016 г. наблюдается существенное сокращение внешнеторгового товарооборота Китая [44].

Дискуссия

В исследованиях по СЭЗ, нет единого мнения по отношению к их деятельности. Опыт создания и деятельность СЭЗ в общем оценивается

положительно. Финансовая международная организация «Мировой Банк» (The World Bank) поддерживает деятельность СЭЗ в развивающихся странах [45].

Более сложная ситуация сложилась по отношению к свободным экономическим зонам в КНР. В начале политики Дэн Сяопина «реформ и открытости» была определена стратегия сбалансированного регионального развития Китая, в ее основе лежала высокоцентрализованная плановая экономическая система. Распределение ресурсов, стратегия развития регионов строились на основе директивных планов КПК и правительства Китая. Реализация политики «реформ и открытости» способствовало возрастанию роли рыночных отношений, что привело к региональным различиям в стране. Сочетание рыночных отношений и плановой экономики не способствовало скоординированному развитию регионов Китая. Китайские исследования по вопросу регионального экономического развития отмечают как положительные, так и отрицательные последствия региональной политики для страны.

Положительные результаты региональной политики, хорошо видны на примере первой свободной экономической зоны – Шэньчжэнь [17]. Начиная с 2019 г. Шэньчжэнь имеет Валовый Внутренний Продукт (ВВП) – 342 млрд. дол. и занимает 3 место в Китае, после Пекина и Шанхая [46]. ВВП Наньшань, одного из десяти районов Шэньчжэня, больше ВВП Латвии и Йемена [47]. Экспорт продукции, произведенной в Шэньчжэне в 2018 г. составил 1,65 трлн. юаней или 10,8% всего экспорта Китая. С создания свободной экономической зоны Шэньчжэнь объем ВВП вырос в 979 раз, экспорт в 339 раз [48, с. 154].

Как пишут китайские исследователи Бао Юань [49] и Ван Сюаньсюань [50], наблюдается несбалансированная политика регионального развития Китая. Данная политика увеличивает экономический разрыв между регионами стран. При этом мероприятия по развитию региональной экономики не всегда были сбалансированы, что привело к серьезным экологическим последствиям. Политики «реформ и открытости» повлияла на демографическую ситуацию в Западном и Центральном районах, из этих регионов трудовые ресурсы «хлынули» в Восточные регионы страны. Такое перемещение населения привело к резкому увеличению строительства в Восточных регионах и его

замедлению в Западном и Центральном районах. В целом произошло увеличение экономического разрыва между Западными и Центральными районами, с одной стороны и с Восточными с другой [51].

Политика регионального развития КНР способствовала быстрому экономическому развитию страны. Однако при этом возникали проблемы, которые стали основой для новой скоординированной региональной экономической политики.

В этих непростых экономических условиях обращает на себя внимание, состоявшееся в Пекине 26 сентября 2023 г. Совещание Государственного совета КНР. Совещание было посвящено Десятой годовщине создания в Китае первой экспериментальной зоне свободной торговли в Шанхае [52]. Вице-премьер Государственного совета КНР Хэ Лифэн зачитал обращение Председателя КНР Си Цзиньпина. В своем обращении лидер КНР отметил, что создание ЗСТ (зоны свободной торговли) является одним из ключевых стратегических шагов ЦК КПК в деле продвижения политики реформ и открытости в новую эпоху [53].

22 августа 2024 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Дэн Сяопина. Этой дате был посвящен симпозиум, на котором с речью выступил Председатель КНР Си Цзиньпин. В своем выступлении он сказал: «Необходимо продолжать углублённо изучать и внедрять на практике теорию Дэн Сяопина – главного архитектора социалистических реформ, открытости и модернизации страны, первопроходца социализма с китайской спецификой» [54].

Заключение

За последние сорок лет, деятельность СЭЗ получило огромное распространение в мировой экономической практике. В настоящее время СЭЗ играют большую роль в развитии международного разделения труда, совершенствовании научно-технических, финансовых и экономических связей. СЭЗ активно способствуют большому привлечению иностранных инвестиций, а также развитию регионов, созданию новых рабочих мест.

Опыт деятельности СЭЗ в Китае наглядно показывает, что китайская экономика направлена на развитие экономических связей с другими странами, что способствует совершенствованию внешнеторговых связей. Специфика китайских СЭЗ заключается в том, что они одновременно

выполняют функции зоны по производству китайских товаров на экспорт и действуют как зона свободной торговли.

Возникновение СЭЗ в Китае прошло через несколько периодов. В настоящее время сложилась сложная многоуровневая и разносторонняя система деятельности СЭЗ, которые частично находятся в приморских и в приграничных районах.

Однако экономика КНР, и, в частности, СЭЗ, подвержены большому влиянию внешних факторов, а именно торговые войны, распространение вирусов и других. В последние годы наблюдается заметное снижение темпов экономического роста в стране. В этих условиях требуется новая система государственных мероприятий, направленных на поддержание предприятий, имеющих финансовые проблемы, а также совершенствование системы научно-технического развития бизнеса.

После сорока лет «реформ и открытости», экономика Китая находится на пути создания новых моделей СЭЗ, одной из которых является экспериментальные зоны свободной торговли. Председатель КНР Си Цзиньпин поставил задачу создание богатого, сильного, модернизированного государства к 2049 г., столетию провозглашения Китайской Народной Республики.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод: деятельность СЭЗ в настоящее время не окончена. Она находится на пути создания новых инновационных моделей, в качестве зон по функционированию предприятий для собственного потребления, образовательных научно-технических зон с большими государственными инновационными проектами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Роль Китая в глобализации мировой экономики // Россия и современный мир. 2021. № 2 (111). С. 100–120.
2. Майбуров И.А., Иванов Ю.Б. Особые экономические зоны: теоретико-методологические аспекты развития / Под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. Монография с грифом НИИ образования и науки. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 351 с.
3. Максимова М.М., Милек Д.Д., Селеменова Е.А. Особенности формирования специальных экономических зон в Китае // Московский экономический журнал. 2022. № 5. С. 167–176.
4. Наследие Дэна Сяопина. 31.01.2014 // Сетевое издание «Деловой портал о бизнесе с Китаем ChinaLogist»: [сайт]. URL: <https://chinalogist.ru/book/articles/analitika/nasledie-dena-syaopina> (дата обращения: 01.08.2024).

5. Алпатова Э.С. Свободные экономические зоны: теоретические аспекты исследования // *Russian Journal of Economics and Law*. 2008. № 3. С. 4–13.
6. Кравчук В.И. Свободные экономические зоны: теоретические подходы к формированию и развитию в XXI веке // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2015. № 7 (79). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-i-razvitiyu-v-xxi-veke> (дата обращения: 01.08.2024).
7. Павлов П.В., Защитина Е.К. Свободные экономические зоны как современный институт развития в международном бизнесе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 675–692.
8. Портяков В.Я. *Экономические реформы в Китае (1979–1999 гг.)*. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. 178 с.
9. *Экономика Китая: анализ влияния негативных факторов: монография* / Архипов Ю.Г., Баранников А.Л., Данилина М.В. [и др.]. Москва: Сам Полиграфист, 2020. 170 с.
10. Портяков В.Я., Степанов С.В. Специальные экономические зоны Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 1986. № 1. С. 37–46.
11. Тер-Акопов С.Г. Специальные экономические зоны Китая как важная часть экономического роста // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. 2013. № 24 (336). С. 38–43.
12. Козлова Н.А. Функционирование свободных экономических зон в Китае // *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*. 2015. № 4 (21). С. 50–58.
13. Тужилин А.Д. Развитие особых экономических зон в Китае // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 1. [эл. доступ]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/01/62513> (дата обращения: 01.08.2024).
14. Ильясова М.М. Ключевые вопросы формирования и развития особых экономических зон на примере Китая // *Вестник Евразийской науки*. 2021. Т. 13. № 6. [эл. доступ]. URL: <https://esj.today/PDF/76ECVN621.pdf> (дата обращения: 03.08.2024).
15. Максимова М.М., Милек Д.Д., Селеменова Е.А. Особенности формирования специальных экономических зон в Китае // *Московский экономический журнал*. 2022. № 5. С. 167–176.
16. Майоров И.М., Щеглов М.В. Свободные экономические зоны как инструмент привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику: опыт Китая // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 3. С. 52–57.
17. Силенко М.В. Специальная экономическая зона КНР – Шэньчжэнь: становление и перспективы // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2020. № 5. С. 238–257.
18. Зубарев А.Е., Го Шу Хун. Классификация и характеристика свободных экономических зон (СЭЗ) КНР // *Власть и управление на Востоке России*. 2008. № 4 (45). С. 8–13.
19. Котляров Н.Н., Гао Тяньмин Экономические аспекты функционирования особых экономических зон в условиях глобализации (на примере Китая) // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2009. № 6. С. 10–15.
20. Портяков В.Я. Научная литература КНР о специальных экономических зонах страны // *Россия и АТР*. 2018. С. 5–15.

21. Фэй Юйлу. Развитие особых экономических зон в Китае // Форум молодых ученых. 2019. № 5 (33). С. 1275–1279.
22. Ван Сичжэ. Свободные экономические зоны Китая: история и современность // Информация и инновации. 2020. Т. 15. № 4. С. 84–90.
23. Ван Юнцзинь 王侗进, Чжан Гофэн 张国峰. Кайфа цюй шэнчаньли юши дянь лайюань: цзицзюй сяоин хайши сюаньцэ сяоин 开发区生产力优势点来源:集聚效应还是选择效应? [Источники преимуществ «зон развития» в производительности: эффект агломерации или эффект отбора?] // Цзинци яньцзю 经济研究 [Экономические исследования]. 2016. № 7. С. 58–71.
24. Ли Сютин 李秀婷, Ян Вэймяо 杨炜苗. Синь чантай ся чжунго цзы мао шиянь цюй кунцзянь то цюй фачжань цюйши юй дуйцэ сюаньцэ 新常态下中国自贸试验区空间拓展发展趋势与对策选择 [Тенденции пространственного расширения экспериментальных зон свободной торговли в Китае в условиях «новой нормальности» и выбор соответствующих мер экономической политики] // Гоцзи цзинци хэцэо 国际经济合作 [Международное экономическое сотрудничество]. 2017. № 8. С. 49–53.
25. Ли Кайцэ 李凯杰. Чжунго цзыю маои шиянь цюй сян цзыю маои ган чжуаньбянь яньцзю 中国自由贸易试验区向自由贸易港转变研究 [Исследование трансформации китайских экспериментальных зон свободной торговли в порты свободной торговли]. // Гоцзи цзинци хэцэо 国际经济合作 [Международное экономическое сотрудничество]. 2017. № 11. С. 35–39.
26. Чжан Фэй 张飞. Лион вайцзы цуцзинь цзишу чуансинь хэ чанье цзегоу юхуа: лайцзы Шэньчжэнь дяоча дэ исе сыкао 利用外资促进技术创新和产业结构优化: 来自深圳调查的一些思考 [Использование иностранного капитала способствует технологическим инновациям и улучшению отраслевой структуры: некоторые размышления на основе обследований, проведенных в Шэньчжэне] // Гоцзи цзинци хэцэо 国际经济合作 [Международное экономическое сотрудничество]. 2017. № 11. С. 52–56.
27. Ван Лихуэй 王利辉, Лю Чжихун 刘志宏. Шанхай цзы мао цюй дуй дицюй цзинци дэ инсян сяо инъянь цю цзи юй фань ши ши сы вэй ши цзяо 上海自贸区对地区经济的影响效应研究基于“反事实”思维视角 [Исследование эффектов влияния шанхайской зоны свободной торговли на местную экономику: подход на основе метода «от противного»] // Гоцзи маои вэньти 国际贸易问题 [Вопросы международной торговли]. 2017. № 2. С. 3–19.
28. Ван Юаньлун. Состояние и развитие свободной экономической зоны в центральном Китае: Хэнань // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 40–43.
29. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999), Глава 2. Специальные приложения. Специальное приложение D // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106124/. (дата обращения: 03.01.2022).
30. 30 самых важных событий в течение 30 лет после введения политики реформ и открытости. 27.10.2008 // Russian.china.org.cn: [сайт]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2008-10/27/content_16669648.htm (дата обращения: 08.05.2024).
31. Пивоварова Э.П. Что нового внес XVII съезд КПК в теорию «социализма с китайской спецификой» // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 146–153.

- 32.** Дэн Сяопин 邓小平. Вэнь сюань ди сань цзюань 文选第三卷 [Избранные произведения. Том 3]. Бэйцзин жэньминь чубаньшэ 北京人民出版社 [Пекин: Народное изд-во]. 2001. [эл. доступ]. URL: <https://www.12371.cn/special/dxpxw/d3j/> (дата обращения: 01.02.2023).
- 33.** Базанова Е. Китайский город-сад. 10.06.2015 // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/06/10/595936-kitaiskii-gorod-sad> (дата обращения: 08.10.2023).
- 34.** Ли Шаньминь 李善民. Чжунго цзы мао цюй дэ фа чжань личэн цзи гайгэ чэнцзю 中国自贸区的发展历程及改革成就 [История развития и достижения реформ зоны свободной торговли Китая] // Жэньминь луньтань 人民论坛 [Народный форум]. 2020. № 27. С. 10–15.
- 35.** Фэй Юйлу. Развитие особых экономических зон в Китае // Форум молодых ученых. 2019. № 5 (33). С. 1275–1279.
- 36.** Конституция Китайской Народной Республики (4 декабря 1982 года): [эл. доступ]. URL: <http://www.window2china.ru/upload/iblock/51e/Konstitutsiya-KNR.pdf> (дата обращения 08.10.2023).
- 37.** Ван Сичжэ. История создания свободных экономических зон в Китае, их виды и классификация // Инновационная экономика. 2019. № 1(18). С. 4.
- 38.** Иванов С.А. Особые экономические зоны в Китае: формула успеха и политическая значимость // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV междунар. науч.- практ. конф. Благовещенск, 2014. С. 178–184.
- 39.** Международные экономические отношения: Учебник / Под ред. И.П. Фаминского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономист, 2018. 880 с.
- 40.** Мировая экономика. Экономика стран и регионов: учебник для вузов / под редакцией В.П. Колесова, М.Н. Осьмой. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 519 с.
- 41.** Чжунго Шанхай цзыю маои шиянь цюйцзунти фанъань 中国(上海)自由贸易试验区总体方案 [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли, Шанхай, Китай] // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань 中华人民共和国国务院 [Государственный совет Китайской Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/zwggk/2013-09/27/content_2496147.htm (дата обращения 20.04.2024).
- 42.** 2019 Чжунго цзыю маои шиянь цюй фачжань янь цзю баогао цзяньшэ синь шидай гайгэ кайфан дэ синь гаоди 2019 中国自由贸易试验区发展研究报告——建设新时代改革开放的新高地 [Отчет об исследованиях развития пилотной зоны свободной торговли Китая за 2019 год – Создание нового высокогорья для реформ и открытости в новую эпоху] // Чжунго цзыю маои шиянь цюй сетун чуансинь чжунсинь 中国自由贸易试验区协同创新中心 [Совместный инновационный центр пилотной зоны свободной торговли Китая]: [сайт]. URL: <https://cicftz.sufe.edu.cn/9c/74/c4490a105588/page.htm> (дата обращения: 02.09.2024).
- 43.** Чжунхуа жэньминь гунхэго 2022 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао 中华人民共和国 2022 年国民经济和社会发展统计公报 [Статистический бюллетень национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики в 2022 году] // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань 中华人民共和国国务院 [Государственный совет Китайской

- Народной Республики]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/28/content_5743623.htm (дата обращения: 25.11.2024).
44. Китай: наполовину запланированный кризис. 18.04.2024 // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6618396> (дата обращения 12.08.2024).
45. Special Economic Zones. Progress, Emerging Challenges, and Future Directions. Ed. by Forole T., Akinci G. Washington: The World Bank, 2011. 346 p.
46. To Develop New Growth Potential in the Guandong-Hong Kong-Macao GBA: Zhuhai // PwC's report, 2019: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20240704175141/https://www.pwccn.com/en/research-and-insights/city-report-greater-bay-area-zhuhai.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).
47. 2019 Shenzhen Government Work Report. 15.05.2019 // China Services Info: [сайт]. URL: <https://www.chinaservicesinfo.com/s/201905/15/WS6434c2b5498ea274927b6983/2019-shenzhen-government-work-report.html> (дата обращения: 04.09.2024).
48. Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае: монография / В.Я. Портяков. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 464 с.
49. Бао Юань 暴元. Чжунго цюйюй цзинци фачжань бу пинхэн дэ юаньинь ци дуйцэ 中国区域经济发展不平衡的原因及对策 [Причины и меры противодействия несбалансированному региональному экономическому развитию в Китае] // Хэнань шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) 河南师范大学学报(哲学社会科学版) [Журнал Хэнаньского педагогического университета (философские и общественные науки)]. 2008. Т. 35. Вып. 1. С. 178–180.
50. Ван Сюаньсюань 王选选. Чжунго сы да цюйюй цзинци фачжань чацзюй дэ чэньинь фэньси 中国四大区域经济发展差距的成因分析 [Анализ причин разрыва в экономическом развитии между четырьмя основными регионами Китая] // Цаймао цзици 财贸经济 [Финансы и торговля]. 2009. № 11. С. 131–135.
51. Макеева С.Б. Региональная история КНР в период 1978–1999 гг.: усиление тенденций неравномерного регионального развития // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 133–141.
52. Лю Сяохун, Чжан Чжэнъи, Гун Нань. Значение и развитие правовой системы пилотных зон свободной торговли с китайской спецификой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 629–660.
53. Си Цзиньпин заявил о важности пилотных зон свободной торговли. 27.09.2023 // Газета «Труд»: [сайт]. URL: https://www.trud.ru/article/27-09-2023/1545081_si_tszinpin_zajavil_o_vazhnosti_pilotnyx_zon_svobodnoj_torgovli.html (дата обращения 27.09.2023).
54. Председатель КНР призвал продолжать дело Дэн Сяопина. 24.08.2024 // Большая Азия: [сайт]. URL: <https://bigasia.ru/predsedatel-knr-prizval-prodolzhat-delo-den-syaopina/> (дата обращения 22.08.2024).

REFERENCES

1. Kheifets B.A., Chernova V.Yu. Rol Kitaja v globalizacii mirovoj jekonomiki [The Role of China in the Globalization of the World Economy]. *Rossija i sovremennyj mir*. 2021. № 2 (111). P. 100–120. (In Russian).

2. Maiburov I.A., Ivanov Yu.B., Adigamova F.F. Osobyje jekonomicheskie zony: teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitija [Special Economic Zones: Theoretical and Methodological Aspects of Development]. M.: UNITY: UNITY-DANA, 2017. 351 p. (In Russian).
3. Maksimova M.M., Milek D.D., Selemeneva E.A. Osobennosti formirovanija special'nyh jekonomicheskij zon v Kitae [Features of the Formation of Special Economic Zones in China]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal*. 2022. № 5. P. 167–176. (In Russian).
4. Nasledie Djena Sjaopina [The Legacy of Deng Xiaoping]. 31.01.2014. *Setevoe izdanie «Delovoj portal o biznese s Kitaem ChinaLogist»*. Available at <https://chinalogist.ru/book/articles/analitika/nasledie-dena-syaopina> (accessed: 08.01.2024). (In Russian).
5. Alpatova E.S. Svobodnye jekonomicheskie zony: teoreticheskie aspekty issledovanija [Free Economic Zones: Theoretical Aspects of Research]. *Russian Journal of Economics and Law*. 2008. № 3. P. 4–13. (In Russian).
6. Kravchuk V.I. Svobodnye jekonomicheskie zony: teoreticheskie podhody k formirovaniju i razvitiju v XXI veke [Free Economic Zones: Theoretical Approaches to Formation and Development in the XXI Century]. *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2015. № 7 (79) Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-i-razvitiyu-v-xxi-veke> (accessed: 01.08.2024). (In Russian).
7. Pavlov P.V., Zashchitina E.K. Svobodnye jekonomicheskie zony kak sovremennyj institut razvitija v mezhdunarodnom biznese [Free Economic Zones as a Modern Development Institution in International Business]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jekonomika*. 2020. T. 36. Vyp. 4. P. 675–692. (In Russian).
8. Portyakov V.Ya. Jekonomicheskie reformy v Kitae (1979–1999 gg.) [Economic Reforms in China (1979–1999)]. M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2002. 178 p. (In Russian).
9. Jekonomika Kitaja: analiz vlijanija negativnyh faktorov [Экономика Китая: анализ влияния негативных факторов]: monografija. Arhipov Ju.G., Barannikov A.L., Danilina M.V. [i dr.]. Moskva: Sam Poligrafist, 2020. 170 p. (In Russian).
10. Portyakov V.Ya., Stepanov S.V. Special'nye jekonomicheskie zony Kitaja [Special Economic Zones of China]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1986. № 1. S. 37–46. (In Russian).
11. Ter-Akopov S.G. Special'nye jekonomicheskie zony Kitaja kak vazhnaja chast' jekonomicheskogo rosta [Special Economic Zones of China as an Important Part of Economic Growth]. *Buhgalterskij uchet v bjudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah*. 2013. № 24 (336). P. 38–43. (In Russian).
12. Kozlova N.A. Funkcionirovanie svobodnyh jekonomicheskij zon v Kitae [Functioning of Free Economic Zones in China]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema*. 2015. № 4 (21). P. 50–58. (In Russian).
13. Tuzhilin A.D. Razvitie osobyh jekonomicheskij zon v Kitae [The Development of Special Economic Zones in China]. *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*. 2016. № 1. Available at <https://web.snauka.ru/issues/2016/01/62513> (accessed: 08/01/2024). (In Russian).
14. Ilyasova M.M. Kljuचेvye voprosy formirovanija i razvitija osobyh jekonomicheskij zon na primere Kitaja [Key Issues of Formation and Development of Special Economic Zones on the Example of China]. *Vestnik Evrazijskoj nauki*. 2021. T. 13. № 6. Available at <https://esj.today/PDF/76ECVN621.pdf> (accessed: 03.08.2024). (In Russian).
15. Maksimova M.M., Milek D.D., Selemeneva E.A. Osobennosti formirovanija special'nyh jekonomicheskij zon v Kitae [Features of the Formation of Special Economic Zones in China]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal*. 2022. № 5. P. 167–176. (In Russian).

16. Majorov I.M., Shheglov M.V. Svobodnye jekonomicheskie zony kak instrument privilechenija inostrannyh investicij v nacional'nuju jekonomiku: opyt Kitaja [Free Economic Zones as a Tool for Attracting Foreign Investment in the National Economy: the Experience of China]. *Fundamental'nye issledovanija*. 2018. № 3. P. 52–57. (In Russian).
17. Silenko M.V. Special'naja jekonomicheskaja zona KNR – Shjen'chzhjen': stanovlenie i perspektivy [Special Economic Zone of China – Shenzhen: Formation and Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6. Jekonomika*. 2020. № 5. P. 238–257. (In Russian).
18. Zubarev A.E., Go Shu Hun. Klassifikacija i harakteristika svobodnyh jekonomicheskikh zon (SJeZ) KNR [Classification and Characteristics of Free Economic Zones (FEZ) PRC]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2008. № 4 (45). P. 8–13. (In Russian).
19. Kotljarov N.N., Gao Tjan'min. Jekonomicheskie aspekty funkcionirovanija osobyh jekonomicheskikh zon v uslovijah globalizacii (na primere Kitaja) [Economic Aspects of the Functioning of Special Economic Zones in the Context of Globalization (on the Example of China)]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. 2009. № 6. P. 10–15. (In Russian).
20. Portjakov V.Ja. Nauchnaja literatura KNR o special'nyh jekonomicheskikh zonah strany [Scientific Literature of the People's Republic of China on Special Economic Zones of the Country]. *Rossija i ATR*. 2018. P. 5–15. (In Russian).
21. Fjej Jujlu. Razvitie osobyh jekonomicheskikh zon v Kitae [The Development of Special Economic Zones in China]. *Forum molodyh uchenyh*. 2019. № 5 (33). P. 1275–1279. (In Russian).
22. Van Sichzhje. Svobodnye jekonomicheskie zony Kitaja: istorija i sovremennost [China's Free Economic Zones: History and Modernity // Information and Innovations]. *Informacija i innovacii*. 2020. T. 15. № 4. P. 84–90. (In Russian).
23. Wang Yongjin 王侗进, Zhang Guofeng 张国峰. Kaifa qu shengchanli youshi dian lai yuan: Jiju xiaoying haishi xuanze xiaoying? 开发区生产力优势点来源: 集聚效应还是选择效应? [Source of Productivity Advantages in Development Zones: Agglomeration Effect or Selection Effect?]. *Jingji yanjiu 经济研究 [Economic studies]*. 2016. № 7. P. 58–71. (In Chinese).
24. Li Xiuting 李秀婷, Yang Weimiao 杨炜苗. Xin changtai xia zhongguo zi mao shiyan qu kongjian ta qu fazhan qushi yu duice xuanze 新常态下中国自贸试验区空间拓区发展趋势与对策选择 [Development Trends and Countermeasures for Spatial Expansion of China's Pilot Free Trade Zones Under the New Normal]. *Guoji jingji hezuo 国际经济合作 [International Economic Cooperation]*. 2017. № 8. P. 49–53. (In Chinese).
25. Li Kaijie 李凯杰. Zhongguo ziyou maoyi shiyan qu xiang ziyou maoyi gang zhuanbian yanjiu 中国自由贸易试验区向自由贸易港转变研究 [Research on the Transformation of China's Free Trade Pilot Zones into Free Trade Ports]. *Guoji jingji hezuo 国际经济合作 [International Economic Cooperation]*. 2017. № 11. P. 35–39. (In Chinese).
26. Zhang Fei 张飞. Liyong waizi cujin jishu chuangxin he chanye jiegou youhua: Laizi shenzhen diaocha de yixie sikao 利用外资促进技术创新和产业结构优化: 来自深圳调查的一些思考 [Using Foreign Capital to Promote Technological Innovation and Industrial Structure Optimization: Some Thoughts from the Shenzhen Survey]. *Guoji jingji hezuo 国际经济合作 [International Economic Cooperation]*. 2017. № 11. P. 52–56. (In Chinese).
27. Wang Lihui 王利辉, Liu Zhihong 刘志宏. Shanghai zi mao qu dui diqu jingji de yingxiang xiaoying yanjiu jiyu “fan shishi” siwei shijiao 上海自贸区对地区经济的影响效应研究基于“反事实”思维视角 [Research on the Impact of the Shanghai Free Trade Zone

- on the Regional Economy is Based on the Perspective of "Counterfactual" Thinking]. *Guoji maoyi wenti* 国际贸易问题 [International Trade Issues]. 2017. № 2. P. 3–19. (In Chinese).
- 28.** Wang Yuanlong. Sostojanie i razvitie svobodnoj jekonomicheskoy zony v centralnom Kitae: Hjenan [The State and Development of the Free Economic Zone in Central China: Henan]. *Jekonomika i predprinimatelstvo*. 2020. № 5 (118). P. 40–43. (In Russian).
- 29.** Mezhdunarodnaja konvencija ob uproshhenii i garmonizacii tamozhennyh procedur [International Convention on the Simplification and Harmonization of Customs Procedures] (soversheno v Kioto 18.05.1973) (v red. Protokola ot 26.06.1999), Glava 2. Special'nye prilozhenija. Special'noe prilozhenie D. *Konsul'tant Pljus*. Available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106124/. (accessed: 03.01.2022). (In Russian).
- 30.** 30 samyh vazhnyh sobytij v techenie 30 let posle vvedenija politiki reform i otkrytosti [30 Most Important Events in the 30 Years Since the Introduction of Reform and Opening-up]. 27.10.2008. *Russian.china.org.cn*. Available at http://russian.china.org.cn/china/txt/2008-10/27/content_16669648.htm (accessed: 08.05.2024). (In Russian).
- 31.** Pivovarova Je.P. Chto novogo vnes XVII sezd KPK v teoriju «socializma s kitajskoj specifikoj» [What New Things did the XVII Congress of the CPC Bring to the Theory of "Socialism with Chinese Specifics"]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2009. № 2. P. 146–153. (In Russian).
- 32.** Deng Xiaoping 邓小平. Wenxuan di san juan 文选第三卷 [Selected Works of Deng Xiaoping. Vol. 3]. Beijing renmin chuban she 北京人民出版社 [Beijing People's Publishing House]. 2001. Available at <https://www.12371.cn/special/dxpwx/d3j/> (accessed: 01.02.2023). (In Chinese).
- 33.** Bazanova E. Kitajskij gorod-sad [Chinese Garden City]. 10.06.2015. *Vedomosti*. Available at <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/06/10/595936-kitaiskii-gorod-sad> (accessed: 08.10.2023). (In Russian).
- 34.** Li Shanmin 李善民. Zhongguo zi mao qu de fa zhan licheng ji gaige chengjiu 中国自贸区的发展历程及改革成就 [The Development History and Reform Achievements of China's Free Trade Zones]. *Renmin luntan* 人民论坛 [People's Forum]. 2020. № 27. P. 10–15. (In Chinese).
- 35.** Fjej Jujlu. Razvitie osobyh jekonomicheskikh zon v Kitae [Development of Special Economic Zones in China]. *Forum molodyh uchenyh*. 2019. № 5 (33). P. 1275–1279. (In Russian).
- 36.** Konstitucija Kitajskoj Narodnoj Respubliki (4 dekabnja 1982 goda) [The Constitution of the People's Republic of China (December 4, 1982)]. Available at <http://www.window2china.ru/upload/iblock/51e/Konstitutsiya-KNR.pdf> (accessed: 08.10.2023). (In Russian).
- 37.** Van Sichzhje. Istorija sozdanija svobodnyh jekonomicheskikh zon v Kitae, ih vidy i klassifikacija [The History of the Creation of Free Economic Zones in China, Their Types and Classification]. *Innovacionnaja jekonomika*. 2019. № 1(18). P. 4. (In Russian).
- 38.** Ivanov S.A. Osobyje jekonomicheskie zony v Kitae: formula uspeha i politicheskaja znachimost [Special Economic Zones in China: a Formula for Success and Political Significance]. *Rossija i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva: materialy IV mezhdunar. nauch.- prakt. konf. Blagoveshhensk, 2014*. P. 178–184. (In Russian).
- 39.** Mezhdunarodnye jekonomicheskie otnoshenija [International Economic Relations]. Uchebnik. Pod red. I.P. Faminsky. 2nd izd., pererab. i dop. M.: Ekonomost, 2018. 880 p. (In Russian).

40. Mirovaja jekonomika. Jekonomika stran i regionov [World Economy. Economics of Countries and Regions]: uchebnik dlja vuzov. Pod redakciej V.P. Kolesova, M.N. Os'moj. Moskva: Izdatel'stvo Jurajt, 2020. 519 p. (In Russian).
41. Zhongguo (Shanghai) ziyou maoyi shiyan qu zongti fangan 中国(上海)自由贸易试验区总体方案 [China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone Overall Plan]. *Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan* 中华人民共和国国务院 [State Council of the People's Republic of China]. Available at https://www.gov.cn/zwggk/2013-09/27/content_2496147.htm (accessed: 20.04.2024) (In Chinese).
42. 2019 Zhongguo ziyou maoyi shiyan qu fazhan yaan jiu baogao——jianshe xin shidai gaige kaifang de xin gaodi 2019 中国自由贸易试验区发展研究报告——建设新时代改革开放的新高地 [2019 China Free Trade Pilot Zone Development Research Report – Building a New Highland for Reform and Opening up in the New Era]. *Zhongguo ziyou maoyi shiyan qu xietong chuangxin zhongxin* 中国自由贸易试验区协同创新中心 [China Free Trade Pilot Zone Collaborative Innovation Center]. Available at <https://cicftz.sufe.edu.cn/9c/74/c4490a105588/page.htm> (accessed: 02.09.2024). (In Chinese).
43. Zhonghua renmin gongheguo 2022 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao 中华人民共和国 2022 年国民经济和社会发展统计公报 [Statistical Bulletin of the National Economic and Social Development of the People's Republic of China in 2022]. *Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan* 中华人民共和国国务院 [State Council of the People's Republic of China]. Available at https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/28/content_5743623.htm (accessed: 25.11.2024). (In Chinese).
44. Kitaj: napolovinu zaplanirovannyj krizis [China: A Half-Planned Crisis]. 18.04.2024. *Kommersant*. Available at <https://www.kommersant.ru/doc/6618396> (accessed: 12.08.2024). (In Russian).
45. Special Economic Zones. Progress, Emerging Challenges, and Future Directions. Ed. by Forole T., Akinci G. Washington: The World Bank, 2011. 346 p.
46. To Develop New Growth Potential in the Guandong-Hong Kong-Macao GBA: Zhuhai PwC's report, 2019. Available at <https://web.archive.org/web/20240704175141/https://www.pwccn.com/en/research-and-insights/city-report-greater-bay-area-zhuhai.pdf> (accessed: 23.03.2020).
47. 2019 Shenzhen Government Work Report. 15.05.2019 // *China Services Info*. Available at <https://www.chinaservicesinfo.com/s/201905/15/WS6434c2b5498ea274927b6983/2019-shenzhen-government-work-report.html> (accessed: 04.09.2024).
48. Portjakov V.Ja. Muravej gryzet kost'. Izbrannye ocherki o Kitae [The Ant is Gnawing a Bone: Selected Essays on China]: monografija. V.Ja. Portjakov. M.: ID «FORUM», 2018. 464 p. (In Russian).
49. Bao Yuan 暴元. Zhongguo quyu jingji fazhan bu pingheng de yuanyin ji duice 中国区域经济发展不平衡的原因及对策 [Causes and Countermeasures of Unbalanced Regional Economic Development in China]. *Henan shifan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)* 河南师范大学学报(哲学社会科学版) [Journal of Henan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)]. 2008. T. 35. Vip. 1. P. 178–180. (In Chinese).
50. Wang Xuanxuan 王选选. Zhongguo si da quyu jingji fazhan chaju de chengyin fenxi 中国四大区域经济发展差距的成因分析 [Analysis of the Causes of the Economic Development Gap between China's Four Major Regions]. *Caimao jingji* 财贸经济 [Finance and Trade Economics]. 2009. № 11. P. 131–135. (In Chinese).

- 51.** Makeeva S.B. Regionalnaja istorija KNR v period 1978–1999 gg.: usilenie tendencij neravnomernogo regional'nogo razvitiya [Regional History of the People's Republic of China in the Period 1978–1999: Strengthening Trends of Uneven Regional Development]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshhenija. Serija: Istorija i politicheskie nauki*. 2021. № 1. P. 133–141. (In Russian).
- 52.** Liu Xiaohong, Zhang Zhengyi, Gong Nan. Znachenie i razvitie pravovoj sistemy pilotnyh zon svobodnoj trgovli s kitajskoj specifikoju [The Significance and Development of the Legal System of Pilot Free Trade Zones with Chinese Characteristics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2022. T. 13. Vyp. 3. P. 629–660. (In Russian).
- 53.** Si Czin'pin zajavil o vazhnosti pilotnyh zon svobodnoj trgovli [Stated the Importance of Pilot Free Trade Zones]. 27.09.2023. *Gazeta «Trud»*. Available at https://www.trud.ru/article/27-09-2023/1545081_si_tszinpin_zajavil_o_vazhnosti_pilotnyx_zon_svobodnoj_torgovli.html (accessed: 27.09.2023). (In Russian).
- 54.** Predsedatel' KNR prizval prodolzhat' delo Djen Sjaopina [Chinese President Calls to Continue Deng Xiaoping's Work]. 24.08.2024. *Bol'shaja Azija*. Available at <https://bigasia.ru/predsedatel-knr-prizval-prodolzhat-delo-den-syaopina/> (accessed: 22.08.2024). (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Калашникова Наталья Павловна – доктор политических наук, заведующая кафедрой Ассамблеи Народов Казахстана, председатель Ассоциации кафедр АНК «Шанырак», профессор кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, академик МАИИ.

E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

Павлова Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-1825-0097

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Kalashnikova Natalya P. – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of the Assembly of Peoples of Kazakhstan, Chairman of the Association of Departments of the APK "Shanyrak", Professor of the Department of Political Science of the, Academician of the MAIN. L.N. Gumilyov Eurasian National University.

E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

Pavlova Olga K. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Higher School of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-1825-0097

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024.
Одобрена после рецензирования 29.10.2024.
Принята 15.11.2024.

Received 06.09.2024.
Approved after reviewing 29.10.2024.
Accepted 15.11.2024.

научная статья
УДК: 32+325.8+930.85
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.11

Геоидентичность и структура региона Центральной Азии в контексте бифуркационной истории (к постановке вопроса историографического анализа)

Лу Фэн ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия.

✉ boker809260921@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-9777-520X>

***Аннотация.** Предлагается обсудить сложную и изменчивую геополитическую идентичность региона Центральной Азии, который исторически служил важным мостом между восточными и западными цивилизациями, где часто происходила торговая деятельность и обмен информацией по траектории Шелкового пути. В исследовании анализируется состояние сосуществования «закрытости и связанности» стран Центральной Азии, а также посредническая роль, которую они играли в различные исторические периоды. С распадом Советского Союза пять государств Центральной Азии начали формировать новую структуру идентичности и внешнего восприятия, в связи с этим, автором анализируется внутренняя структура региона и её динамика, включая: процесс российской экспансии; меняющиеся модели управления; административные и параллельные структуры, унаследованные центральноазиатскими государствами после распада Советского Союза. Исследование опирается на результаты, полученные при анализе источников в рамках цивилизационного подхода в аналитике центрально-азиатской идентичности, в сочетании с методами историко-сравнительного анализа. На основании результатов исследования автор предлагает гипотезу новых исторических нарративов и их влияния на построение национальных идентичностей в контексте плюралистического и многолинейного характера развития государств «Большой пятёрки», входящих в настоящее время в Содружество Независимых Государств.*

Ключевые слова: Центральная Азия; страны «Большой Пятёрки»; цивилизационный обмен; внутренняя структура региона; изменения в управлении; бифуркационная история; национальная идентичность; геоидентичность

Для цитирования: Лу Фэн. Геоидентичность и структура региона Центральной Азии в контексте истории бифуркаций (к постановке вопроса историографического анализа) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 201–217. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.11.

© Лу Фэн, 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 32+325.8+930.85

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.4.11

Central Asia's Geopolitical Identity and Structure in Context of Bifurcative History (to the Question of Historiographical Analysis)

Lu Feng ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ boker809260921@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-9777-520X>

Abstract. Discussion is offered on the complex and fluid geopolitical identity of the Central Asian region, which historically served as an important bridge between Eastern and Western civilizations, where trade activities and information exchange along the Silk Road trajectory often took place. The study analyzes the state of coexistence of “closedness and connectedness” of Central Asian countries and the mediating role they have played in different historical periods. With the collapse of the Soviet Union, the five Central Asian states began to form a new structure of identity and external perception; in this regard, the author analyzes the internal structure and its dynamics, including the process of Russian expansion; changing governance models; and the administrative and parallel structures inherited by the Central Asian states after the collapse of the Soviet Union. The study is based on the results obtained from the analysis of sources within the framework of the civilizational approach in the analysis of Central Asian identity, combined with the methods of historical-comparative analysis. Based on the results of the study, the author proposes a hypothesis of new historical narratives and their influence on the construction of national identities in the context of the pluralistic and multilinear nature of the development of the “Big Five” states that are currently part of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: Central Asia; G5 countries civilizational exchange; internal structure; changes in governance; bifurcation history; national identity; geo-identity

For citation: Lu Feng. Central Asia's Geopolitical Identity and Structure in Context of Bifurcative History (to the Question of Historiographical Analysis). *Russia in the Global World*. 2024. T. 27. Iss. 4. P. 201–217. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.11.

© Lu Feng, 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Введение

Центральная Азия расположена в центре Евразийского континента, это крупнейшая территория, которая давно играет важную роль в истории мировой культуры, являясь мостом между восточными и западными цивилизациями. «Это была важная зона оборота для торговой деятельности

и обмена информацией на знаменитом «Шелковом пути». Например, именно жители Центральной Азии переняли многие европейские изобретения и распространили их в Китае; и многие китайские изобретения также были привезены ими в Европу. Поэтому, если Индию и Китай можно включить в рамки всемирной истории, очевидно, что Центральную Азию следует рассматривать таким же образом» [1].

В современной ситуации, этот регион снова стал ареной для великих игр мировых держав. С распадом Советского Союза и обретением независимости пятью центральноазиатскими государствами (Большая Пятерка), Центральная Азия, включающая Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан, начинают формировать новые рамки собственной идентичности и внешнего восприятия, тем самым обозначается новая эпоха для будущего развития региона.

В определении границ субрегиона до сих пор не выработана единая точка зрения. По мнению энциклопедии Британника, не существует различий в понимании терминов «Средняя Азия» и «Центральная Азия». Оба понятия трактуются как «Central Asia»: регион включает в себя Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Туркмению и Таджикистан¹.

Согласно определению АНО Института исследований Центральной Азии (г. Казань), Центральная Азия – регион, охватывающий территорию пяти стран: Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Указанная точка зрения² не соответствует определению региона согласно определению ЮНЕСКО, предполагающее объединение всей территории Монголии, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Афганистана, а также северных

¹ Центральная Азия // РУВИКИ. Новая российская интернет-энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%90%D0%B7%D0%B8%D1%8F#:~:text=%D0%9F%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%AE%D0%9D%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%2C%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%20%D0%B2%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B0%D0%B5%D1%82,%2C%20%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%2D%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0. (дата обращения: 13.10.2024).

² Страны Центральной Азии // Институт исследований Центральной Азии: [сайт]. URL: <https://central-asia.institute/centr-asia-countries/>. (дата обращения: 13.10.2024)

территорий Ирана, Индии и Пакистана, восточной части Китая и юга России³.

Центрально-Азиатский регион, являющийся каналом обмена между Востоком и Западом на Евразийском континенте, исторически известен тем, что в нем нет стабильной политической структуры, глубокого исторического наследия и четко определенной этнической структуры. Из-за этой турбулентности и изменчивости, вероятно, странам Центральной Азии было трудно сформировать целостную идентичность в ходе цивилизационной истории. Поэтому регион часто рассматривался как «периферийная зона» в истории соседних цивилизаций. Однако в этой сложной и изменчивой геополитической обстановке Центральная Азия играла важнейшую посредническую роль, которая имела циклический характер, постоянно меняясь по мере того, как могущество соседних цивилизаций то возрастало, то ослабевало.

С точки зрения эпистемологии, Центральная Азия – это и увлекательный объект изучения, привлекающий внимание историков и современных политиков, и сложная «черная дыра знаний», нарушающая имеющиеся у людей представления об этом регионе. Единственная определенность в этой «стране неопределенности» – это меняющийся внутренний порядок и размытость внешних границ. Эта уникальная региональная идентичность не только предоставляет богатый материал для академических исследований, но и дает широкое пространство для углубленного изучения истории и реальности Центральной Азии [2].

Современная модель сформировала базовое понимание состояния Центральной Азии в рамках евразийских представлений [3], которая является основной моделью восприятия Центральной Азии на общественном уровне [4]. В фокусе предлагаемого исследования – проблема определения геоидентичности государств региона (стран СНГ) в контексте историко-социальной динамики. Исследование опирается на результаты, полученные при анализе исторических источников,

³ Центральная Азия // Алтай-Гид: [сайт]. URL: <https://www.altai-guide.ru/articles/4781/#:~:text=%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B%20%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%90%D0%B7%D0%B8%D0%B8%2C%20%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B5%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BB%D0%B0,%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%20%D1%8E%D0%B3%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8>. (дата обращения: 13.10.2024).

государственных заявлений и инициатив в рамках цивилизационного подхода в сочетании с методами историко-сравнительного анализа объекта исследования – центрально-азиатской идентичности. Основываясь на результатах своего исследования, автор выдвигает гипотезу о появлении новых исторических нарративов и их роли в формировании национальных идентичностей в условиях плюралистического и многолинейного развития государств «Большой пятёрки», ныне входящих в Содружество Независимых Государств.

Исходя из этого, мы должны ответить на несколько вопросов, связанных с геоидентичностью: Что такое Центральная Азия? Чем Центральная Азия не является? Что будет с Центральной Азией в перспективе?

Материалы и результаты исследования

Термин «Центральная Азия» в различных концепциях

Термин «Центральная Азия» ввёл в 1841 г. немецкий географ и путешественник Александр Гумбольдт, которым была обозначена внутренняя часть Азиатского материка, между Каспийским морем на западе и довольно неопределённой границей на востоке. Фердинанд Рихтгофен разделил регион на две части: Центральная Азия охватывала пространство от Тибета на юге до Алтая на севере; от Памира на западе до Хингана на восток. Дискуссии вокруг терминов «Срединная Азия», «Средняя Азия», «Центральная Азия» в рамках геополитических и исторических исследований показывают актуальность проблемы термина и в современных концепциях понимания и роли региона [5].

Очень важно рассмотреть позиции не только исследователей Запада, но и исследователей Востока. С исторической и географической точки зрения Центральная Азия в историческом видении древних китайских династий, является обширным легендарным западным регионом, который был важным дополнением к основному повествованию о «Срединном царстве» в последующих поколениях исследователей китайской официальной истории. Богатство или недостаток этих территорий стали важным маркером того, были ли это официальные повествования и связанные с ними великие династии, или нет.

С другой стороны, Центральная Азия является частью восточного мира, которого когда-то коснулись александрийские экспедиции греческой цивилизации, но долгое время эти территории оставались плохо

изученными, и в таком восприятии стали частью пространства древнего степного Шелкового пути [2; 5; 6]. Знаменитый древнегреческий историк Геродот в своем монументальном труде «История» так описал обстановку в Центральной Азии: «До того места, где обитают эти лысые люди, эта часть земли и народы, живущие по ту сторону ее, хорошо нам известны. Ведь среди скифов есть те, кто путешествовал к ним, и у них нетрудно что-нибудь разузнать. Также можно узнать у греков в торговом порту Полисфена и других торговых портах на Черном море. Скифы и туземцы, отправлявшиеся к ним, общались с ними через семь переводчиков и на семи языках» [6, с. 110]. Геродотом описана «дорога скифов», путешествующих на восток вокруг Каспийского и Аральского морей, представлен западный маршрут северной части Шелкового пути, по которому в доханьский период двигались караваны с Востока на Запад.

В XIX–XX вв. Центральная Азия стала регионом внутренней Азии, где Россия и Британия соперничали друг с другом, что оказывало влияние на политическую и военную ситуацию на восточной и западной окраине Евразийского континента. Ведущий исследователь истории Центральной Азии в России и в Советском Союзе, академик В. Бартольд (также известный как Балторид – *прим. автора*), в своей книге «Краткая история Центральной Азии» (1920) отмечал: «В XIX веке, когда Европа окончательно утвердила свое культурное лидерство, Центральная Азия, как самая удаленная от Европы часть исламизированной Азии, вновь уступала другим исламским странам в культурном развитии... До прихода России в Центральной Азии не было печати, ни литографической, ни подвижного типа, в то время как в Турции и Персии печать существовала уже давно. В Турции и Персии европейское влияние присутствовало в государственной и общественной жизни уже в XVIII веке, тогда как Центральная Азия в этом отношении оставалась полностью средневековой» [7, с. 97].

В XX веке регион называли как «советской Центральной, или Средней Азией», так и впоследствии странами «Большой пятёрки» – независимыми современными государствами: Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном [1], т.е. в рамках предложенных концептов Энциклопедии Британника и Института исследований Центральной Азии, не совпадающих с более широким определением региона, предложенным ЮНЕСКО (см выше).

Таким образом, современное понимание Центральной Азии с точки зрения ряда общественных и научно-исследовательских организаций – это регион культурно-экологического симбиоза, прошедший через несколько этапов изменений; регион, который связан с мощью соседних цивилизаций и государств; регион, который мы не можем полностью обойти стороной, когда думаем о развитии наших собственных обществ и цивилизаций [3]. В частности, когда мы размышляем об исторической миграции народов и взаимодействии между китайскими династиями и кочевыми силами Севера (военные экспансии хунну, монголов и т.п.), мы осознаем важную внешнюю роль, которую сыграла Центральная Азия в этих процессах.

Перспективы развития Центральной Азии

Интересно, что, хотя Центральная Азия была частью колониальной имперской системы России не больше, чем Британская Индия, историческая Центральная Азия изменила уникальным образом историю Индии и Южной Азии, в целом. Ярким примером этого процесса является империя Великих Моголов и ее основатель Бабур. Как отмечает известный востоковед С.Э. Лейн-Пул «Бабур был мостом между Центральной Азией и Индией, между кочевниками, жившими за счет грабежей, и имперским правительством, между Тимуром и Акбаром. В его жилах текла кровь двух великих владык Азии, Чингисхана и Тимура, он соединил воспитание и мягкость персов с храбростью и хорошим настроением кочевников-татар. Он принес бодрость монголов, храбрость и умение турок... Сам он был удачливым воином, а не строителем империи, однако именно он заложил первый камень в фундамент великолепного здания, возведенного его внуком Акбаром» [8]. Эта региональная связь, сформированная через ассоциацию конкретных фигур с империями, обеспечивает основу и возможность для размышлений о будущем преобразовании Центральной Азии.

Как отмечает Карл Шмитт, Первая мировая война и ее последствия определили ход развития мира в XX веке: «В предыдущие века именно европейские конференции определяли пространственный порядок мира, но на Парижской мирной конференции 1918–1919 годов впервые все перевернулось: именно мир определил пространственный порядок Европы, что означало, что была предпринята попытка создать новый порядок для Европы... Под эгидой Лиги Наций Всемирная конференция навязала перераспределение земель на европейском континенте» [7]. После этого

европейский порядок претендовал на определение мировых рамок и уточнение геополитические роли отдельных государств.

Однако, по мере развития мировой политики и геополитические изменения последнего времени отводят Центральной Азии новую роль. Внутренние регионы Евразии, «в силу отсутствия выхода к морю и непроницаемости морской мощи, должны были стать центральными зонами мировой политики... Центральная Азия могла функционировать только на основе своей привязанности к России (Советскому Союзу). Но после того, как Советский Союз распался, Центральная Азия оказалась перед новым выбором. «Стать ли частью так называемой «турецкой сферы влияния»; остаться под влиянием России; искать «экстерриториальную» державу, такую как США, в качестве опоры для своей сбалансированной дипломатии; или формировать новые добрососедские отношения с соседними странами, такими как Китай, Индия, Иран и т. д.» [9, с. 141].

Динамика внутренней структуры региона

XX век стал настоящим театром мировой истории и полем новой геополитической практики, временем формирования общего мирового порядка сегодняшнего дня, оказав уникальное влияние на внутреннюю структуру регионов.

Процесс российской экспансии в XIX–XX вв. был не только расширением ее имперской структуры в регионе, но и процессом развития и закрепления концепции российской границы в новом историческом и экологическом пространстве Центральной Азии. С хронологической точки зрения, включение Центральной Азии в российскую геополитическую и экономическую практику стало важным этапом в развитии российской концепции границы. Именно в противостоянии с «варварами» на Востоке постепенно сформировалась ее собственная отличительная «пограничная природа», а в собственном самоописании Россия сама стала барьером между Европой и Азией [10]. Азиатские ханства устремлялись к границам России, стучались в «ворота Европы», но «мрачные стражники без церемоний отгоняли непрошенных гостей. Шибчаки, башкиры, калмыки и киргизы, один за другим, спотыкались перед неприступной мощью русского народа. Русский народ не только освободил себя, но и избавил Европу от ужасов вторжения варварских татарских армий, подобных армиям Аттилы и Батыя» [8].

Исторически постепенное завоевание казахской степи Россией началось с подавления режимов казахских ханств: Средний, Малый и Большой Джузы были покорены в 1822, 1824 и 1848 годах, соответственно. «Установление царской власти в казахской степи было медленным и целенаправленным процессом. Петербургское правительство не предоставило казахам статуса подданных, и они оставались «инородцами» (инородцами, аллогенами)» [2]. Вначале центральноазиатская политика России была более лояльной и заключалась в сохранении местного общественного строя: «Внутренняя политика царя в Центральной Азии заключалась в обеспечении дальнейшего правления путем поддержания мира и порядка в регионе при возможно меньшем вмешательстве в местные обычаи и образ жизни. Но затем хлопок, избыток земли и рыночный спрос изменили прежнюю политику России в Центральной Азии» [11].

С принятием в 1822 г. «Положения о западносибирских киргизах», Россия начала планомерную реструктуризацию сложившейся политической системы в Центральной Азии, которая началась со Среднего Джуза, чьи территории Россия включила в состав периферийных районов Омской губернии под непосредственным управлением генерал-губернатора Сибири [4].

С постепенным присоединением Центральной (Средней) Азии в XIX – начале XX вв. Россия создала степные наместничества на севере Центральной Азии с резиденцией в Омске и Туркестанское наместничество в южных оазисах с резиденцией в Ташкенте, таким образом, установив модель управления «северная степь + южный оазис». С точки зрения экологической и политической ситуации в регионе, эта модель управления принимала различные формы организации, основывалась на распределении географических ресурсов (климат, земельные и водные ресурсы), но ее структура «север – юг» оставалась неизменной. В целом, эта модель административного управления оставалась вплоть до начала XX в., Россия установила контроль над регионом с преимущественно аграрной экономической структурой региона и связанным с ней распределением населения и групп. В этой модели «север – юг», Ферганская долина (современный Узбекистан) долгое время была экономически, демографически, исторически и культурно доминирующей, в силу своего исторически сложившегося социально-экономического развития.

В период между Февральской и Октябрьской революциями в центральноазиатских обществах усилилось чувство субъектности. В результате внутренних событий в России Советское Правительство постепенно взяло власть в свои руки и в последующие годы разработало новый дискурс «равенства» в рамках общей политической практики и системы управления СССР, тем самым, изменив исторически сложившуюся южно-центристскую структуру на политическом, экономическом и социальном уровнях. Северный степной регион с Казахстаном постепенно стал северным центром новой структуры и в значительной степени изменил способы, с помощью которых страны Центральной Азии демонстрируют свою историю и понимают свои границы, что отражает сайт организации [12].

В августе 1993 г. пять получивших независимость центральноазиатских государств подписали декларацию, в которой еще раз подтвердили принцип сохранения существующих границ между ними [2]. Исходя из этого, страны Центральной Азии, защищая свои национальные интересы, стремились разрешить пограничные споры с соседними государствами, но продвижение к конкретному решению было медленным в силу исторического характера проблемы и той роли, которую играл регион как инструмент политической мобилизации в строительстве собственных национальных государств. После распада Советского Союза, государства Центральной Азии унаследовали административные структуры, созданные в советский период, и продолжали сохранять существующие границы, разделяя принцип «ненарушенных границ». Эта «параллельная» структура центральноазиатских государств, сформированная в советской политике на основе принципа равенства, перешла в «наследство» после распада СССР и стала своего рода базовым консенсусом в последующем строительстве национальной идентичности государств.

Гражданская идентичность стран основана на национальной и территориально-цивилизационной идентичности. В Центральной Азии этническая принадлежность тесно связана с гражданской идентичностью, особенно у казахов и кыргызов, где она становится важной основой их самоощущения. Граждане Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана постепенно формируют гражданское самосознание с самобытным характером, как коренных народов – наследников древних цивилизаций Центральной Азии. (например, в городах Ферганской долины, в Бухаре,

Самарканде и других городах). Например, таджики, проживающие в Узбекистане и узбеки в Таджикистане [7], или в Казахстане и Кыргызстане, обладают собственной устойчивой идентичностью, которая глубоко укоренена в традиционных территориях. Узбеки, в частности, обладают чувством гражданской идентичности, которое находится под сильным влиянием институтов старых центральноазиатских государств и заметно отличаются от идентичности жителей соседних стран, что стало потенциальным фактором в пограничных конфликтах между новыми независимыми государствами Центральной Азии (пример: территориальные конфликты между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном в Ферганской долине) [13].

Эта сложность развития стран с точки зрения их границ и пограничных структур не только влияет на взаимоотношения между центральноазиатскими государствами на уровне реальной политики, но и представлена на уровне соответствующих новых исторических нарративов.

Дискуссия:

«Большая пятерка» в контексте бифуркационной истории

Бифуркационная история (Bifurcated History) – продукт исторических исследований в рамках постмодернистского течения, предложенный индийско-американским специалистом по истории Китая Ду Цзаньци. Предложенная им гипотеза подчеркивает [14], что история не просто идет по прямой линии вперед, а распространяется во времени и пространстве. Исторические нарративы и дискурсы в процессе репрезентации прошлого собирают и впитывают распространяющуюся историю в соответствии с потребностями настоящего, тем самым раскрывая взаимодействие между реальностью и историей. «Раздвоенная (бифуркационная) история Центральной Азии» – это постмодернистская историографическая модель, которая объединяет теорию раздвоения в географических исследованиях и историографии, для анализа исторического развития Центральной Азии с плюралистической точки зрения.

Теория бифуркации подразумевает качественное изменение систем, в том числе и политических, в зависимости от изменения ее параметров, которые могут появляться в ходе развития социально-исторического процесса. Сложность внутренней территориальной структуры современной

Центральной Азии соответствует сложности нарративов стран как «исторического континуума». Двухлинейная, или бифуркационная история [8] стала ключевым моментом в создании исторического дискурса в странах Центральной Азии, что означает принципиальную смену единого нарратива истории региона, основанного на модели бывшего российско-советского пространства, что повлекло развитие конкуренции между историческими нарративами стран Центральной Азии. Знание и понимание концепций и исторически сложившихся стилей стран «Большой пятерки» поможет нам лучше понять ориентацию и направления развития стран региона в настоящем и будущем.

Например, Республика Казахстан является крупнейшей страной современной Центральной Азии. Исторический нарратив Казахстана в советский период был подчинен общей структуре советской истории и представлен следующими четырьмя шаблонными способами (моделями развития):

1. Объединение Казахстана с Россией было целью, к которой стремились выдающиеся и дальновидные правители казахского народа с конца XVI века.

2. Союз Казахстана с Россией предотвратил порабощение казахов другими государствами и привел их к тесной связи с государством, которое было «более цивилизованным», чем любой из азиатских соседей.

3. Присоединение Казахстана к России предотвратило раздел региона соседними странами и открыло путь к его переходу в более прогрессивную экономическую форму.

К 1992 г., после распада Советского Союза, президент Н. Назарбаев в «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства» [7] указывал на огромную роль исторических факторов в строительстве Казахского государства, утверждал, что существующие границы Казахстана – это территории этнических племен, которые были расселены в более поздний период истории и контролировали всю территорию Казахстана [9].

Кроме того, он отмечал, что независимое государство – это не подарок для казахов, а их историческая родина. Власти будут использовать все средства для обеспечения целостности и неприкосновенности единого государства. Это можно рассматривать как важное заявление Казахстана о его

национальном позиционировании в период нестабильности. Эта философия, отраженная в собственном национальном историческом нарративе Казахстана, проявляется в отказе от рамок советской эпохи и начале позиционирования себя как одного из центров евразийского исторического движения. «... Евразийская степь, как часть Центральной Азии, была самостоятельной цивилизационной единицей, отдельной от цивилизаций Желтой реки и Дуная. Евразийская степная цивилизация сочетает в себе культурные особенности всех эпох и регионов ... мира, и во все периоды в ней существовал ряд очень активных этнических центров, люди, которые распространялись и мигрировали во всех направлениях, подобно котлу с кипящей водой, которая то закипает, то выплескивается, преображая в конечном итоге облик всего континента... Казахстан всегда находился в центре этих нерегулярных миграционных движений в Евразии» [8].

С когнитивной точки зрения этот нарратив заслуживает внимания, поскольку он создает новый «исторический континуум» вне установленных рамок. В настоящее время, когда целью является поиск «исторического континуума», формирование чувства национальности и историчности стало основополагающим элементом в строительстве центральноазиатских национальных идентичностей. Однако эта цель требует компромисса между историей и реальностью, поскольку всегда существовало несоответствие между имперской славой и исторической памятью, которую пытаются обрести сами страны, и реальностью советской демаркации границ.

В действительности страны современной Центральной Азии не могут быть связаны с реальными границами региона, а «эксклюзивные» и «разрезанные», или разрушенные нарративы истории центральноазиатских государств и их имперские воображения не могут быть полностью реализованы в отношениях в настоящее время. Поэтому, вероятно, что еще долгое время «разделение» и «переплетение» на основе «двулинейной», или «бифуркационной» истории будет основной ситуацией в отношениях стран Центральной Азии, в том числе с использованием данных исторических карт и их реальными границами.

Вероятно, что в будущем строительство национальных государств в странах Центральной Азии будет длительным процессом. В то же время, это процесс конструирования новой идентичности, отличной от советской.

Поскольку страны Центральной Азии имеют разные основания для конструирования своей национально-гражданской идентичности, процесс, интенсивность и способ продвижения национального государства будет индивидуальным в каждой стране, и, соответственно, написание «исторического континуума» представляется вариабельным.

В частности, «множество нитей» подразумевает не только множественность, но и сложность исторического развития. В Центральной Азии, благодаря ее особому географическому положению, исторической роли моста между восточной и западной культурами, и потому влиянию самых разных цивилизаций и сил. Эти влияния могут накладываться друг на друга во времени и переплетаться в пространстве, создавая, таким образом, сложную и разнообразную историческую картину.

Заключение

Цитируя слова бывшего президента Казахстана, Н. Назарбаева о том, что «хотя Центральная Азия не имеет выхода к морю, у нас есть два океана – Китай и Россия, и это наши лучшие океаны, если только будет открыто сухопутное сообщение» [2], мы можем понять сложную связь между географической идентичностью, внутренней структурой и историей сложных линий, которые демонстрирует регион Центральной Азии. Именно в контексте таких структурных сдвигов расширяется и углубляется картина и перспектива нашего восприятия Центральной Азии в новых геополитических концепциях.

Российские исследователи считают, что евразийская интеграция может укрепить экономические связи между странами Центральной Азии и Россией, способствовать свободному движению товаров, капитала и людей в регионе, а значит, стимулировать экономическое развитие стран Центральной Азии. Однако российские ученые понимают, что процесс евразийской интеграции сталкивается со многими проблемами, такими как геополитическая сложность и большие экономические различия. Поэтому они подчеркивают, что для достижения экономического процветания и политической стабильности странам Центральной Азии необходимо активно участвовать в процессе региональной интеграции, сохраняя при этом свою и государственную независимость и идентичность [3].

С точки зрения китайских исследователей, евразийская интеграция играет важную роль для стран Центральной Азии. Она не только

способствует экономическому сотрудничеству между этими странами и соседними государствами, такими как Россия и Китай, но и стимулирует быстрое развитие внутри региональной торговли, инвестиций и строительства инфраструктуры [14].

По мнению автора, евразийская интеграция может способствовать повышению статуса и влияния стран Центральной Азии на международной арене и оказать мощную поддержку их экономическому развитию и политической стабильности. В перспективе, с углубленным согласованием инициативы «Пояс и путь» с задачами и практикой Евразийского экономического союза, страны Центральной Азии получают больше возможностей для развития, чтобы достичь устойчивого экономического процветания и долгосрочной социальной стабильности. Центральная Азия, как важная часть Евразийского континента, имеет большие перспективы на будущее, но перед ней также стоит множество проблем. Только укрепляя внутреннее сотрудничество и добиваясь общего развития, Центральная Азия сможет противостоять волнам глобализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галазова С.С. Региональная идентичность экономического пространства // Экономика и управление. 2014. № 6 (115). С. 64–69.
2. Лу Бин 陆兵. Чжунго юй чжунъя у го синь диюань чжэнчжи 中国与中亚五国新地缘政治 [Китай и новая геополитика пяти государств Центральной Азии] // И дай и лу шу цзюй ку — 一带一路数据库 [База данных «Пояса и пути»]. [сайт]. URL: <https://www.ydylcn.com/zjgd/332955.shtml> (дата обращения: 09.06.2024).
3. Акаев А.А., Кефели И.Ф. Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 10–25.
4. Си Цзиньпин 习近平. Цзай ташигань уззыбекэ сытань цзуйгао хуэйи лифаюань дэ яньцзян 在塔什干乌兹别克斯坦最高会议立法院的演讲 [Выступление в Законодательной палате Верховного Совета Узбекистана в Ташкенте]. 23.06.2016 // Синьхуа тунсюньшэ 新华通讯社 [Информационное агентство Синьхуа]: [сайт]. URL: https://news.cnr.cn/native/gd/20160623/t20160623_522473078.shtml (дата обращения: 11.10.2024).
5. Бураев А.И. К вопросу о применении термина «Центральная Азия» в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2011. №8. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primeneni-termina-tsentralnaya-aziya-v-istoricheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 12.10.2024).
6. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1991. 440 с.
7. Назарбаев Н. Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства, 16 мая 1992 года [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (дата обращения: 09.10.2024).

8. Юань Цзянь 袁剑. Чжунъя дицюй вэньхуа ичань баоху лиши сяньчжуан цзи тэчжи 中亚地区文化遗产保护: 历史、现状及特质 [Сохранение культурного наследия в Центральной Азии: история, состояние и особенности] // Го бе цюйюй шуцзюй пинтай 国别区域数据平台 [Региональные платформы данных по конкретным странам]: [сайт]. URL: <https://www.crgcn.com/articleDetail?parentName=%25E4%25B8%25AD%25E4%25BA%25A%25E5%258=73741028> (дата обращения: 11.06.2024).
9. Zhang, L., Huo, J. One Belt, One Road and Investment Risk in the Context of Institutional Change // *Economic Integration and Development in Asia*. 2020. P. 137–157.
10. Акматалиева А.М. Инициатива «Один пояс-один путь» в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2018. №4. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiativa-odin-royas-odin-put-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.11.2024).
11. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 130 с. [эл. доступ]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> (дата обращения: 09.06.2024).
12. Members of the Silk Road Caucus. Congressional Silk Road Caucus. [сайт]. URL: <https://srcic.org/silk-road-members/>. (accessed: 20.05.2024).
13. Олимова С., Олимов М. Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1. С. 21–40.
14. Чжан Гуанда 张广达, Яньцзю чжунъя ши ди дэ жумэнь шу хэ цанькао шу 研究中亚史地的入门书和参考书 [Вводно-справочный справочник для изучения истории и географии Средней Азии]. [эл. доступ]. URL: <https://www.docin.com/p-1111941712.html> (дата обращения: 13.10.2024).

REFERENCES

1. Galazova S.S. Regionalnaya identichnost ekonomicheskogo prostranstva [Regional Identity of Economic Space]. *Ekonomika i upravleniye*. 2014. № 6 (115). P. 64–69 (In Russian).
2. Lu Bin 陆兵. Chzhun go yuy chzhunya u go sin di yuan chzhen chzhi 中国与中亚五国新地缘政治 [New Geopolitics between China and Five Central Asian Countries]. *Yi da yi lu shu ju ku* 一带一路数据库 [Belt and Road Database] Available at <https://www.ydylcn.com/zjgd/332955.shtml> (accessed: 09.06.2024) (In Chinese).
3. Akayev A.A., Kefeli I.F. Projekty i realii formirovaniya Bolshogo yevraziyskogo prostranstva [Projects and Realities of the Formation of the Greater Eurasian Space]. *Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2024. T. 18. № 2. P. 10–25. (In Russian).
4. Xi Jinping 习近平. Zai tashengan wuzibieke sitan zuigao huiyi lifayuan de yanjiang 在塔什干乌兹别克斯坦最高会议立法院的演讲 [Speech at the Legislative Chamber of the Supreme Council of Uzbekistan in Tashkent]. 23.06.2016. *Xinhua tongxunshe* 新华通讯社 [Xinhua News Agency]. Available at https://news.cnr.cn/native/gd/20160623/t20160623_522473078.shtml (accessed: 11.10.2024). (In Chinese).
5. Burayev A.I. K voprosu o primenenii termina «Tsentralnaya Aziya» v istoricheskikh issledovaniyakh [On the issue of using the term “Central Asia” in historical research]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija*. 2011. № 8. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-termina-tsentralnaya-aziya-v-istoricheskikh-issledovaniyah> (accessed: 12.10.2024) (In Russian).

6. Frolov E.D. *Fakel Prometeya. Ocherki antichnoy obshchestvennoy mysli* [The Torch of Prometheus. Essays on Ancient Social Thought]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta. 1991. 440 p. (In Russian).
7. Nazarbayev N. *Strategii stanovleniya i razvitiya Kazakhstana kak suverenogo gosudarstva 16 maya 1992 goda* [Strategy for the Establishment and Development of Kazakhstan as a Sovereign state, 16 May 1992]. Available at https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (accessed: 09.10.2024) (In Russian).
8. Yuan Tszyan 袁剑. *Chzhun ya ditsyuy venkhua ichan baokhu lishi syanchzhuan tshi techzhi* 中亚地区文化遗产保护: 历史、现状及特质 [Cultural Heritage Protection in Central Asia: History, Current Situation and Characteristics]. *Go be tsyuyuy shutszyuy pintay* 国别区域数据平台 [National and Regional Data Platform]. Available at <https://www.crgcn.com/articleDetail?parentName=%25E4%25B8%25AD%25E4%25BA%259A%25E5%258=73741028> (accessed: 11.06.2024) (In Chinese).
9. Zhang, L., Huo, J. One Belt, One Road and Investment Risk in the Context of Institutional Change. *Economic Integration and Development in Asia*. 2020. P. 137–157.
10. Akmatalieva A.M. *Iniciativa «Odin poyas-odin put'» v Central'noj Azii* [The "One-belt-one way" initiative in Central Asia] *Sravnitel'naya politika*. 2018. № 4. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiativa-odin-poyas-odin-put-v-tsentralnoj-azii> (accessed: 09.11.2024). (in Russian).
11. *Kitayskiy globalnyy proyekt dlya Yevrazii: postanovka zadachi (analiticheskiy doklad)* [China's Global Project for Eurasia: Statement of the Problem (Analytical Report)]. M.: Nauchnyy ekspert, 2016. 130 p. Available at <https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtorlogo-CHINA2-01.pdf> (accessed: 09.06.2024). (In Russian).
12. Members of the Silk Road Caucus. *Congressional Silk Road Caucus*. [elektronnyy resur]. <https://srcic.org/silk-road-members/>. (accessed: 20.05.2024).
13. Olimova S., Olimov M. *Konflikty na granitsakh v Ferganskoy doline: novyye prichiny, novyye uchastniki* [Border Conflicts in the Fergana Valley: New Causes, New Participants]. *Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii*, 2017. № 1. P. 21–40. (In Russian).
14. Chzhan Guanda 张广达, *Yantszyu chzhun ya shi di de zhumen shu khe tsankao shu* 研究中亚史地的入门书和参考书 [An Introductory and Reference Book for Studying the History and Geography of Central Asia]. Available at <https://www.docin.com/p-1111941712.html> (accessed: 13.10.2024) (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Лу Фэн – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: boker809260921@gmail.com; ORCID: 0009-0002-9777-520X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Lu Feng – Graduate of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: boker809260921@gmail.com; ORCID: 0009-0002-9777-520X

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024.
Одобрена после рецензирования 20.11.2024.
Принята 22.11.2024.

Received 16.10.2024.
Approved after reviewing 20.11.2024.
Accepted 22.11.2024.

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS AND CULTURES

научная статья

УДК: 93

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.12

Система городского самоуправления в Семиреченской области Российской империи (конец XIX – начало XX в.)

Бочкарева Ирина Борисовна ✉

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
✉ portnygina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2063-2227>

***Аннотация.** Введение всесловных выборных институтов городского самоуправления в лице Городской думы и Управы по итогам городской реформы 1870 г. отвечало логике модернизационного процесса в Российской империи. Вместе с тем, для национальных областей Российской империи, где действовал особый порядок администрирования, применялся ограничительный режим распространения и применения общеимперских законодательных норм с учетом местной специфики. Развитие институтов городского самоуправления в Семиреченской области, которая с 1867 г. попеременно входила то в состав Туркестанского края, то Степного края, показательно для анализа подходов центральных и региональных политических элит по вопросу привлечения «городских обывателей» к управлению на локальном уровне. Автор ставит цель рассмотреть принципы организации и особенности правового статуса институтов городского самоуправления в Семиреченской области, прежде всего, в г. Верный, оценить вклад Городской Думы в модернизацию городской среды. Пребывание в составе Степного края с 1882 по 1899 г. привело к тому, что система городского самоуправления области была приведена в соответствие с общеимперскими нормами по Городовому положению 1892 г., и с возвращением области в состав Туркестанского края была сохранена. Эффективность работы Городской Думы и Управы по развитию города снижал скромный городской бюджет и отсутствие экономических факторов для его роста, дефицит городской земли из-за конфликта интересов с казачеством. Тем не менее, при всех имеющихся сложностях, городское самоуправление г. Верного выполняло отведенную ему функцию в системе государственного администрирования – решение вопросов текущего повседневного жизнеобеспечения населения на локальном уровне, которые для областной и краевой администрации, тем более на окраинах империи, были не в числе приоритетных. Не случайно во время ревизии Туркестанского края в 1908-1909 гг. сенатор К. Пален, сравнив опыт общественного городского управления в Семиречье и прямое управление местной администрации в других городах Туркестана, признал ее более результативной и рекомендовал распространить опыт на другие города края.*

Ключевые слова: Степной край; Туркестанский край; модернизация системы городского управления; г. Верный; Городская Дума; Городская Управа; Городской голова; городской бюджет

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01369 «Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик взаимодействия (XIX – начало XX в.)»), (<https://ias.rscf.ru/user/contests/applications/running>).

Для цитирования: Бочкарева И.Б. Система городского самоуправления в Семиреченской области Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 218–239. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.12.

© Бочкарева И.Б., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 93

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.4.12

The System of Urban Self-Government in the Semirechensk Region of the Russian Empire (Late XIX – Early XX Century)

Irina B. Bochkareva ✉

Altai State University, Barnaul, Russia

✉ portnygina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2063-2227>

Abstract. *The introduction of all estates elected institutions of urban self-government in the person of the City Duma and the City Council following the results of the urban reform of 1870 corresponded to the logic of the Russian Empire modernization process. At the same time, for the Russian Empire's national regions, where a special administrative procedure was in effect, a restrictive regime was applied for the dissemination and application of general imperial legislative norms, taking into account local specifics. The development of urban self-government institutions in the Semirechensk Region, which since 1867 has alternately been part of the Turkestan and then the Steпnoy Krai, is indicative of the analysis of the central and regional political elite's approaches on the issue of attracting "city laymen" to local government. The author aims to examine the principles of organization of urban self-government institutions in the Semirechensk Region, first of all, the city of Verniy, to assess the contribution of the Vernensky Duma to the urban environment's modernization. Being a part of the Steпnoy Krai from 1882 to 1899 led to the fact that the urban self-government's system of the region was changed in accordance with the general imperial norms according to the City Regulations of 1892, and with the return of the region to the Turkestan Krai, it was preserved. The effectiveness of the City Duma and the City Council was reduced by the modest city budget and the lack of economic factors for its growth, the shortage of urban land due to a conflict of interests with the Cossacks. Despite all the difficulties of the work, urban self-government institutions of Verniy performed a necessary function in the system of public administration – solving issues of current daily life support of the population at the local level, which for the provincial and regional administration on the empire's outskirts were not among the priorities. It is no coincidence that during the revision*

of the Turkestan region in 1908–1909 Senator K. Palen, having compared the experience of public urban management in Semirechye and the direct management of local administration in other cities of Turkestan, recognized it as more effective and recommended extending the experience to other cities in the region.

Keywords: Stepnoy Region; Turkestan's Region; modernization of the urban management system; Vernyi; City's Duma; City's Government; Mayor, City Budget

Funding: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01369 "Government and Society in the Steppe region of the Russian Empire: the evolution of interaction practices (XIX – early XX century)", (<https://ias.rscf.ru/user/contests/applications/running>).

For citation: Bochkareva, I.B. The System of Urban Self-Government in the Semirechensk Region of the Russian Empire (Late XIX – Early XX Century). *Russia in the Global World*. 2024. T. 27. Iss. 4. P. 218–239. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.12.

© Bochkareva, I.B., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Введение

Практика управления национальными районами Российской империи в XIX – начале XX вв. включала ограничительный режим распространения и применения в них общеимперских законодательных норм с учетом этно-конфессиональной специфики, военно-стратегического положения и уровня модернизации региона. Туркестанское и Степное генерал-губернаторства как административные единицы включали обширные центрально-азиатские владения Российской империи с тюркоязычным мусульманским населением. Введение в городах региона системы всеобщих, выборных органов городского самоуправления по реформе 1870 г., с одной стороны, подчинялось логике общеимперского процесса реформирования системы управления и вызовам модернизации, с другой – несло на себе отпечаток региональной специфики. Если перейти с краевого на областной уровень, то показательный, нестандартный случай развития городского самоуправления демонстрирует Семиреченская область. С момента своего образования в 1867 г. Семиреченская область с центром в г. Верный несколько раз меняла свою административную принадлежность, входя то в состав Туркестанского генерал-губернаторства, то Степного. В результате система управления области, включая исследуемое нами городское самоуправление, представляла своеобразный симбиоз подходов к управлению, правовых

норм, действующих в двух генерал-губернаторствах, и выбивалась из общего ряда других областей в их составе. Поскольку в полном объеме система городского самоуправления действовала только в г. Верный, в остальных городах области было введено упрощенное самоуправление. В предлагаемой статье мы остановимся на анализе деятельности Городской Думы и Управы г. Верный.

Система городского общественного управления в городах Степного и Туркестанского краев не относится к числу глубоко изученных тем. Краевой и областной уровень управления, а также система народного общественного управления коренного населения региона более показательная для выявления особенностей имперского администрирования центрально-азиатских окраин Российской империи, поэтому традиционно привлекали внимание исследователей [1; 2; 3]. Деятельность Городских Дум и Управ по благоустройству городов, содействию развития народного образования и здравоохранения рассматривается в ряде обобщающих работ [4; 5] и специальных исследований [6]. Организация и деятельность городского самоуправления в уездных городах Степного края рассматривается в диссертационном исследовании Р. Джаниевой [7]. Но в уездных городах края, за исключением г. Петропавловска, действовала упрощенная система самоуправления, и в указанном исследовании не затрагивается Семиреченская область. Поскольку история Верненской Городской Думы начинается с введения положений городской реформы 1870 г. в Туркестанском крае, то хотелось бы отметить исследования, посвящённые городскому самоуправлению в этом регионе, и, в частности, в Ташкенте [8; 9]. Ташкентская Городская Дума была самой представительной и результативной среди Дум городов Степного и Туркестанского краев и рассматривается нами как образец для сравнения.

Цель статьи – рассмотреть принципы организации и особенности правового статуса институтов городского самоуправления в Семиреченской области, прежде всего, г. Верный, оценить вклад органов городского самоуправления в модернизацию городской среды.

Исходными нормативно-правовыми источниками для анализа деятельности органов городского самоуправления в Семиреченской области стали Положения о городском самоуправлении в Российской империи 1870 и 1892 гг. [10; 11]. Динамика численного и социального состава избирателей и

гласных Верненской Городской Думы рассматривалась на основе избирательных списков, которые к выборам готовила Городская Управа [12; 13]. Источником для анализа состояния городского бюджета г. Верный стали статистические данные, представленные в Ежегоднике Министерства финансов за разные годы [14; 15], а также в журналах заседаний Верненской Городской Думы из фондов Центрального государственного архива РК [16]. Сметы городского бюджета дают возможность проследить основные направления деятельности Городской Думы и Управы по развитию городского хозяйства, их приоритетность, а также региональную специфику. Статистическую и фактологическую картину работы органов городского самоуправления Семиречья позволяют дополнить материалы ревизии Туркестанского края сенатором К.К. Паленом в 1908–1909 гг. [17].

Методы и методология

Методологической основой исследования стала теория модернизации как комплексное междисциплинарное направление, изучающее закономерности развития современного общества. Опыт модернизации восточных обществ в XX в. стал основанием для формирования концепции синтеза в рамках теории модернизации. Ее основное положение заключается в том, что две основные категории модернизации «традиция» (местные институты и ценности) и «современность» (западные, заимствованные институты и ценности) не вытесняют одна другую, а происходит их взаимодействие и синтез. В результате современные институты приобретают определенную региональную специфику под влиянием традиции [18].

Для определения своеобразия процесса становления и функционирования системы общественного городского самоуправления в Семиречинской области Российской империи использовались сравнительный и историко-генетический методы. Основным инструментом в работе с количественными данными послужили методы описательной статистики. Линейный график динамики численности населения г. Верный и диаграмма его сословного состава на 1910 г. составлены по данным статистических обзоров Семиреченской области [19] (см. рис. 1 и 2). Автором сознательно взяты данные за 1910 г., чтобы посмотреть картину социального состава города на завершающем этапе имперской модернизации¹.

¹ Данные статистических обзоров по Семиреченской области и другим областям Туркестанского и Степного генерал-губернаторств собраны и систематизированы в базе данных

Материалы и результаты исследования

Эволюция системы городского самоуправления в Семиреченской области: нормативно-правовая база и социальный состав

На момент проведения городской реформы 1870 г. Семиреченская область входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства, которое было подотчетно военному министерству. В этой связи, возможность введения институтов городского самоуправления оставлялась на решение первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, который должен был подготовить предложения в министерство на этот счет. Политика краевой администрации определялась фактическим статусом Туркестана, как колонии в составе Российской империи со всеми вытекающими последствиями. По мнению Кауфмана, даже на локальном уровне управления контроль над принятием решений должен был находиться у представителей метрополии из числа русского меньшинства, в этом отношении его позиция отвечала общеимперскому подходу. Согласно Городовому положению 1870 г. число гласных из нехристиан не должно было превышать 1/3 [10]. Соответственно, 2/3 должны были составлять гласные христианских конфессий, преимущественно православные. Обеспечить такую пропорцию в Городских Думах в городах региона, где абсолютно преобладало коренное тюркоязычное, мусульманское население, было, фактически, невозможно. В отличие от таких древних городов Туркестана как Самарканд, Андижан, Коканд, Ташкент, Верный возник как военный форпост в процессе продвижения Российской империи в регион в XVIII – первой половине XIX в. С образованием Семиреченской области в 1867 г. было решено крепость Верный с прилегающей к нему казачьей станицей Алматинская преобразовать в город. В этом отношении он воспроизводил логику градообразования всех городов будущего Степного края: Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Павлодар, Акмолинск, и имел с ними схожую национальную и сословную структуру. Верный был единственным из областных центров Туркестанского края, где доминировало русское население, что определило положительное решение генерал-губернатора о введении там институтов городского самоуправления. В

«Социально-экономическая модернизация центрально-азиатских окраин Российской империи» / Ю. А. Лысенко, И. В. Анисимова, М. А. Борисенко [и др.]. [эл. доступ]. URL: <https://rusempireregions.ru/> (дата обращения: 07.09.2024).

результате Городские Думы были введены в 1877 г. только в г. Ташкенте, как столице края, и в г. Верный. Во всех остальных областных и уездных городах Туркестана заведование городским хозяйством закреплялось за генерал-губернатором, а на деле осуществлялось уездными начальниками при участии депутатов от городских обществ. Таким образом, национальный фактор оказался решающим в позиции краевой администрации по вопросу распространения системы городского самоуправления на другие города, как, например, г. Самарканд. До распада империи никаких подвижек в системе управления городским хозяйством Туркестана не произошло, за исключением Семиреченской области.

В 1882 г. создается Степное генерал-губернаторство, куда помимо Акмолинской и Семипалатинской областей передаётся и Семиреченская область. В 1892 г. в России проходит городская контрреформа. В духе усиления контроля государства за обществом и его институтами Городовое положение 1892 г. сократило представительность и самостоятельность органов городского самоуправления. Мы ниже остановимся на положениях реформы подробнее, а здесь отметим, что наряду с полной формой самоуправления (Городская Дума и Управа), вводилась упрощенная форма для малонаселенных городов, где слабо представлены позиции торговых сословий. В упрощенной форме функции Думы выполнял совет уполномоченных в количестве от 10 до 15 человек, Городского голову заменял староста [17, с. 386]. Степное генерал-губернаторство в отличие от Туркестанского края подчинялось Министерству внутренних дел России, в управлении сильнее были выражены гражданские начала, поэтому во всех городах Степного края без ограничений было введено Положение 1892 г. В итоге в г. Верном сохранилась полная форма самоуправления в лице Городской Думы и Городской Управы, а в уездных городах области (Лепсинск, Пржевальск, Копал, Пишпек и Джаркент) впервые ввели общественное самоуправление, но в упрощенной форме. Интересно, что в г. Ташкенте городское самоуправление продолжало работать по нормам более либерального и демократичного Городового положения 1870 г., так как краевая администрация занимала настороженную позицию по вопросу привлечения местного общества к управлению, и не пошла на проведение в Туркестане городской реформы 1892 г. Ташкентская Дума сохранялась скорее как исключение, а не правило. В 1899 г. Семиреченская область вновь

была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства, но система общественного самоуправления городов области продолжила функционировать по нормам Городового положения 1892 г., в том числе, в вопросе предоставления избирательного права представителям сословия городских обывателей.

По реформе 1870 г. право избирать и быть избранным получали российские подданные с 25 лет, которые имели недвижимое имущество в городской черте и платили с него оценочный сбор в городскую казну, либо лица, владеющие торговыми и промышленными предприятиями по купеческим свидетельствам [10]. Так, список лиц, имеющих право выбирать гласных в Городскую Думу г. Верный в 1885 г., включал 1342 человека, 6,2% населения города (численность населения Верного по годам и его динамика представлена на рис. 1). Согласно закону, избиратели делились на три разряда по имущественному цензу. Выборщики из каждого разряда избирали 1/3 часть гласных Думы. Избирателей I разряда по списку было 27 человек из них 20 – купцы I гильдии, II разряда – 121 человек, и III разряда – 1194 [12, л. 121–123]. Исходя из количества избирателей, число гласных Городской Думы должно было составить 66 человек.

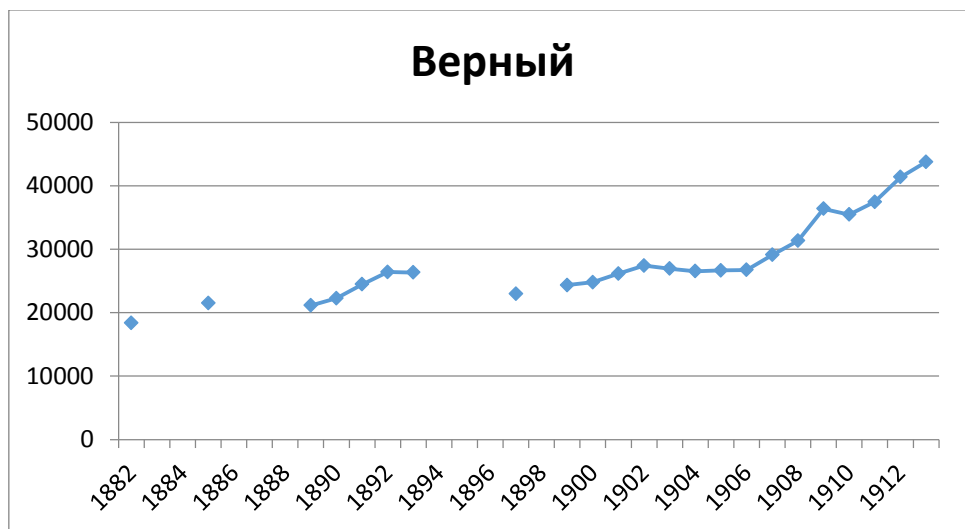

Рис. 1 Численность населения г. Верный (составлено по: [19])

Городская реформа 1892 г. резко сократила численность избирателей за счет увеличения имущественного ценза, соответственно уменьшилось и количество гласных в Городских Думах. Для Верного как областного городского центра имущественный ценз составлял владение недвижимостью оценочной стоимостью не менее 1 тыс. руб., либо

содержание торговых и промышленных предприятий по свидетельствам I и II гильдии. В итоге по списку 1897 г. число избирателей сократилось в шесть раз по сравнению с 1885 г., до 215 человек [20], число гласных Городской думы до 26, в 1901 г. список избирателей включал 234 человека [13, л. 8–11], в 1905 г. – 475 [17, с. 258]. Конечно, изменения в Городовом положении серьезно сказалось на представительности состава избирателей и гласных Городской Думы, и система самоуправления г. Верный не представляла исключение. В процентном отношении жители города, имеющие право избирать и быть избранными, в 1885 г. составляли 6,2%, а после городской контрреформы 1892 г. их доля сократилась до 0,9%, в 1897 г., но немного подросла в 1905 г. до 1,8%.

Социальный состав избирателей и гласных Верненской Думы в целом отражал социальную структуру города, где самой многочисленной сословной группой были мещане, 49% на 1910 г. (Рис. 2). Как и в большинстве городов Российской империи, население Верного, помимо естественного прироста, росло путём притока сельского населения. Региональная специфика выражалась в том, что 70% сельских обывателей, оседавших в городе, составляло коренное население (сарты, киргизы). Постепенно часть прибывшего в город сельского населения и казаки начинали заниматься торговлей, промыслами, ремеслом и переходили в сословие мещан. Количественно мещане доминировали в составе избирателей и гласных Думы, но за счет имущественного ценза их доля была ниже, чем в составе населения. Например, 33 % в списке избирателей в 1901 г., и 27% в составе гласных Думы, избранных на четырехлетие с 1905 г. [13, л. 8–11; 17, с. 258–259]. Самым представительным сословием в системе органов городского самоуправления, учитывая систему выборов, было купечество – 13% в составе избирателей и 14% в составе гласных Думы за те же годы, при том, что представители этого сословия составляли всего 1% населения города. Купеческое сословие в городах Степного края уступало и по численности и по капиталам европейскому и даже сибирскому купечеству. По сфере деятельности оно было традиционным торговым. По избирательному списку 1901 г. из 26 избирателей II разряда, получивших право выбора на основе торгового или промышленного свидетельства, только один имел промышленное свидетельство [13, л. 11]. В отсутствие помещичьего землевладения в регионе, купечество являлось самым

имущими сословием в городах Степного края, из его среды, как правило, назначался или выбирался Городской голова. Первым Городским головой г. Верного стал купец II гильдии и вольный архитектор Павел Матвеевич Зенков, один из разработчиков первого генерального плана застройки города. С 1896 г. три срока подряд Городским головой был купец, потомственный почётный гражданин Верного, Александр Иванович Путолов [17]. При нем в городе началось сооружение водопровода.

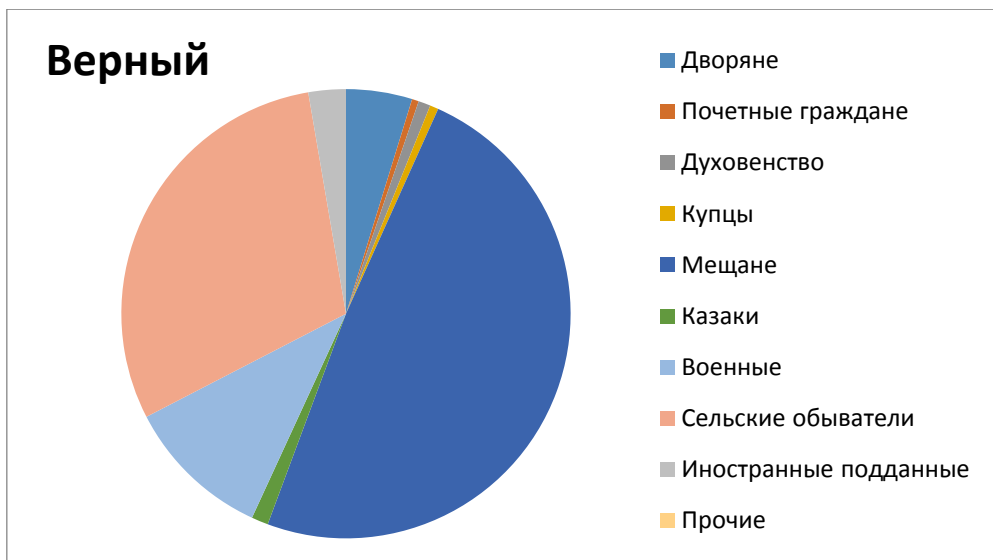

Рис. 2 Сословный состав населения г. Верный в 1910 г. (Составлено по: [19])

Обращает внимание очень низкое представительство в составе избирателей так называемой интеллигенции современного типа: врачей, учителей, преподавателей, журналистов, юристов и т.д. Список избирателей за 1901 г. включал три врача и одного учителя (1,7%), а в составе гласных Городской Думы 1905–1908 гг. нет ни одного представителя этой социальной группы. Вместе с тем, именно интеллигенция и промышленная буржуазия, несмотря на их низкий удельный вес в составе населения, выступали инициаторами и генераторами модернизационных изменений в обществе. Более того, общий уровень образованности гласных Верненской Думы 1905–1908 гг., согласно данным, приведенным в материалах ревизии К.К. Палена, был весьма скромный, если не сказать – низкий. Из 22 гласных трое были неграмотными, половина имела домашнее образование, и только трое из гласных – высшее [17, с. 258–259]. Хотя в городских положениях ценз грамотности не закреплялся, как обязательный критерий получения права избирать и быть избранным, но является показательным для оценки

готовности гласных компетентно участвовать в работе органов самоуправления, выдвигать инициативы по развитию города.

И, конечно, встает вопрос насколько в системе городского самоуправления было представлено местное коренное население. Городовое положение 1892 г. ограничивало число гласных от нехристианского населения с $1/3$ до $1/5$ [11], но к избирателям никаких ограничений не применялось, поскольку выборщики сарты, или киргизы могли голосовать за любого кандидата, в том числе русского. Итак, в списке избирателей 1901 г. представители коренного населения киргизы/сарты составляли всего 4%, такой же процент показывает чиновники и дворяне [13, л. 8–11]. Но их удельный вес в составе населения города был намного ниже, чем коренного населения (Рис. 2). В составе 22 гласных Думы 1905–1908 гг. было два сарта (9% или $1/10$), в составе Думы 1909–1911 гг. – 8 инородцев из 47 гласных (17% или $1/6$). Таким образом, состав избирателей и гласных Городской Думы г. Верный в начале XX в. был преимущественно мещанско-купеческий и в этом отношении типичный для городов Степного края, он отражал эволюцию города от сугубо военно-административного центра к торгово-экономическому центру аграрной области.

По положению 1870 г. городское самоуправление действовало самостоятельно в рамках отведенных ему сфер деятельности и компетенций. Но контроль за стороны государственных органов, конечно же, предусматривался. Во-первых, военный губернатор Семиреченской области осуществлял текущий надзор за «определениями» (решениями) Городской Думы на предмет их соответствия закону. Во-вторых, решения Думы по ряду вопросов городской жизни (о займах от имени городского поселения, об изменении городских сборов) подлежали утверждению либо губернаторов (военных губернаторов в случае с областями Степного и Туркестанского края), либо министра внутренних дел. К.П. Кауфман еще больше усилил административный контроль над работой городского самоуправления и свои компетенции как генерал-губернатора Туркестана в утверждении законодательных инициатив Думы. В этом отношении глава края заменял в своем лице министра внутренних дел согласно нормам общеимперского Городового положения 1870 г., что давало ему возможность влиять на планирование городского бюджета. По распоряжению К.П. Кауфмана до 20% планируемых расходов городского

бюджета шли на проекты, реализуемые самим генерал-губернатором [8, с. 125]. Процедура назначения Городского головы была изменена в сравнении с общеимперской практикой. Городской голова городов Ташкента и Верного, как глава исполнительной власти города, не избирался, а назначался военным министром России по представлению генерал-губернатора, что также ограничивало самостоятельность Думы и Управы. После распространения на Семиречинскую область Городового положения 1892 г. Городской голова стал выбираться Думой и утверждаться в этой должности министром внутренних дел.

Если у военного губернатора возникали сомнения относительно правомерности определений Думы, подавались жалобы на действия Думы и Управы, возникал конфликт интересов между городским самоуправлением и другими государственными институтами (армия, казаки), то вопросы направлялись для более детального рассмотрения в областное Присутствие по городским делам. Это была административная единица, коллегиальный орган при губернаторе, куда входил вице-губернатор, представитель местного прокурорского надзора, городской голова и один из гласных местной Городской Думы. Фактически, в областях Степного края Присутствия осуществляли не просто текущий контроль, а участвовали в принятии решений по вопросам городского ведения, порой минуя Городскую Думу. По реформе 1892 г. роль Присутствий должна была возрасти. С одной стороны, это отвечало общему политическому тренду на усиление контроля над общественными институтами и настроениями. В этой связи процедуру утверждения министром внутренних дел проходил не только Городской голова, но и все члены Управы и гласный Думы в составе областного по городским делам присутствия.

С другой стороны, работа органов городского самоуправления по закону 1870 г. выявила ряд системных проблем, по нашему мнению, связанных с низким уровнем гражданской культуры, образованности и отсутствием опыта управленческой работы у большинства гласных Дум и членов Управ. Гласные банально не посещали заседания Думы, что порой было критично для ее работы, так как некоторые решения, в частности, по финансам, должны были приниматься большинством голосов от общего числа гласных Думы. Порой решения в нарушение процедуры принимались без необходимого большинства голосов. В городском положении 1892 г.

вводились нормы, усиливавшие ответственность гласных. О своем отсутствии на очередном заседании Думы они должны были уведомлять заранее Городского голову с указанием уважительной причины.

Журналы заседаний Городской Думы Верного содержат такие заявления, как например, заявление гласного В.С. Назаренкова, что по семейным обстоятельствам он не сможет присутствовать на заседании 14 декабря 1909 г. [21, л. 33]. Областные присутствия по городским делам, по мысли разработчиков реформы, должны были повысить законность и эффективность работы Дум. На этот счет сенатор К.К. Пален по итогам ревизии городского хозяйства Семиреченской области в 1908–1909 гг. делает следующее заключение: «Наблюдение за деятельностью городского общественного управления со стороны администрации недостаточно; обнаружено много постановлений, состоявшихся при незаконности состава уполномоченных и, тем не менее, не переданных военным губернатором на рассмотрение областного по городским делам присутствия» [17, с. 386]. Сенатор, как чиновник, дает рекомендацию, что контроль со стороны администрации должен быть усилен, хотя, на наш взгляд, проблема была глубже. Вместе с тем, К.К. Пален приходит к показательному выводу. Деятельность органов городского самоуправления по развитию и управлению городским хозяйством в Туркестанском крае признается им более результативной и эффективной, чем прямое управление местной администрации, и он рекомендует распространить её на города коренных областей края.

Деятельность Городской Думы по развитию города Верный

По закону в сферу «попечительства и распоряжения» городского самоуправления входил широкий круг вопросов: дела по внешнему благоустройству города (строительство дорог, мостов, тротуаров, водопроводов, освещение), обеспечение безопасности населения (продовольственной, пожарной, санитарной), меры по поддержке и развитию системы здравоохранения и народного просвещения. Возможности любой Городской Думы по развитию городской инфраструктуры напрямую зависели от источников формирования городского бюджета. График заседаний Городской Думы составлялся на год вперед, закон определял количество заседаний от 4 до 24. Верненская Дума

заседала один раз в месяц. В ноябре обсуждалась смета бюджета на следующий год.

Основными статьями доходов российских городов в начале XX в. являлись: сбор с городских имуществ и оброчных статей, оценочный сбор с недвижимых имуществ и сбор со свидетельств на ведение торговли и промыслов (в отдельные годы в статистических отчетах в него включался сбор с трактирных и постоянных дворов, либо он прописывался отдельной строкой), но их удельный вес в доходах отдельных городов зависел от структуры и специализации городской экономики.

Так, большую долю поступлений в городской бюджет торгово-промышленных центров европейской части России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Одесса давали налоги и сборы от коммерческой деятельности: сборы с торговых и промышленных свидетельств, доходы с предприятий, принадлежащих городу, в число которых могли входить трамвай, телефон, водопровод, электростанция, аптеки и т.д. Но в свете того, что экономика России в начале XX в. оставалась аграрной, и современный индустриальный городской сектор экономики находился на начальной стадии формирования, основным источником поступлений в бюджет большинства городов были оброчные статьи, то есть доходы от сдачи в аренду городской земли и имущества [14, с. 178–179; 15, с. 161].

В 1901 г. при общем доходе городского бюджета г. Верный в 56647 руб. сумма дохода по этой статье составила 59% и только 5% сборы с торговых и промышленных предприятий. Для сравнения бюджет столицы, г. Санкт-Петербурга (13 млн. 570 тыс.) показывает почти обратное соотношение: 49% – совокупные поступления от торговых, промышленных предприятий и городских сооружений, и 5% - оброчные статьи. Но повторюсь, что типичной для российских городов, и тем более городов Степного края, была структура доходов бюджета г. Верный. Особенностью городского бюджета г. Верный был удельный вес оценочного сбора с недвижимого имущества физических лиц в структуре бюджета: 4% в доходах за 1901 г. и 6% в 1906 г. [15, с. 161; 16, л. 14 об – 15], в четыре раз меньше, чем у соседнего областного центра Степного края – Семипалатинска, близкого Верному по параметрам экономического развития и размеру городского бюджета. Такая ситуация с оценочным сбором отчасти может объясняться тем, что после разрушительного

землетрясения 1887 г. в г. Верном было принято постановление «вместо каменных двухэтажных строить только деревянные одноэтажные дома» [17, с. 241], оценочная стоимость которых, конечно, была ниже. Кроме того, системной проблемой, серьёзно препятствующей развитию городского хозяйства Верного, был земельный вопрос. На этапе определения и законодательного закрепления площади городских земель, которая была уменьшена в два раза по сравнению с первоначальным планом из-за возникших споров за землю между городским управлением и казаками станицы Алматинская, чьи земли военный губернатор области Колпаковский планировал частично отдать городу. В 1874 г. генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман встал в этом споре на сторону казачества, следствием чего стал острый дефицит земли для постройки домов и других хозяйственных объектов, давший о себе знать уже в начале 1880-х гг. с ростом населения города. Верненская Дума неоднократно выступала с ходатайствами о расширении площади городских земель, но власти так и не смогли разрешить конфликт интересов между казаками и городом.

Расходная часть городского бюджета за 1906 г. позволяет составить представление о деятельности Городской управы г. Верного, в том числе, и в направлении развития городской инфраструктуры. Самые большие расходы, 40% (30217 руб.), были запланированы и пошли на так называемую социальную сферу: народное образование и здравоохранение (медицинская, санитарная, ветеринарная часть). Это уже само по себе свидетельствует, что Городская Дума в меру своих финансовых возможностей участвовала в важных сферах для модернизации общества и развития человеческого потенциала. На содержании городского бюджета находилось шесть училищ начальной школы, одно из них, двухклассное, приходское женское училище им. А.С. Пушкина, и два училища получали субсидии от города. Также на средства города содержалась городская больница и субсидировалась глазная лечебница [17, с. 297]. Вторую группу по количественным затратам составляло содержание городского управления и полиции, 16% или 11842 руб., из них 2 тыс. руб. – зарплата Городского головы и 800 руб. – членов Городской управы. И третья группа, весьма скромная по затратам, 4098 руб. или 5% включала расходы на

благоустройство города, такие как освещение улиц, содержание водопровода и скотобойни [16, л. 17–18].

Водопровод и скотобойня являлись городскими сооружениями, доходы от которых шли в казну города. По смете 1908 г. городские предприятия пополнились аптекой [17, с. 398]. Но этим и ограничивалась современная инфраструктура Верного: в городе не было канализации, электричества, современных средств связи. По статье «содержание и ремонт мостовых», первая в перечне обязанностей городского самоуправления по городским Положениям, не было запланировано расходов, потому что в городе не было мощенных тротуаров, дорог и площадей. Кроме того, обращает внимание, что по статье «новые работы по благоустройству» выделялись номинальные 376 руб., а по смете 1908 г. расходы по этой статье вообще не были запланированы [16, л. 17–18; 17, с. 398].

Для сравнения, в бюджете г. Ташкента за 1908 г. затраты по статье «благоустройство города» составили в количественном выражении первое место в смете расходов [9, с. 148]. Смета расходов городского бюджета дает основание сделать вывод, что Верненские Дума и Управа не имели планов по развитию городской инфраструктуры и средств на их реализацию. И главное, на текущий момент отсутствовали стимулы для роста доходов городской казны, которые могло бы дать развитие промышленности и торговли. В г. Верном на 1908 г. не было городского банка, хотя вопрос этот неоднократно поднимался. Препятствием служил недостаток средств. С 1905 г. при Верненской Городской управе была учреждена выдача мелкого кредита до 300 руб. под 12% годовых для городского населения [17, с. 288]. И, конечно же, фактором, сдерживающим развитие городской экономики, была изолированность Семиречья от российского рынка в силу отсутствия естественных водных транспортных путей и современных средств сообщения – железных дорог.

Во второй половине XIX в. в России именно индустрия и железнодорожный транспорт становятся реальными факторами градообразования и развития уже имеющихся городов [22, с. 72]. Города региона, Петропавловск, Андижан, Ташкент, превратившиеся в железнодорожные узлы после строительства Среднеазиатской, Сибирской и Ташкентской железных дорог, стали «точками роста», пространством более выгодного приложения таких факторов производства, как труд и капитал.

Все они показали после подключения к железным дорогам значительный, местами даже скачкообразный, прирост населения, и, как следствие, росли доходы городского бюджета [23, с. 80]. Торговые круги Верного понимали издержки позиционного положения Семиречья и использовали Городскую Думу как канал продвижения своих интересов, поскольку органы городского самоуправления имели право выдвигать ходатайства по вопросам развития города в вышестоящие властные структуры.

После завершения строительства Оренбург–Ташкентской железной дороги в 1906 г., в коммерческих и правительственных кругах России актуализировался вопрос о соединении железной дорогой районов Туркестана с Сибирью (будущая Туркестано-Сибирская железная дорога). Верненская Городская Дума активно включилась в процесс обсуждения, лоббируя первоочередность строительства именно семиреченского участка Туркестано-Сибирской железной дороги, от ст. Арысь Ташкентской дороги до ст. Пишпека и Верного. Так, верненский Городской голова А. Путолов направлял докладную записку на имя сенатора К.К Палена, когда последний проводил ревизию Туркестанского края в 1908-1909 г. В записке Путолов приводит серию аргументов в пользу обоснования экономической целесообразности строительства железной дороги в Семиречье. В частности он отметил, что «Семиречье в состоянии увеличить в несколько раз свое хлебное производство и обеспечить Туркестан возможно дешевым хлебом и мясом, и дать ему возможность всецело обратиться к производству хлопка как наиболее ценного для него продукта и к развитию его обрабатывающей промышленности» [24, л. 3]. Городской голова г. Ташкента, Н. Маллицкий также готовил докладную записку по этому вопросу, которую презентовал в столице, на заседании комиссии по постройке новых железных дорог Министерства путей сообщения. В итоге, работы по строительству Семиреченской железной дороги начались с 26 апреля 1914 г. и велись частным акционерным обществом на условиях полученной от государства концессии, но преимущества от её строительства город получил уже в советское время.

Выводы

Становление и развитие системы городского самоуправления в Семиреченской области проходило под сильным влиянием региональной

специфики. И эта специфика, в случае с Семиреченской областью, связана не столько с национальным составом региона, сколько с разницей подходов к администрированию в Туркестанском и Степном краях. При схожести позиционных факторов: территория и население, Степной и Туркестанский края имели отличия в системе управления. В рассматриваемый период Степной край был сильнее интегрирован в общеимперское пространство, подчинялся Министерству внутренних дел России, в то время как Туркестан, так и остался до распада империи в ведомстве Военного министерства. Тот факт, что Семиреченская область дважды меняла свою административную принадлежность сказался на траектории развития системы городского самоуправления. Остался область в составе Туркестанского края, и Верный не попал бы под контрреформу 1892 г., сохранив более представительную по составу Городскую Думу. С другой стороны, система городского самоуправления не была бы распространена на уездные города области.

В социальном составе избирателей и органах городского самоуправления Верного ключевые позиции занимали представители традиционных социальных групп: торговое купечество и мещане, что в целом типично для городов Степного края, и свидетельствует, что г. Верный в начале XX в. – глубоко провинциальный город, расположенный на национальной аграрной окраине империи и оторванный от современных путей сообщения. С скромный бюджет, дефицит городских земель из-за земельного спора с казаками, оторванность Семиречья от общероссийского рынка сдерживали работу Верненской Думы и Управы по модернизации городской среды. При всех имеющихся недостатках и сложностях работы институтов городского самоуправления они, тем не менее, выполняли необходимую функцию в системе государственного администрирования – решение вопросов текущего повседневного жизнеобеспечения населения на локальном уровне, которые для областной и краевой администрации, тем более на окраинах империи, не были в числе приоритетных. Не случайно во время ревизии Туркестанского края в 1908–1909 гг. сенатор Пален, сравнив опыт общественного городского управления в Семиречье и прямое управление местной администрации в других городах Туркестана, признал первую более результативной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX века. М.: РОССПЕН, 2018. 638 с.
2. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганды: Гласир, 2010. 242 с.
3. Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления в Степном генерал-губернаторстве // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 27–33.
4. Центрально-Азиатский регион Российской империи в условиях фронтальной модернизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) Барнаул: Издательство АлтГУ, 2021. 395 с.
5. Котюкова Т.В. Краина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
6. Рыгалова М.В. Развитие женского образования в Степном крае и Туркестане в 1880-е гг. – начале XX века // Самарский научный вестник. 2020. Т.9. № 4. С. 240–245.
7. Джаниева Р.М. Социально-экономическое и культурное развитие уездных городов Степного края конец XIX – начало XX вв. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Омск, 2007. 27 с.
8. Почекаев Р. Честолюбие «полупадишаха» или энтузиазм царского администратора? Организатор местного самоуправления в Ташкенте К. П. фон Кауфман. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 1. С. 115–128.
9. Бочкарева И.Б. Институты городского самоуправления в Туркестане в конце XIX – начале XX вв. // Журнал фронтальных исследований. 2023. № 3. С. 135–156.
10. Высочайше утвержденное «Городовое положение» от 16 июня 1870 г. // Национальная электронная библиотека (НЭБ). [эл. доступ]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003545313?page=29&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.09.2024).
11. Городовое положение 1892 года // Высшая школа экономики. Нижний Новгород: [сайт]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/gorodovoe_polozhenie_1892?ysclid=m19ew80mpk296975802 (дата обращения: 20.09.2024).
12. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф. 55. Оп. 1. Д. 5.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 55. Оп. 1. Д. 12.
14. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1901 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1902.
15. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1902 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903.
16. ЦГА РК Ф. 48. Оп. 1. Д. 658.
17. Городское управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб.: Сенатская типография. 1910. [эл. доступ]. URL: <https://elibr.rgo.ru/handle/123456789/61285> (дата обращения: 11.09.2024).
18. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь Мир. 2011. 256 с.
19. Обзор Семиреченской области ... [по годам]. Верный: Тип. Семиреч. обл. правления, 1883–1915 // Государственная публичная историческая библиотека России. [эл. доступ]. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/50512> (дата обращения: 13.09.2024).

20. Семиреченские областные ведомости. 1897. № 9.
21. ЦГА РК Ф. 55. Оп. 1. Д. 30.
22. Лаппо Г. Города Европейской России в конце XIX в. // Город и деревня в европейской России: Сто лет перемен. М., 2001. С. 65–79. [эл. доступ]. URL: <https://djvu.online/file/mLgАНСJjGzGna?ysclid=m1rmenijde948131037> (дата обращения: 25.09.2024).
23. Бочкарева И.Б., Еремин А.А. Урбанизационные процессы в Степном крае и Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 74–93.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1396. Оп. 1. Д. 223.

REFERENCES

1. Vasilyev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX veka.* [Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the XIX Century]. М.: ROSSPEN, 2018. 638 p. (In Russian).
2. Abdrakhmanova B.M. *Istoriya Kazakhstana: vlast, sistema upravleniya, territorialnoye ustroystvo v XIX veke.* [Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the XIX Century]. Karagandy: Glasir, 2010. 242 p. (In Russian).
3. Konovalov I.A. *Osobennosti mestnogo samoupravleniya v Stepnom general-gubernatorstve* [Features of Local Self-Government in the Steppe General Government]. *Pravoprimereniye*. 2023. Т. 7. № 2. P. 27–33. (In Russian).
4. *Tsentralno-Aziatskiy region Rossiyskoy imperii v usloviyakh frontirnoy modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The Central Asian Region of the Russian Empire in the Conditions of Frontier Modernization (the Second Half of the XIX – Early XX Centuries)]. Barnaul: Izdatelstvo AltGU, 2021. 395 p. (In Russian).
5. Kotyukova T.V. *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy.* [The Outskirts are in a Special Position... Turkestan on the Eve of the Drama]. М.: Nauchnopoliticheskaya kniga, 2016. 391 p. (In Russian).
6. Rygalova M.V. *Razvitiye zhenskogo obrazovaniya v Stepnom kraye i Turkestane v 1880-ye gg. – nachale XX veka* [The Development of Women's Education in the Steppe Region and Turkestan in the 1880s – Early XX Century]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2020. Т. 9. № 4. P. 240–245. (In Russian).
7. Dzhaniyeva R.M. *Sotsialno-ekonomicheskoye i kulturnoye razvitiye uyezdnikh gorodov Stepnogo kraya konets XIX – nachalo XX vv.* [Socio-Economic and Cultural Development of the County Towns of the Steppe Region in the Late XIX – Early XX Centuries]. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Omsk, 2007. 27 p. (In Russian).
8. Pohekayev R. *Chestolyubiye «polupadishakha» ili entuziazm tsarskogo administratora? Organizator mestnogo samoupravleniya v Tashkente* K. P. fon Kaufman. [The Ambition of a Half-Padishah or the Enthusiasm of a Tsarist Administrator? Konstantin von Kaufmann and the Development of Local Government in Tashkent]. *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 1. P. 115–128. (In Russian).
9. Bochkareva I.B. *Instituty gorodskogo samoupravleniya v Turkestane v kontse XIX – nachale XX vv.* [Institutions of Urban Self-Government in Turkestan in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2023. № 3. P. 135–156. (In Russian).

10. Vysochayshe utverzhdennoye «Gorodovoye polozheniye» ot 16 iyunya 1870 g. [The Supremely approved "City Regulations" of June 16, 1870]. *Natsionalnaya elektronnaya biblioteka* (NEB). Available at https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003545313?page=29&rotate=0&theme=white (accessed: 20.09.2024) (In Russian).
11. Gorodovoye polozheniye 1892 goda [City Regulations of 1892]. *Vyshhaya shkola jekonomiki. Nizhnij Novgorod*. Available at https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/gorodovoe_polozhenie_1892?ysclid=m19ew80mpk296975802 (accessed: 20.09.2024). (In Russian).
12. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan] (TsGA RK) F. 55. Op. 1. D. 5. (In Russian).
13. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan] F. 55. Op. 1. D. 12. (In Russian).
14. Yezhegodnik Ministerstva finansov [The Yearbook of the Ministry of Finance]. Vyp. 1901 g. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1902. (In Russian).
15. Yezhegodnik Ministerstva finansov [The Yearbook of the Ministry of Finance]. Vyp. 1902 g. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1903. (In Russian).
16. TsGA RK F. 48. Op. 1. D. 658. (In Russian).
17. Gorodskoye upravleniye. Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedenny po vysochayshemu poveleniyu senatorom gofmeysterom grafom K.K. Palenom. [City Administration. The Report on the Audit of the Turkestan Region, Made by the Highest Order of Senator Chamberlain Count K.K. Palen]. SPb.: Senatskaya tipografiya. 1910. Available at <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/61285> (accessed: 11.09.2024). (In Russian).
18. Hje Chuanci. Obzornyy doklad o modernizatsii v mire i Kitaye (2001–2010). [Overview Report on Modernization in the World and China]. M.: Ves Mir. 2011. 256 p. (In Russian).
19. Obzor Semirechenskoy oblasti ... [po godam]. [Overview of the Semirechenskaya oblast ... [by year]. (1883–1915). *Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii*. Available at <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50512> (accessed: 13.09.2024). (In Russian)
20. Semirechenskiye oblastnyye vedomosti. [Semirechensk Regional News] 1897. № 9. (In Russian).
21. TsGA RK F. 55. Op. 1. D. 30. (In Russian).
22. Lappo G. Goroda Yevropeyskoy Rossii v kontse XIX v. [Cities of European Russia at the End of the XIX Century]. // *Gorod i derevnya v yevropeyskoy Rossii: Sto let peremen*. M., 2001. P. 65–79. Available at <https://djvu.online/file/mLgAHCJGzGna?ysclid=m1rmenijde948131037> (accessed: 25.09.2024). (In Russian).
23. Bochkareva I.B., Yeremin A.A. Urbanizatsionnyye protsessy v Stepnom kraje i Turkestane (konets XIX – nachalo XX vv.) [Urbanization Processes in the Steppe Region and Turkestan (late XIX – Early XX Century)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2022. T. 7. № 1 (25). P. 74–93. (In Russian).
24. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [The Russian State Historical Archive] F. 1396. Op. 1. D. 223. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Бочкарева Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения. Алтайский государственный университет.

E-mail: portnygina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2063-2227

Автор подтверждает отсутствие конфликта интересов.

Bochkareva Irina B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Oriental Studies Department. Altai State University.

E-mail: portnygina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2063-2227

The author confirms no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024.

Одобрена после рецензирования 20.10.2024.

Принята 23.10.2024.

Received 02.10.2024.

Approved after reviewing 20.10.2024.

Accepted 23.10.2024.

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. КОНФЕРЕНЦИИ REVIEWS. CONFERENCES

Рецензия
УДК: 327+81
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.13

**Запад и Восток: два взгляда — «два пути», или О России в очаге
информационного противостояния (Рецензия на монографию:
Информационная война в условиях специальной военной операции.
Опыт лингвистического анализа: коллективная монография / под ред.
О. И. Калинина. М.: ООО «Флинта», 2024. 272 с.)**

Дзюба Елена Вячеславовна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
✉ dzyuba_ev@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

***Аннотация.** В рецензии анализируется монографическое исследование коллектива авторов «Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа» (Москва: ООО «ФЛИНТА», 2024. 272 с.), посвященное исследованию манипулятивных средств воздействия на формирование общественного мнения. Монография выполнена под редакцией доктора филологических наук О.И. Калинина. В центре исследовательского внимания – Россия, а именно – специальная военная операция, которая стала предметом ожесточенной информационной войны. Авторы монографии отмечают две оценочные тенденции относительно российской позиции – категорически негативную (со стороны Коллективного Запада: Великобритании, Германии, Испании и др.) и сдержанную (со стороны стран Восточной и Юго-Восточной Азии: Китая, Вьетнама, Северной Кореи и др.). Отмечаются особенности структуры работы. Первая глава представляет теоретико-методологическое обоснование изучения информационных войн: авторы подчеркивают актуальность разных подходов к изучению данного феномена (коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический) и настаивают на продуктивности комплексного анализа собранного материала. Во второй и третьей главах монографии перечисляются ключевые стратегии и тактики воздействия на массовую аудиторию в медиaprостранстве западных и восточных стран, фиксируются две тенденции в понимании будущего мироустройства, отраженные в СМИ разных государств.*

Ключевые слова: информационная война; политический медиадискурс; специальная военная операция; западные СМИ о специальной военной операции; СМИ Восточной и Юго-Восточной Азии о специальной военной операции

Для цитирования: Дзюба Е.В. Запад и Восток: два взгляда – «два пути», или О России в очаге информационного противостояния (Рецензия на монографию: Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: коллективная монография / под ред. О. И. Калинина. М.: ООО «Флинта», 2024. 272 с.) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 240–250. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.13

© Дзюба Е.В., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

review

UDC: 327+81

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.13

West and East: Two Views – ‘Two Roads’, or About Russia in the Centre of Information Confrontation (Review on the Monograph: Information Warfare in Conditions of a Special Military Operation. Experience of Linguistic Analysis: Collective Monograph / ed. by O. I. Kalinin. Moscow: Flinta, 2024. 272 p.)

Elena V. Dziuba ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ dzyuba_ev@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Abstract. *The review analyses the monographic study by a team of authors ‘Information Warfare in a Special Military Operation. Experience of linguistic analysis’ (Moscow: LLC “FLINTA”, 2024. 272 p.), devoted to the study of manipulative means of influence on the formation of public opinion. The monograph was edited by Doctor of Philological Sciences O. I. Kalinin. The center of research attention is Russia, namely a special military operation, which became the subject of a fierce information war. The authors of the monograph note two evaluative tendencies regarding the Russian position — categorically negative (on the part of the Collective West: Great Britain, Germany, Spain, etc.) and restrained (on the part of the countries of East and South-East Asia: China, Vietnam, North Korea, etc.). The peculiarities of the structure of the work are noted. The first chapter presents the theoretical and methodological basis for the study of information wars: the authors emphasise the relevance of different approaches to the study of this phenomenon (communicative, discursive, cognitive and cultural-ideological) and insist on the productivity of a comprehensive analysis of the collected material. The second and third chapters of the monograph list the key strategies and tactics of influencing mass audiences in the media space of Western and Eastern countries, as well as two trends in the understanding of the future world order reflected in the media of different countries.*

Keywords: Information Warfare; Political Media Discourse; Special Military Operation; Western Media about Special Military Operation; Western Media East and South-East Asian Media about Special Military Operation

For Citation: Dziuba, E.V. West and East: Two Views – ‘Two Roads’, or About Russia in the Centre of Information Confrontation (Review on the Monograph: Information Warfare in Conditions of a Special Military Operation. Experience of Linguistic Analysis: Collective Monograph / ed. by O.I. Kalinin. Moscow: Flinta, 2024. 272 p.). *Russia in the Global World*. 2024. T. 27. Iss. 4. P. 240–250. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.13

© Dziuba, E.V., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

За два с лишним года ведения специальной военной операции (далее – СВО) в российском научном дискурсе появилось достаточно много публикаций, посвященных разным аспектам осмысления событий в зоне СВО и за ее пределами. Вопросами «вокруг» СВО занимаются военные аналитики, журналисты, политологи, исследователи международных отношений, социологи, юристы, экономисты, психологи и педагоги. Специалисты в области политической лингвистики не стали в этом смысле исключением.

Важным событием в этом направлении научного знания стал выход коллективной монографии под редакцией О.И. Калинина «Информационная война в условиях специальной военной операции: опыт лингвистического анализа» (М.: ООО «ФЛИНТА», 2024). Руководитель данного проекта в Предисловии к книге подчеркнул, что «одним из значимых событий мирового масштаба, которое по оценкам многих экспертов во многом будет определять архитектуру будущего мироустройства, явилась специальная военная операция Вооруженных Сил России на Украине» (стр. 6). Однако основной интерес авторов монографии сосредоточен не столько на событиях СВО, сколько на медийном дискурсе об СВО, в котором полномасштабно развернулась настоящая информационная и – добавим: когнитивная – война, ср.: «Сразу после начала боевых действий не менее «ожесточенное сражение» развернулось среди лидеров мнений мировой общественности, и информационная война вышла за пределы привычного формата: СМИ превратились из «средств артиллерийской поддержки» в «оружие

массового поражения». В условиях мирового политического и экономического кризиса, невозможности решения возникающих проблем посредством международных организаций на первый план вышли двусторонние отношения между государствами, а СВО (специальная военная операция) стала своего рода лакмусовой бумажкой для определения отношений между странами и формирования образа России и ее будущего среди народов других стран» (стр. 6).

Коллективная монография посвящена, таким образом, изучению манипулятивного потенциала российских и зарубежных медиа в условиях современного информационного противостояния, усилившегося с началом СВО. Авторы сосредотачивают внимание на стратегиях и тактиках ведения информационной войны, акцентируют внимание на вербальных и невербальных инструментах воздействия на формирование общественного мнения.

Монография состоит из трех глав, планомерно раскрывающих теоретические и практические аспекты исследования речевых тактик и стратегий ведения информационной войны против России, а также демонстрирующих содержательные компоненты и оценочные грани общественного мнения в разных странах относительно специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации.

Первая глава «Лингвистические основы описания информационной войны» раскрывает некоторые базовые положения об изучении информационной войны в лингвистическом и когнитивно-дискурсивном аспектах. М.В. Приходько представляет исторический обзор стратегий и тактик противостояния, обусловленных конкретной эпохой и характерным для нее мировоззрением, а также принятым в то или иное время каналом информирования. Исследователь приводит примеры из древности и Средневековья, когда информационные войны носили более символический и мифологический характер (например, через образы враждебных наций как «варваров») и отмечает, вслед за Э. Тоффлером, высказавшем идею о «третьей волне», наличие переломного этапа, связанного с информационными технологиями, которые коренным образом изменили характер войн на психологические и информационные.

О.И. Калинин и М.В. Приходько предлагают теоретико-методологическое обоснование изучения информационной войны, отмечая

среди наиболее актуальных подходов к ее описанию коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический. Авторы приходят к выводу о необходимости комплексного изучения современной информационной войны, которая «отличается коммуникативной природой, дискурсивным характером, когнитивной основой, культурной и идеологической обусловленностью». О.И. Калинин и М.В. Приходько обсуждают трудности классификации текстов, задействованных в информационной войне, а также методологические сложности, связанные с анализом дискурса. В последующем разделе монографии О.И. Калинин настаивает на системном изучении текстового пространства информационной войны, выделяя две возможные тенденции – нисходящую (от критического анализа дискурса к определению дискурсивных тактик и стратегий) и восходящую (от анализа текста через анализ дискурса к выделению отдельных концептов).

Психосоциальные основания дискурса информационных войн выявляет В.Р. Муравлева, которая рассматривает дискурсивные стратегии информационной войны и отмечает три аспекта их изучения: концептуально-тематический, функционально-прагматический, формально-стилистический. Исследователь подчеркивает, что цель любой информационной кампании – изменить восприятие окружающей действительности.

Социокультурные аспекты информационной войны раскрывает А.А. Хабаров, который выделяет следующие параметры лингвоментального воздействия на массовую аудиторию: контрастная динамика дискурсов информационной войны, сформированность идеологических установок, управляемая интердискурсивность акторов информационной войны, организация событийного фона.

Вторая глава монографии «Специальная военная операция как информационная война: взгляд с Запада» представляет анализ текстов об СВО, опубликованных в западных СМИ. В данном разделе рассматриваются стратегии, которые применяются для формирования негативного образа России (см. разделы, написанные Л.Е. Поповой, А.С. Подолько и О.А. Солоповой, Т.В. Гречушниковой, А.В. Имас, Е.А. Степаненко, Э.М. Лелюкаевой, А.С. Веретенниковым). Так, Л.Е. Попова рассматривает заголовки западных англоязычных статей и выделяет основную стратегию демонизации России, выраженную в терминах,

создающих образы «дикого агрессора» (ср. номинации: «рашизм», «варвары» и под.). Исследователь делает важное замечание: «Трендом в ожиданиях современного общества относительно деятельности информационных источников является требование плюрализма мнений в информационном пространстве противоборствующих сторон – участников военного конфликта. Однако в ситуации военного конфликта СМИ каждого из участников конфликта отражают позицию собственного правительства, с подключением общественного мнения по поводу конфликта, исходя из преобладания мнения о собственной правоте» (стр. 102).

А.С. Подолько и О.А. Солопова изучают средства формирования (экспрессивно-окрашенная лексика, метафора, прецедентные феномены) образа России в британском медиа дискурсе на материале издания «The Economist». Авторы подчеркивают, что в британских СМИ Россия представляется «врагом», «жестоким агрессором», «оккупантом», а Украина выступает «защитником свободы». Исследователи приходят к выводу, что «западными средствами массовой информации ведется методичная работа не только по дискредитации и негативизации, но скорее – по демонизации образа России, ее лидера, военных сил и населения страны. Формирование новостной повестки британского дискурса в период специальной военной операции, способы описания происходящих событий не позволяют читательской аудитории получить объективную информацию и составить непредвзятое мнение о происходящем: на уровне регулярно транслируемых и намеренно внушаемых в сознание читательской аудитории образов происходит открытая манипуляция общественным мнением» (стр. 123).

На фоне исследований западных СМИ, в которых рисуется негативный образ России, особым образом выделяется работа Т.В. Гречушниковой, сосредоточившей свое внимание на немецкоязычных медиа пророссийской направленности. Исследователь рассматривает материалы, авторы которых придерживаются более нейтрального или пророссийского подхода к освещению российско-украинских событий. Исследователь отмечает стремление авторов таких публикаций передать исторический и культурный контекст развернувшихся военных действий, который полностью игнорируется большинством западных СМИ. Т.В.

Гречушникова обобщает мнение журналистов и блогеров, политиков и политологов, чья позиция в отношении России идет вразрез с официальной риторикой коллективного Запада: «Упомянутые нами авторы едины во мнении, что их аудитория достойна объективной картины происходящего, правды о предыстории, причинах и ходе СВО, для чего необходимо учитывать и освещать мнения и позиции обеих сторон конфликта» (стр. 142).

А.В. Имас анализирует обложки журнала «Der Spiegel» и других немецких медиа, которые используют яркие визуальные метафоры для создания негативного и демонического образа России и ее руководства. Так, Россия представляется как «империя зла» с ее «шпионами», «агентами», «убийцами», способными за невероятные «зверства», «казни», «пытки» и т. п. Исследователь связывает использование такой экспрессии поликодовых текстов с интенцией к переключению внимания реципиента, ср.: «Изобразительная составляющая медиатекстов, затрагивающих аспекты СВО, выступает <...> мощным и эффективным инструментом усиления эмоционального воздействия на население западных стран, удержания его в специально созданном плотном информационном пузыре. Это позволяет нашим западным противникам отвлекать внимание от реализации своих геополитических и военно-политических задач и оправдывать собственные ошибки, маскировать неблагоприятные действия в отношении России, Украины и других стран» (стр. 157).

Е.А. Степаненко рассматривает публичные выступления голландских политических деятелей в контексте СВО и выявляет некоторые архетипические образы, влияющие на современное понимание противостояния России и Запада. Эти образы связаны с историческим прошлым страны, становлением нидерландской государственности и войны за свободу вероисповедания, а впоследствии и за свою территорию.

Э.М. Лелюкаева анализирует СМИ Испании, Венесуэлы и Кубы и выявляет противоположные оценочные тенденции в предъявлении информации об СВО. Автор приходит к выводу, что СВО в СМИ Республики Куба и Боливарианской Республики Венесуэла представляется «в качестве необходимого шага в рамках сложившейся политической ситуации, в качестве причины конфликта отмечаются действия США и их союзников. Испания же как страна-член блока НАТО заняла

противоположную позицию, направленную на формирование у населения образа России в качестве страны-агрессора» (стр. 181).

Традиционное в зарубежных СМИ понимание России как врага Запада отмечает А.С. Веретенников, который подчеркивает, что в настоящее время доминирует оценка российского государства как агрессора, оккупанта. Автор, однако, отмечает наметившееся в западных медиа преломление образа России: за Россией признается огневая мощь и упорство, хотя настойчивая презентации концепта дегуманизации нашей страны не прекращается.

Третья глава «Специальная военная операция как информационная война: взгляд с Востока» фокусирует внимание на восприятии СВО со стороны таких стран: Индия, Китай, Северная и Южная Корея, Вьетнам и Япония.

Индийские СМИ об СВО, по результатам исследования Е.В. Голубцовой, занимают противоположные позиции: одни медиа поддерживают «западную сторону», другие придерживаются нейтральной позиции.

Репрезентация СВО в китайском медиа дискурсе, как отмечает О.И. Калинин, преимущественно нейтральна, однако в некоторых случаях китайские медиа тексты приобретают позитивный тон в освещении военных действий. Китайские СМИ акцентируют внимание на историческом контексте конфликта и его экономических последствиях. О.И. Калинин подчеркивает, что «репрезентация СВО на Украине в китайских медиа носит позитивно-нейтральный характер, в Китае создается образ внешнего далекого конфликта, который имеет глубокие исторические корни, весьма серьезные экономико-политические последствия, но в целом Китая не касается, поэтому КНР не стремится выбрать какую-либо из сторон конфликта, постулируя данный факт как через свою дипломатию, так и через СМИ посредством соответствующей репрезентации происходящих событий» (стр. 215).

Д.В. Мавлеева реконструирует образ России по данным СМИ Республики Корея и КНДР и подчеркивает, что в СМИ Северной Кореи Россия представляется в основном через оппозицию к США, при этом действия России рассматриваются как необходимые в данной исторической ситуации, причиной же конфликта служат действия США и

их союзников. Южнокорейские медиа часто придерживаются западной позиции и представляют Россию как агрессора, врага и оккупанта.

В.А. Сербин описывает позицию Вьетнама относительно СВО. Автор подчеркивает, что вьетнамские медиа передают нейтральные оценки актуальных событий, акцентируя внимание на важности переговоров и поддержке мира.

В.М. Середенко и А.С. Вьюнов, анализируя средства создания образа вооруженных сил России в японских СМИ, доказывают, что медиа Японии придерживаются антироссийской риторики и представляют вооруженные силы РФ как дезорганизованные и слабые.

Рецензируемое монографическое сочинение значимо не только тем, что оно представляет масштабное по охвату языкового и дискурсивного материала исследование, нацеленное на выявление ключевых тенденций в оценке России со стороны разных государств. Работа данного научного коллектива представляет ценность благодаря выявленному лингвокогнитивному инструментарию информационной войны, который активно используется современными медиа.

Авторы приходят к выводу, что западные СМИ применяют комплекс агрессивных стратегий и тактик, направленных на создание и поддержание негативного образа России как «агрессора». Эти стратегии часто базируются на приемах демонизации, фрейминга, создания ярких метафор и визуальных образов с высоким воздействующим потенциалом. Основная цель в западных медиа при этом заключается в представлении России как варварского, агрессивного и очень опасного государства, против которого должен объединиться т. н. «цивилизованный мир». В англоязычных СМИ нередко используются метафоры с агрессивным потенциалом и установление невыгодных исторических параллелей: западные СМИ нередко проводят аналогии современных ситуаций с важными историческими конфликтами. Так, Украину сравнивают со «свободным миром», отражающим сопротивление агрессору, а Россию сопоставляют с Германией времен Второй мировой войны. Авторами таких публикаций используется эмоционально окрашенная лексика и оценочные высказывания («агрессор», «угроза», «варвары»), что формирует негативное отношение к России.

Особую роль в западных медиа играют поликодовые тексты, например, такие, которые представлены на обложках журнала «Der Spiegel». Россия здесь изображается как «империя зла», а ее президент как дьявол. Подобная визуализация усиливает негативные коннотации вербальных средств, она легко запоминается реципиентами, в сознании которых твердо укореняется образ злейшего врага. В западных СМИ часто используется метафорический образ России как осьминога или других хищных существ, которые поглощают окружающие страны. Это не только дегуманизирует образ, но и усиливает восприятие России как экспансивного, неуправляемого государства. Нередко авторы дискредитирующих Россию публикаций вводят в дискурс образ «варварской» страны, чьи действия не обоснованы и чужды логике, они не поддаются объяснению. Это подкрепляется идеей изоляции Российской Федерации от остального мира; это представляет страну как не соответствующую «цивилизованным» стандартам и нормам поведения. Перечисленные приемы фиксируют одностороннюю позицию, акцентируют внимание на «иррациональности» и «агрессии» российской стороны.

В азиатских медиа наблюдается иная картина: публикации в СМИ характеризуются большей нейтральностью в освещении актуальных событий, стремлением осветить социально-исторический и культурный контекст происходящего, соблюдением взвешенной риторики, направленной на формирование понимания ситуации без жестких и однозначных оценок. Особенно это свойственно медиа дискурсу Китая, Индии и Вьетнама, в рамках которого основное внимание уделяется рассмотрению событий с разных точек зрения; авторы публикаций об СВО стремятся дать аудитории возможность самостоятельно оценить происходящее, избегают эмоционально окрашенных и экспрессивных выражений, категоричных оценок и резких заявлений, акцентируют внимание на геополитических и экономических аспектах происходящего.

Азиатские СМИ, особенно китайские и вьетнамские, подчеркивают важное значение мирных переговоров и диалога; эти государства избегают однозначной критики в сторону России, позиционируя себя как страны, заинтересованные в стабилизации ситуации через усилия дипломатических структур. Важно подчеркнуть, что, например, в СМИ Северной Кореи и

Китай конфликт интерпретируется как противостояние России и США, где Украина играет исключительно второстепенную роль, что позволяет представить события в глобальном контексте и избежать создания однозначно отрицательного образа России, представив её в определенной мере как жертву недальновидной политики США. Индийские и китайские издания в основном стараются представить своей аудитории альтернативные взгляды на конфликт, что демонстрирует отказ от однозначной манипулятивной стратегии в отношении воспринимающей информацию аудитории.

Обобщая сказанное о монографии, подчеркнем высокое значение данной работы, в которой специалисты в области политической лингвистики предприняли едва ли не первое масштабное и многостороннее исследование мировых СМИ в отношении информационной войны вокруг СВО России. Авторы своим исследованием еще раз доказали наличие у современных политических акторов разных интенций в понимании будущего мироустройства: одни идут по пути сохранения однополярности любой ценой, другие движутся по пути к многополярному миру.

Сведения об авторах / Information about authors

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: dzyuba_ev@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-3833-516X.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Dziuba Elena V. – Doctor of Philology, Professor of Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: dzyuba_ev@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-3833-516X.

Author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024.
Одобрена после рецензирования 16.07.2024.
Принята 16.07.2024.

Received 08.07.2024
Approved after reviewing 16.07.2024.
Accepted 16.07.2024.

«Россия в глобальном мире»

Том 27. Выпуск 4

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 27. Issue 4

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее двенадцати**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.
1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).
2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.
2. Aleskerova N.Je. Nekotorye svedenija ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufijjskogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).
3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 24.07.2021).
3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at <http://kremlin.ru> (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).
4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij trgovoj ekonomicheskiy zhurnal*. 2011. № 12. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого двойного рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Авторы несут полную ответственность за представляемое качество материалов, оформленные ссылки на исходные публикации, в том числе с указанием на авторов и сайты, включенных Министерством юстиции РФ в актуальный (на момент выхода выпуска) список иностранных агентов.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел. редакции 8 (812) 606-62-42

e-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru

сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>